

Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Ноябрь 2020 г.

НОМЕР 67

ЧАСТЬ 6



Самара 2020

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Ноябрь 2020 г. №67, Часть 6 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2020. – 152 с.

DOI 10.18411/lj-11-2020-p5

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ XXX. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	6
Александров А.С., Мамин А.С. Осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	6
Асхадуллина А.Р. Общее и особенное в регламентации совокупности преступлений в уголовном кодексе Российской Федерации и в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья.....	9
Бахтиярова Э.Р. Проблемы квалификации преступлений со специальным субъектом, совершаемых в соучастии	12
Бахтиярова Э.Р. Некоторые вопросы, связанные с толкованием признаков специального субъекта преступления	15
Брик К.И., Вилкус О.И., Громыко П.В., Михеева А.А., Малышева Д.И., Терещенко Н.В. Ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве	18
Бялт В.С., Чимаров С.Ю. Правовое воспитание: сущность и значение	21
Веретейникова Ю.И., Мамин А.С. Административные правоотношения, возникающие при осуществлении профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции.....	24
Гаврик А.Е. Электронные доказательства по делам о защите прав интеллектуальной собственности в сети Интернет	27
Казахова М.Г. Активное избирательное право: понятие и принципы реализации.....	30
Лиходедов К.С., Карташов И.И. Меры уголовно-правового противодействия незаконной игровой деятельности по законодательству США.....	33
Коровина А.В. К вопросу о свойствах приговора как акта правосудия.....	36
Костюк К.И. Проблемы разрешения индивидуальных трудовых споров в комиссии по трудовым спорам.....	40
Котова С.Г., Шутько В.Ю. Статус граждан в процессе судопроизводства как субъектов правовой активности.....	43
Крякина Т.А. Цифровые следы в криминалистике: понятие и значение в расследовании преступлений.....	46
Лебедева И.Е., Мамин А.С. Проблемы контроля ОМВД над частной детективной и охранной деятельностью	50
Лесик А.В. Виды и классификация материальной ответственности работника перед работодателем.....	53
Лесик А.В. К вопросу о теоретико-правовой составляющей материальной ответственности работника в трудовом праве	56

Магомедова Е.А., Гребцов М.П. Административное приостановление: теоретико-правовая характеристика	59
Магомедова Е.А., Исаева М.В., Самороднова А.О. Структура правовой политики: вопросы теории и практики.....	63
Мирзаева А.А. Несостоятельность (банкротство) юридического лица как мера юридической ответственности.....	66
Мошин А.М. Проблемы оказания медицинской помощи сверх объема, установленного территориальной программой обязательного медицинского страхования	69
Мусабиров Д.А. Субсидиарная ответственность при банкротстве как разновидность квазиделиктной юридической ответственности	73
Назаретян К.А. Проблемы адвокатской монополии в гражданском процессе	77
Рабец А.П., Коростиев А.А. Право гражданина на внешний облик и изображение в системе личных неимущественных прав	80
Рogaва И.Г., Даниленко Н.Е. Проблемы реализации принципов уголовного судопроизводства при рассмотрении дела в особом порядке.....	88
Самигуллина Э.А., Павлов С.Ю. Нормативно-правовое регулирование деятельности интернет-СМИ в Российской Федерации	91
Селезнев А.В. Киберпреступления – как объект криминалистического исследования. 93	
Симонян Р.З. Права и обязанности медицинских работников и пациентов в сфере здравоохранения РФ	97
Смирнова А.В. Экспертная профилактика в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности.....	100
Стрыгина С.В. Правовое регулирование решения проблем предотвращения загрязнения Мирового океана.....	103
Филиппева Е.В. Компьютерная информация в уголовно праве	107
Цельникер Г.Ф., Фитюнина Н.А., Звягинцева С.А. К вопросу о современной системе налогового права	109
Фролов А.А. Право на жилище в практике решений конституционного суда РФ.....	112
Цельникер Г.Ф., Ефимова Е.В., Жукова А.В. К вопросу о презумпции добросовестности налогоплательщика	115
Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Порядок применения мер поощрения, наложения дисциплинарных взысканий и их учета в органах внутренних дел Российской Федерации.....	118
РАЗДЕЛ XXXI. СОЦИОЛОГИЯ	122
Ахмерова Л.В. Идеология и ее роль в стратегии современного гуманитарного образования.....	122

Бояринова И.В. Эйджистские стереотипы и их влияние на самоограничительные установки и практики граждан старшего поколения.....	125
Коваленко А.И., Шаршова О.А. Аборты: за и против	129
Осколков А.В. Специфика становления социальной системы в Российской Федерации	132
Тарасова М.В. Прогностика риск-факторов устойчивого регионального развития в России (на примере Ростовской области)	135
 РАЗДЕЛ XXXII. ФИЛОСОФИЯ	141
Гумен К.Ф. Социальная система в контексте медийной типизации информации	141
Свириденко А.А. Онтологические аспекты образовательного пространства	143
Хайбулаева З.Р. Философия Дэвида Юма.....	150

РАЗДЕЛ XXX. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Александров А.С., Мамин А.С.

Осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-215

idsj: ljournal-11-2020-215

Аннотация

Статья направлена на анализ проблем, возникающих в процессе применения российского законодательства в области административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Автор рассматривает недостатки эффективности некоторых положений законодательных актов, связанных с осуществлением такого надзора.

Ключевые слова: административный надзор, рецидив преступлений, постпенитенциарное воздействие.

Abstract

The article is aimed at analyzing the problems that arise in the process of applying Russian legislation in the field of administrative supervision of persons released from prison. The author examines the shortcomings of the effectiveness of certain provisions of legislative acts related to the implementation of such supervision.

Keywords: administrative supervision, recidivism of crimes, post-penitentiary impact.

В настоящее время административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы является достаточно актуальной проблемой, поэтому следует уделить ей особое внимание. Административный надзор является одной из важнейшей исполнительной формой деятельности полиции. Существующие законодательные акты в данной сфере, предусматривают установление административного надзора за гражданами, освободившимися из мест лишения свободы. Основной целью такого надзора является постпенитенциарное воздействие органов Министерства внутренних дел на указанную категорию граждан в целях предупреждения рецидива преступлений и других правонарушений. Данное воздействие необходимо осуществлять в отношении лиц, которые нарушали порядок отбывания наказания, а также если в течении года после освобождения такие лица несколько раз нарушали общественный порядок, а также в российском законодательстве необходима детальная регламентация ведения административного надзора за лицами, имеющими судимость за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего.

Анализ статистических данных позволяет заметить, что в 85% случаев, повтор совершения преступлений происходит в течении первых трех лет после освобождения, в связи с имеющимися обстоятельствами, следует отметить, что административный надзор в отношении таких лиц является особой частью в предотвращении рецидива преступлений.

Основным нормативно-правовым актом в данной сфере является Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», основными направлениями данного законодательного акта, несомненно, является эффективное предупреждение рецидивов

преступлений, а также применение мер административного надзора в исправительных целях поднадзорных лиц. Предпосылками к его созданию послужил ряд отрицательных факторов, среди которых:

- увеличение рецидивной преступности;
- отсутствие четкой системы борьбы с данным явлением.

В настоящем законе дается определение данному понятию. Так, под административным надзором понимается «осуществляемое органами Министерства внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

В ст.4 настоящего ФЗ определен ряд административных ограничений, в сущности которых определяется административный надзор, к таким ограничениям относится следующее:

- запрет на пребывание в определенных местах;
- запрет посещения мест проведения массовых мероприятий, а также участие в них;
- запрет выезда за установленные в судебном порядке пределы территории;
- обязательная явка определенного количества раз в месяц в ОМВД по месту жительства или пребывания для регистрации, данное ограничение имеет императивный характер применения.

Следует отметить, что административный надзор- не способ унижения человеческого достоинства поднадзорного лица, напротив, данный надзор направлен на перевоспитание граждан, совершивших тяжкое преступление и осужденных лишением свободы на длительный срок.

В настоящее время существует проблема взаимодействия сотрудников ОМВД, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность с сотрудниками подразделений по административному надзору и участковыми уполномоченными полиции. Отсутствует отлаженный механизм своевременного обмена информацией между данными подразделениями об образе жизни и других важных факторах пребывания поднадзорного, которые при своевременном обнаружении могут выявить преступные намерения, а также вовремя их предупредить. Важная роль в осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных в судебном порядке ограничений прав и свобод, а также за выполнением таким лицом соответствующих обязанностей, отведена именно совместной работе территориальных органов ФСИН и ФМС РФ для достижения наибольшей эффективности оказания постпенитенциарное воздействия в целях защиты общественного порядка.

Законодательная база в области административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы требует существенной доработки, а также разработки дополнительных индивидуальных профилактических мер в отношении данной категории граждан, об этом свидетельствует статистика по Белгородской области об административном надзоре в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

В 2018 году по данным статистики в отношении 678 лиц данной категории, осуществляется административный надзор, благодаря таким профилактическим мерам, отмечается снижение рецидивной преступности, однако необходимо рассмотреть вопрос и о дополнительных индивидуальных профилактических мерах.

По мнению автора, целесообразно применять использование электронных браслетов, для повышения контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, за которыми установлен административный надзор. В настоящее время наблюдается рост тенденции нарушения установленных ограничений поднадзорными лицами, используя при этом большое количество уловок. Именно поэтому необходимо использование такой меры контроля, как электронные браслеты, способно изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону.

Так, к основным недостаткам эффективности некоторых положений законодательных актов, связанных с осуществлением административного надзора необходимо отнести:

- несовершенная работа территориальных органов Министерства внутренних дел России по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;
- отсутствие отлаженного механизма своевременного обмена информацией между сотрудниками ОМВД, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность с сотрудниками подразделений по административному надзору и участковыми уполномоченными полиции об образе жизни, привычках, местах пребывания поднадзорного, которые при своевременном обнаружении могут выявить преступные намерения, а также вовремя их предупредить.
- недостаточная эффективность и результативность норм действующего законодательства, оказывающего индивидуальные профилактические воздействия на лиц, освобожденных из мест лишения свободы, имеющих непогашенную, а также неснятую судимость в целях защиты общественного порядка.
- недостаточная разработка дополнительных мер профилактического воздействия в отношении лиц, освобожденными из мест лишения свободы в целях наиболее строгого контроля, например, распространение более широкого использования электронных браслетов для данной категории лиц.

При рассмотрении нами данного вопроса были подняты достаточно проблемные аспекты практики административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В связи с этим, по мнению автора, необходимость решения выявленных проблем является достаточно актуальным в административном законодательстве РФ.

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.06.2020) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
3. «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 2011, № 15, ст. 2037
4. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. - 2-е изд. // изм. и доп. - М.: Норма, 2005. – 800с
5. Веремеенко И.И., Салищев Н.Г., Сидоренко Е.Н., Якимов А.Ю. Комментарий к кодексу РФ об административных правонарушениях. //М., 2003. С.27.

Асхадуллина А.Р.

Общее и особенное в регламентации совокупности преступлений в уголовном кодексе Российской Федерации и в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья

ФГБОУ ВО «Бакирский государственный университет»
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/lj-11-2020-216

ids: lj-11-2020-216

Научный руководитель
Ситдикова Г.З.

Аннотация

В данной статье проанализированы нормы уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, посвященные регламентации совокупности преступлений. Задачами вышеуказанного анализа является выявление как общих, так и особенных признаков в сравнении с отечественным уголовным законом. Проведенное исследование позволяет сделать вывод об обоснованности внесения изменений в регламентацию совокупности преступлений.

Ключевые слова: Совокупность преступлений, уголовное право, множественность преступлений.

Abstract

This article analyzes the norms of the criminal legislation of the neighboring countries, dedicated to the regulation of the aggregate of crimes. The objectives of the above analysis is to identify both general and specific features in comparison with the domestic criminal law. The main ways of borrowing some provisions from foreign legislation are determined. The conducted study allows us to conclude that it is reasonable to make changes to the regulation of the aggregate of crimes.

Key words: Set of crimes, punish law, plurality of crimes.

Вопрос о регламентации совокупности преступлений является весьма значимым для уголовного права. Данная категория является разновидностью множественности преступлений. Изучая судебную практику, мы пришли к такому выводу, что преступные деяния лиц, квалифицируемые по совокупности преступлений, явление нередкое. В связи с чем, регламентация совокупности преступлений тесно связана с правильной квалификацией преступного деяния. Указанные положения значимы не только для отечественного уголовного законодательства, но и для уголовного законодательства зарубежных стран.

При анализе уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, мы установили, что по большей части регламентация совокупности преступлений идентична норме, закрепленной в ст. 17 УК Российской Федерации [1] (далее – УК РФ). Однако имеются и существенные отличия, о которых мы укажем в настоящей статье.

Говоря об общих признаках, необходимо упомянуть регламентацию совокупности преступления по ст. 13 УК Республики Казахстан, которая имеет аналогичное по содержанию определение. Так, «1. Совокупностью уголовных правонарушений признается совершение двух или более деяний, предусмотренных различными статьями или частями статьи настоящего Кодекса, ни за одно из которых лицо не было осуждено или не было освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом. При совокупности уголовных правонарушений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное деяние по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса, если признаки этих деяний не охватываются нормой одной статьи или части статьи настоящего Кодекса, предусматривающей более строгое наказание».

2. Совокупностью уголовных правонарушений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки уголовных правонарушений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса. При такой совокупности лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное деяние по соответствующим статьям настоящего Кодекса, если признаки одного деяния не охватываются нормой статьи настоящего Кодекса, предусматривающей более строгое наказание за другое деяние.

3. Если одно и то же деяние подпадает под признаки общей и специальной норм соответствующих статей настоящего Кодекса, совокупность уголовных правонарушений отсутствует и уголовная ответственность наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса, содержащей специальную норму [2]».

Хотелось бы отметить, что среди проанализированных уголовных кодексов таких стран, как Республики Казахстан, Республики Беларусь и Республики Молдова, Кыргызской Республики, лишь в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Беларусь) нормы касательно совокупности преступлений и рецидива преступлений, закреплены в отдельную главу, именуемой множественность преступлений.

Более того, часть из указанных уголовных законов стран ближнего зарубежья имеет понятия единичного, продолжаемого, длящегося преступления, а также понятия неоднократности и повторности преступления, последние из которых совпадают по смыслу с понятием неоднократности преступлений, содержащимся в ст. 16 УК РФ в редакции до 08.12.2003 года. В связи с чем, мы не видим необходимости более подробно останавливаться на понятиях неоднократности и повторности преступлений, содержащихся в УК Республики Казахстан, УК Республики Беларусь. Однако стоит обратить внимание на закрепленные в Уголовном кодексе Республики Молдова (далее – УК Республики Молдова) и в Уголовном кодексе Кыргызской Республики (далее – УК Кыргызской Республики) понятия единичного, длящегося, продолжаемого преступления. Указанные понятия содержатся в УК Республики Молдова в ст. 28 – 30 указанного кодекса, в соответствии с которыми «единичное преступление представляет собой действие (бездействие) или совокупность действий (бездействий), квалифицируемых в соответствии с положениями одной нормы уголовного закона. Длящимся преступлением признается деяние, характеризующееся непрерывным совершением преступной деятельности в течение неопределенного времени. В случае длящегося преступления множественности преступлений не существует. Длящееся преступление признается оконченным с момента прекращения преступной деятельности или благодаря наступлению событий, препятствующих осуществлению такой деятельности. Продолжаемым преступлением признается деяние, совершенное с единым умыслом, характеризующееся двумя или более идентичными преступными действиями, имеющими общую цель и составляющими в общем одно преступление. Продолжаемое преступление признается оконченным с момента совершения последнего преступного действия или бездействия [3]».

Понятие длящегося преступления также содержится в ст. 20 УК Кыргызской Республики: «1. Длящимся преступлением признается деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса, совершение которого начинается с действия или бездействия, которое затем осуществляется непрерывно. 2. Длящееся преступление является оконченным с момента прекращения действия или бездействия [4]».

На наш взгляд законодательная регламентация указанных выше понятий является положительным аспектом, служащим основанием для верной квалификации совокупности преступлений и для ее отграничения от единичных преступлений. В отечественном уголовном законе отсутствуют аналогичные нормы, однако на этот счет имеется разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР 1929 г., действующего на сегодняшний день. С другой стороны, судебные разъяснения не обладают юридической силой, в отличие от УК РФ. Даже устранение пробелов уголовного закона путем судебных разъяснений не гарантирует того, что на практике не будут иметь место

ошибки при отграничении совокупности преступлений от единичных преступлений. Разумеется, невозможно устранить все имеющиеся пробелы в законодательстве лишь дополняя закон, в противном случае, УК РФ значительно увеличится в объеме, что повлечет сложность при его применении на практике. Однако, на наш взгляд, нормы, имеющие отношение к понятию преступления, должны быть законодательно регламентированы, в целях исключения ошибок при квалификации содеянного.

Следующее отличие при определении понятия совокупности преступлений со ст. 42 УК Республики Беларусь, согласно которой «1. Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части настоящего Кодекса, ни за одно из которых лицо не было осуждено. При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье настоящего Кодекса. 2. Если преступление предусмотрено различными статьями Особенной части настоящего Кодекса, из которых одна норма является общей, а другая специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме [5]». Однако в данном случае отсутствие в статье указания на совершение двух и более преступлений, предусмотренных разными частями одной статьи, связано с наличием в УК Республики Беларусь понятия повторности преступлений, охватывающее указанные случаи.

УК Кыргызской Республики в ст. 21 более кратко, чем УК РФ, регламентирует понятие совокупности преступлений: «Совокупностью преступлений признается совершение лицом двух или более преступлений. При этом не учитываются преступления, за которые лицо уже было осуждено на основании приговора суда, вступившего в законную силу, или было оправдано или освобождено от уголовной ответственности, или освобождено от наказания[4]». Из данной статьи нам становится известно лишь то, что совокупность преступлений составляют лишь совершение лицом двух и более преступлений, по которым отсутствуют препятствия процессуального характера. Законодатель Кыргызской Республики не уточняет должны ли два и более совершенных преступлений предусмотрены разными статьями либо разными частями одной и той же статьи, исходя из чего можно сделать вывод, что данное понятие совокупности преступлений включает все возможные виды указанных комбинаций. При этом УК Кыргызской Республики не содержит аналогичные положения, которые закреплены в ст. 17 УК РФ. Однако законодатель Кыргызской Республики имплементировал в УК нормы, посвященные правилам уголовно-правовой квалификации при конкуренции общей и специальной норм и конкуренции целого и части (ст. 22 УК Кыргызской Республики), правилам уголовно-правовой квалификации при конкуренции двух специальных норм (ст. 23 УК Кыргызской Республики). В целом ст. 22 УК Кыргызской Республики по содержанию совпадает с ч. 3 ст. 17 УК РФ. Ст. 23 УК Кыргызской Республики содержит отдельные правила квалификации деяний при конкуренции уголовных норм. Эти положения можно признать положительными, однако мы не видим надобности в заимствовании указанных норм.

Также особенности регламентации совокупности преступлений содержатся и в УК Республики Молдова. Во-первых, в ст. 32 указанного кодекса дано понятие множественности преступлений, чего нет в других исследованных зарубежных уголовных законах. В соответствии со ст. 33 УК Республики Молдова множественность преступлений составляет, по обстоятельствам, совокупность преступлений или рецидив. Указанная статья могла бы быть имплементирована в отечественное уголовное законодательство с целью устранения сомнений касательно понятия множественности преступления, окончательно поставив точку в полемике ученых об отнесении к данному институту уголовного права норму о совокупности приговоров, предусмотренную статьей 70 УК РФ.

Ст. 33 УК Республики Молдова регламентирует, что «(1) Совокупностью преступлений признается совершение одним лицом двух или более преступлений, если

это лицо не было окончательно осуждено ни за одно из них и если не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности, исключая случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено в статьях Особенной части настоящего кодекса как отягчающее ответственность обстоятельство. (2) Совокупность преступлений может быть реальной и идеальной. (3) Совокупность реальная имеет место, когда лицо двумя или более действиями (бездействиями) совершает два или более преступления. (4) Совокупность идеальная имеет место, когда лицо совершает одно действие (бездействие), содержащее элементы нескольких преступлений[3]». Данное понятие совокупности преступлений, на наш взгляд, является полным. К отличиям в регламентации указанного понятия в УК РФ можно отнести раскрытие терминов реальной и идеальной совокупности, хотя в ч.2 ст. 17 УК РФ речь идет об идеальной совокупности, несмотря на то, что законодатель прямо на это не указывает, но, исходя из содержания данной нормы, это становится ясным. Также отличительной чертой выступает то, что УК Республики Молдова не закрепляет правила квалификации общей и специальной нормы.

Таким образом, мы находим положительным моментом регламентацию в отечественном уголовном законе понятий единого, продолжаемого и длящегося преступления, понятия множественности преступлений, как это и предусмотрено УК Республики Молдова. Это позволило бы провести четкое разграничение между единичным преступлением и совокупностью преступлений, в целях недопущения совершения ошибок правоприменителем, а также поставить точку в дискуссии ученых о том, что входит в понятие множественности преступлений.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31.07.2020 N 260-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с посл. изм. и доп. от 06.10.20 г. № 365-VI) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:http://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 25.10.2020).
3. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с посл. изм. и доп. от 09.07.20 г. № 116) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 25.10.2020).
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 (с посл. изм. и доп. от 24.07.20 г. № 88) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:http://continent-online.com/Document/?doc_id=34350840 (дата обращения: 25.10.2020).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с посл. изм. и доп. от 11.11.19 г. № 253-3) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 25.10.2020).

Бахтиярова Э.Р.

Проблемы квалификации преступлений со специальным субъектом, совершаемых в соучастии

*ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-217

idsp: ljjournal-11-2020-217

*Научный руководитель
Ситдикова Г.З.*

Аннотация

Проводится анализ некоторых актуальных вопросов квалификации преступлений со специальным субъектом, совершенных двумя или более лицами. Предлагаются дифференцированные правила уголовно-правовой оценки таких

преступлений в зависимости от специфики содержания специальных признаков субъекта и особенностей выполнения объективной стороны преступления.

Ключевые слова: соучастие, преступление со специальным субъектом, группа лиц по предварительному сговору.

Abstract

The article is devoted to the analysis of some topical issues of qualification of crimes with a special subject, committed by two or more persons. Differentiated rules for the criminal-legal evaluation of such crimes are suggested, depending on the specifics of the content of the special features of the subject and the specifics of the objective side of the crime.

Keywords: complicity, crime with a special subject, group of persons by prior agreement.

Специальным субъектом преступления является субъект его совершивший, который помимо общих признаков, необходимых для наступления уголовной ответственности обладает какими-либо, указанными в законе дополнительными свойствами и характеристиками, которые позволяют ему совершить именно данное конкретное преступление.

Количество норм со специальным субъектом год от года постоянно увеличивается, а, следовательно, и увеличивается круг проблем, возникающих при квалификации преступлений, совершаемых специальным субъектом.

В части 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] указано, что если лицо, не является специальным субъектом, который может совершить данное преступление, то его действия следует квалифицировать как действия организатора, подстрекателя, либо пособника. Возникает вопрос, а как быть в том случае, когда лицо, не подпадающее под признаки специального субъекта являлось соисполнителем преступления со специальным субъектом?

При квалификации преступлений со специальным субъектом, определение последнего как правило зависит от двух условий. Первое -признаки его личности, например, статьи 106 и 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, и второе -признаки, обусловленные объектом преступления, например, статьи 285 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Получается, что в первой ситуации положение, закрепленное в части 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации не будет работать. Например, соисполнителем изнасилования может быть и женщина.

Таким образом, можно утверждать следующее: если преступление совершено двумя лицами, и их действия указывают на объективную сторону преступления, то лицо, не обладающее признаками специального субъекта должно также считаться исполнителем.

Однако здесь могут возникнуть очевидные проблемы.

Например, ответственное за хранение имущества лицо договаривается с другим лицом, которое не отвечает за данное имущество на вынос/вывоз имущества с территории хранения. Получается, что несмотря на то, что лицо выполнило действия, предусмотренные объективной стороной состава преступления не может быть соучастником, так как оно не соответствует признакам субъекта данного преступления.

Получается, что нормы части 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации по сути препятствуют надлежащей квалификации действий соисполнителей, которые не подпадают под признаки специального субъекта, но участвуют в преступлении именно как исполнители.

Приведем пример из судебной практики.

Приговором суда А. была признана виновной в растрате, совершенной с использованием своего служебного положения [2].

В течение длительного периода Ш., являясь директором, а А. - директором по экономике и финансам одного и того же юридического лица, в целях растраты имущества заключили и исполнили целый ряд заведомо убыточных договоров и иных действий, направленных на незаконное отчуждение имущества организации. В частности, А. и Ш. заемные денежные средства не использовали по назначению, а перечислили их на расчетные счета подставных предприятий, зарегистрированных на несуществующих лиц.

Защита сослалась на то, что А. осуждена по статье 196 Уголовного кодекса Российской Федерации незаконно, так как ответственность по данной статье может нести только руководитель или собственник юридического лица, либо тот, кто уполномочен осуществлять такие действия без доверенности. А. же действовала на основании доверенности, то есть не могла быть субъектом данного преступления.

Суд пришел к заключению, что вывод суда первой инстанции о виновности А. в совершенных преступлениях соответствует закону.

Однако, субъект преступления, предусмотренный статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации специальный, а согласно должностной инструкции директор по экономике и финансам подчиняется непосредственно генеральному директору и не может действовать без доверенности.

При таких обстоятельствах, действия А. были переквалифицированы как пособничество.

Одни теоретики предлагали решить данную проблему посредством дополнения части 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации следующим положением: «Те же деяния, совершенные по предварительному сговору группой лиц либо с лицами, не указанными в части первой настоящей статьи» [5, с. 20]. В этом случае действия лиц из приведенного примера судебной практики можно будет квалифицировать как присвоение или растрату, совершенные группой лиц.

Приведем еще один пример.

«По приговору суда А. и Н. признаны виновными в совершении кражи группой лиц по предварительному сговору; К. - в хищении чужого имущества, вверенного виновному, а Б., Ш., А., Н. - в соучастии в виде пособничества в хищении чужого имущества, вверенного виновному, совершенному группой лиц по предварительному сговору.

Однако суд первой инстанции не учел, что исполнителем преступления являлось одно лицо, поэтому действия пособников преступления, совершенного одним исполнителем, не могут быть квалифицироваться по части 5 статьи 33 части 2 статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Из материалов уголовного дела следует, что исполнителем преступления являлась только одна К., работавшая в должности продавца-кассира. А поскольку иные, участвующие в совершении преступления лица, А., Н., Б., Ш., не обладали специальными признаками субъекта преступления, предусмотрено статьей 160 Уголовного кодекса Российской Федерации, и оказывали пособничество в преступлении, совершенном одним исполнителем, их действия на основании части 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации должны квалифицироваться со ссылкой на часть 5 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации по части 1 статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Учитывая изложенное, действия А., Н., Б., Ш. следует квалифицировать по части 5 статьи 33 - части 1 статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации, а действия К. - по части 1 статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3].

Некоторые авторы [4, с. 14] предлагают закрепить в законе положение, что если лицо, обладающее признаками специального субъекта, использовало для совершения преступления другое лицо, такими признаками не обладающее, их обоих следует считать исполнителями.

А.Е. Лебедев [6, с. 124] вообще высказал мнение, что исполнителя и соисполнителя следует считать самостоятельными видами соучастников, а часть 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации следует исключить.

Нам же представляется наиболее разумным и обоснованным, на основании изложенного в настоящей статье, дополнить часть 4 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации следующим положением: «за исключением случаев, когда неспециальный субъект совершил преступление в составе группы и исполнил объективную сторону преступления, а значит является исполнителем наряду со специальным субъектом преступления».

Таким образом, так называемые специальные составы преступлений делятся на две группы: 1) составы, объективную сторону которых может совершить любое лицо; 2) составы, объективную сторону которых может совершить сугубо специальный субъект.

Получается, что в текущем уголовном законодательстве, допущен пробел, об этом говорят в своих публикациях многие ученые уже на протяжении десятка лет, благодаря которому фактическое совершение преступления расходится с его юридическим пониманием, что позволяет необоснованно смягчать уголовную ответственность.

Юридическое совершение преступления возможно, если объективная сторона состоит в выполнении действий, которые можно совершить, лишь обладая определенными полномочиями, где исполнителем преступления может быть только специальный субъект, но его соисполнителем почти всегда может оказаться любое лицо.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Президиума Вологодского областного суда от 22 ноября 2010 г. № 44-у-74 [Электронный ресурс]. URL: http://sudpraktika.com/sudtext5/sudobur_83175.htm. (дата обращения: 21.09.2020).
3. Кассационное определение Липецкого областного суда от 19 октября 2010 г. по делу № 22-1405/2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/obsh/1891> (дата обращения: 21.09.2020).
4. Арутюнов А. Проблемы ответственности соучастников преступления // Уголовное право. 2011. № 3. С. 11-14.
5. Белокуров О. В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом: актуальные проблемы (на примере присвоения и растраты) // Следователь. 2013. № 5. С. 18-22.
6. Лебедев А. Е. Соисполнитель как самостоятельный вид соучастника преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1. С. 119 - 124.

Бахтиярова Э.Р.

Некоторые вопросы, связанные с толкованием признаков специального субъекта преступления

*ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-218

idsp: ljournal-11-2020-218

*Научный руководитель
Ситдикова Г.З.*

Аннотация

В статье рассматривается проблема, связанная с тем, что существует группа преступлений, субъектами которых выступают лица с законодательно необозначенными дополнительными признаками, обосновывается то заключение, что

уголовно-правовое значение законодательно необозначенных признаков специального субъекта - быть криминообразующими признаками состава преступления.

Ключевые слова: специальный субъект преступления, признаки субъекта, толкование закона.

Abstract

There is a group of crimes the subjects of which are persons with legislatively non-specified additional features. Legal effect of legislatively non-specified features of a specific subject is - to be crime - forming features of corpus delicti.

Keywords: interpretation of law, special subject of crime, features of a subject.

Субъект преступления является обязательным и неотъемлемым элементом состава преступления, без которого невозможна его квалификация. В теории уголовного права субъект преступления принято подразделять на общий (признаки возраста и вменяемости, закрепленные в статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации[2]) и специальный, то есть наделенный теми или иными дополнительными признаками.

Признаки специального субъекта всегда должны быть закреплены в диспозициях статей Особенной части уголовного закона, однако не всегда должны носить исчерпывающий характер, то есть, если диспозиция статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет в качестве специального субъекта преступления должностное лицо, в ней не расшифровывается понятие должностного лица.

В литературе неоднократно было отмечено, что «дополнительные признаки специального субъекта преступления, ограничивают возможность привлечения к уголовной ответственности иных субъектов» [6, с. 23].

Год от года Уголовный кодекс Российской Федерации дополняется новыми составами преступлений со специальным субъектом и как следствие в судебной практике возникают проблемы толкования новых правовых норм уголовного права, применительно к новым составам преступлений.

На наш взгляд, если подобные проблемы возникают на уровне правоприменения, значит их корень находится на законодательном уровне.

Например, введенная в 2012 году статья 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации не содержит расшифровки специального субъекта ни в названии, ни в диспозиции, что повлекло за собой соответствующую полемику как в среде ученых, так и практиков, то есть возникли различные точки зрения на вопрос определения специального субъекта.

Согласно первой точке зрения, субъектом данного преступления может быть только лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью[8, с. 26]. Согласно другой, им может быть и тот, кто занимался такой деятельностью незаконно, то есть без регистрации, то есть фактически любое лицо, достигшее возраста 16 лет. Верховный Суд Российской Федерации высказал свою позицию по данному вопросу следующим образом, «виновным в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности признается лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем, в случае совершения преступления в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности» [4].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. №32-П[3] статья 159.4 была исключена из Уголовного кодекса Российской Федерации, что лишний раз подтвердило ее неработоспособность и абсурдность.

Следующая проблема определения специального субъекта преступления связана с «административной преюдицией». Проблема квалификации подобных преступлений состоит в определении временного фактора, то есть когда было совершено административное правонарушение, до или после вступления соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации в законную силу.

Например, в соответствии с диспозицией статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» субъект преступления должен обладать следующими специальными признаками: управлять транспортным средством; принять алкоголь сверх допустимой дозы; ранее подвергнуться административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, либо иметь судимость частям 2, 4 или 6 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На первый взгляд все понятно, в соответствии со статьей 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года после окончания исполнения административного наказания. Однако у судов возникли вопросы по применению статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в связи с чем Верховный Суд Российской Федерации дал следующее разъяснение: «административное наказание, назначенное лицу до 1 июля 2015 года, учитывается, если на момент совершения нового правонарушения не истек срок, установленный ст. 4.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, поскольку лицо, подвергнутое административному наказанию за указанное правонарушение до 1 июля 2015 года, совершая аналогичное правонарушение после 30 июня 2015 года, осознает, что совершает тем самым уголовно наказуемое деяние, запрещенное статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5].

Однако исходя из данной позиции Верховного Суда Российской Федерации сразу возникает вопрос о запрете обратной силы уголовного закона, предусмотренном в статье 10 Уголовного кодекса Российской Федерации. Те авторы, кто считают данный подход высшей судебной инстанции противоречием, убеждены, что квалификация по данной статье возможна только в случае совершения административного правонарушения после вступления уголовно-правовой нормы в силу.

Согласно части 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением» [1].

Но здесь идет речь о недопустимости обратной силы закона о правонарушении определенной отрасли права, нельзя, на наш взгляд, смешивать нормы об уголовной, налоговой, гражданской и административной ответственности, в противном случае в Российской Федерации был бы принят и действовал единый кодекс о правонарушениях. Поэтому, полагаем, что следует согласиться с позицией Верховного Суда Российской Федерации, так как в данном случае нет противоречий с нормами статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и нормами Конституции Российской Федерации.

Некоторые полагают, что применение «административной преюдиции» стирает границу между административным и уголовным правом [7].

Однако, общеизвестно, что трансформация личности большинства преступников начинается с совершения ими административных правонарушений, сначала малозначительных, потом все более и более тяжких. Также и в дальнейшем, совершение грабежей, зачастую приводит к нанесению в дальнейшем телесных повреждений различной степени тяжести и так вплоть до совершения убийства.

Вместе с тем мы считаем, что вводя в Уголовный кодекс Российской Федерации рассмотренные выше составы преступлений законодателю необходимо было уточнить момент приобретения лицами статуса специального субъекта.

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. 4 июля. № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134843/ (дата обращения: 15.09.2020).
4. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70426966/> (дата обращения: 15.09.2020).
5. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с Постановлением Конституционного Суда от 11 декабря 2014 года №32-П и статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. (Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 31 июля 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php> (дата обращения: 18.09.2020).
6. Иногамова-Хегай Л. В. Соучастие частного лица в преступлении со специальным субъектом // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4. С. 22 - 26.
7. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2020).
8. Обшивалкина И. В. Квалификация мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Законность. 2015. № 2. С. 25 - 28.

Брик К.И., Вилкус О.И., Громыко П.В., Михеева А.А., Малышева Д.И., Терещенко Н.В.

Ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-219

idsp: ljjournal-11-2020-219

Аннотация

В статье поднимается проблема определения границ действия иммунитета при обращении взыскания на единственное жилье гражданина-должника, анализируются подходы, используемые в судебной практике, предложены варианты решения данной проблемы.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, гражданин-должник, единственное жилье.

Abstract

The article raises the problem of determining the limits of immunity when foreclosing on the only housing of a debtor, analyses the approaches used in judicial practice, and suggests solutions to this problem.

Key words: immunity, debtor, housing.

Сегодня, преимущественно в рамках дел о банкротстве граждан, особенно остро встает вопрос об изъятии единственного жилья должника.

В соответствии с положениями абз. 2 п. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его часть) принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности, если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

К этим же правилам отсылает Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве).

Исходя из буквального толкования закона, можно сделать вывод, что, независимо от того, какого качества жилье, если оно единственное, то, кроме случаев, предусмотренных абз. 2 п. 1 ст. 446 ГПК РФ, на него нельзя обращать взыскание. И если использование этой нормы хоть как-то выглядит правдоподобно при защите должника от кредиторов, пытающихся обратить взыскание на квартиру, имеющую среднерыночную цену, иными словами «обычную» квартиру, то защита должника, у которого «по стечению обстоятельств» нет ничего, кроме дома/квартиры, которая стоит 20, 30 или даже 50 млн рублей, начинает выглядеть весьма сомнительно. В связи с этим на практике зачастую возникает проблема определения границ действия иммунитета единственного жилья гражданина-должника.

Важно отметить, что данная проблема касается не только обращения взыскания в рамках проведения дел о банкротстве граждан, данный вопрос в принципе характерен при любых случаях обращения взыскания на имущество должника.

Стоит указать, что проблема определения границ действия иммунитета жилья (исполнительского иммунитета) не является новой для российского правового порядка. Так, еще в 2003 году Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в определении от 4 декабря 2003 г. № 456-П (далее – определение № 456-П), а впоследствии в постановлении КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П (далее – постановление № 11-П) уже высказывался о необходимости разрешения законодателем вопроса определения границ иммунитета жилья должника. Информация о разработке данного законопроекта появилась в январе 2017 года, однако в Государственную Думу данный проект так и не внесли.

Ввиду отсутствия регулирования на федеральном уровне ответ стоит искать на уровне судебной практики. Суды по-разному подходят к проблеме определения границ действия иммунитета жилья гражданина-должника.

Так, например, в одном из дел суд, отказывая в исключении дома площадью 386,1 кв. м. из конкурсной массы, обосновал чрезмерность характеристик жилья посредством оценки расходов на содержание этого самого жилья.

Также, в судебной практике используется такой подход, когда суды удовлетворяют иск кредитора к должнику об установлении долевой собственности на квартиру с последующим обращением взыскания на долю.

Стоит отметить, что также всё еще встречаются, на наш взгляд, неприемлемые решения, когда суд, разрешая вопрос о защите единственного жилья гражданина-должника, попросту руководствовался положениями статьи 446 ГК РФ, не учитывая каких-либо индивидуальных характеристик жилья.

Иногда суды, обосновывая свой отказ в исключении жилья из конкурсной массы, прибегают к критериям добросовестности, как это сделал Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в одном из своих дел.

Несмотря на все вышеперечисленные подходы, стоит обратить внимание на следующее определение ВС РФ. В соответствии с определением ВС РФ № 308-ЭС19-

18381 от 23 января 2020 г. (далее – определение № 308-ЭС19-18381), ВС РФ, не решая проблему и не используя никакие из подходов, предложенных выше, ссылаясь на постановление № 11-П, только лишь повторяет доводы КС РФ о том, что федеральному законодателю надлежит внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство. Иными словами, ВС РФ вернулся на уровень констатации наличия проблемы, не предпринимая попыток её разрешения.

Таким образом, можно утверждать, что, по причине отсутствия законодательного регулирования, проблема является такой же актуальной, как и 17 лет назад. Более того, возможно предположить, что состояние проблемы усугубилось ввиду разрозненности судебной практики, когда суды принимают диаметрально противоположные решения. Столь разнообразная судебная практика приводит к нарушению одного из фундаментальных принципов, характерных для любого современного правового порядка – принципа единообразия судебной практики.

В настоящее время законодательное регулирование попросту необходимо. В связи со сложившейся ситуацией, считаем нужным предложить свой вариант законодательного регулирования.

1. Установление нормы площади жилого помещения, приходящейся на гражданина-должника, а также членов его семьи, взыскание на которую не может быть обращено

Суть установления данных нормативов заключается в том, чтобы определить, подлежит ли жилье исключению из конкурсной массы или нет. На жилье, площадь которого не выходит за пределы этих норм, обращать взыскание нельзя. Ориентиром для установления данных нормативов могут послужить нормы предоставления площади жилого помещения по договору социального найма, устанавливаемые законами субъектов РФ. В то же время, необходимо отметить, что, возможно есть смысл для разработки унифицированных норм предоставления площади жилого помещения, так как, в зависимости от региона, кредитор может оказаться в лучшем или в худшем положении.

Стоит подчеркнуть, что установление подобных нормативов будет служить не только интересам кредиторов, но и интересам должника. Так, при обращении взыскания на квартиру, превышающую заданные нормативы, кредитор сможет удовлетворить свой интерес лишь из той части денежных средств, которые приходятся на превышение норматива, остальные денежные средства подлежат возвращению должнику.

2. Установление допустимой доли отклонения общего размера жилья от нормативов площади жилого помещения.

Представляется возможным установить допустимое отклонение в размере 15 % от общего размера жилья, рассчитываемого исходя из нормативов площади жилого помещения, чтобы исключить ситуации, когда обращается взыскание на жилье, незначительно превышающее заданные нормативы.

3. Соблюдение права на жилье

При обращении взыскания на единственное жилье должника важно соблюдать его право на жилье и не допустить такой ситуации, чтобы должник хотя бы один день оставался без дома. Например, в случае обращения взыскания на единственное жилье, должнику может быть предоставлен срок в размере 6 месяцев на продажу роскошного жилья и приобретения более скромного жилья. Если в течение указанного срока должник с поставленной задачей не справляется, к делу должен подключаться судебный пристав – исполнитель и продавать имущество на торгах.

Стоит отметить, что подобную конструкцию можно предусмотреть и для процедуры банкротства. Так, например, финансовый управляющий может заняться вопросом продажи большого жилища с последующим приобретением для гражданина – должника менее роскошного жилища.

Представляется, что именно такой порядок регулирования поможет решить проблему ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве, а также сможет обеспечить соблюдение, как прав кредиторов, так и прав должников.

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : ред. от 24 апреля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 14.07.2020).
2. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ : ред. от 8 июня 2020 : с изм. и доп., вступ. в силу с 19 июня 2020 г. – В данном виде документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 14.07.2020).
3. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 декабря 2003 г. № 456-О. – Доступ из информ.-правовой системы «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1677343/> (дата обращения: 14.07.2020).
4. По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П. – Доступ из информ.-правовой системы «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/70175942/> (дата обращения: 14.07.2020).
5. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» : проект Федерального закона // Российская газета : сайт. – URL: <https://rg.ru/2017/01/10/gilie-proekt-site-dok.html> (дата обращения: 14.07.2020).
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2019 г. № Ф09-3501/18 по делу № А76-11986/2016. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=209123#045293827854601254> (дата обращения: 14.07.2020).
7. Информация по делу № 02-3730/2016 // Суды общей юрисдикции города Москвы : офиц. портал. – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/civil/details/177dacf1-540b-4413-86f3-3a1113d12d8e> (дата обращения: 14.07.2020).
8. Решение № 2-100/2019 2-100/2019(2-639/2018);~М-610/2018 2-639/2018 М-610/2018 от 12 февраля 2019 г. по делу № 2-100/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/X0EjyeUvAXW1/> (дата обращения: 15.07.2020).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-15724 по делу № А40-67517/2017 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации : сайт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29112018-n-305-es18-15724-po-delu-n-a40-675172017/> (дата обращения 14.07.2020).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2020 г. № 308-ЭС19-18381 по делу № А53-31352/2016 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации : сайт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23012020-n-308-es19-18381-po-delu-n-a53-313522016/> (дата обращения 14.07.2020)

Бялт В.С., Чимаров С.Ю.

Правовое воспитание: сущность и значение

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-220

idsp: ljjournal-11-2020-220

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, раскрывающие сущность и значение правового воспитания как важнейшего средства формирования правосознания граждан

и повышения их правовой культуры. Также авторы формулируют и обосновывают ряд выводов по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: право; воспитание; правосознание; правовая культура; правовая идеология; правовая психология; правовое воспитание.

Abstract

The article deals with issues that reveal the essence and significance of legal education as the most important means of forming the legal consciousness of citizens and improving their legal culture. The authors also formulate and justify a number of conclusions on the problem under study.

Keywords: law; education; legal awareness; legal culture; legal ideology; legal psychology; legal education.

Актуальность вопросов правового воспитания в современной России обусловлена изменениями, происходящими в экономической, политической и правовой сферах жизни общества. В настоящее время, когда осуществляется реформирование общественных отношений, проблемы правового воспитания, подъема его уровня приобретают характер неотложных и требуют принятия кардинальных мер, от успешной реализации которых во многом зависит успех государственно-правового строительства в Российской Федерации [2, с. 3]. Не случайно Президент Российской Федерации обращает особое внимание на необходимость и важность государственной и общественной деятельности, связанной с воспитанием сограждан в духе уважения к действующему праву [1].

Таким образом актуальность вопросов, связанных с рассмотрением и анализом института правового воспитания не вызывает сомнений.

Для того чтобы раскрыть сущность правового воспитания необходимо вначале определиться с его общетеоретическим термином, а также показать его взаимосвязь с такими теоретико-правовыми категориями как правовая культура и правосознание.

Под культурой в широком смысле понимается все, что создано человечеством благодаря его умственному и физическому труду. В более узком смысле под культурой понимается идейно-нравственное состояние общества, выражающееся в его идеологии, быте, образовании и воспитании, в достижениях науки, искусства, литературы, системе нормативного регулирования [10, с. 340].

Понятие культуры правовой различными учеными также трактуется в широком (содержательном) смысле и узком (оценочном). С. А. Комаров определяет правовую культуру в широком смысле слова как совокупность компонентов юридической надстройки в их реальном функционировании, как комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц. Правовая культура в узком смысле, по его мнению – это совокупность материализованных идей, чувств, представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности поведения личности в сфере права, базирующаяся на правовом сознании [3, с. 284]. А. Ф. Черданцев понимает под правовой культурой с позиции содержательного смысла все, что создано человечеством в правовой сфере: право, правовая наука, правосознание, юридическая практика. С точки зрения оценочного смысла правовая культура, по его мнению – это уровень знания права членами общества и уважительное отношение к праву, высокий престиж права в обществе [10, с. 340-341]. С точки зрения А. В. Малько правовая культура личности – это знание, понимание права и действия в соответствии с ним, а правовая культура общества – это уровень правосознания и правовой активности общества, степень прогрессивности юридических норм и юридической деятельности [5, с. 141]. На наш взгляд наиболее точно и доступно раскрыл понятия правовой культуры В. П. Сальников. Правовая культура – это составная часть цивилизационной культуры,

определяющая фактическое, юридически значимое поведение личности; устойчивую привычку к правомерному поведению; отношение к праву, другим правовым явлениям; осознание социальной значимости права и правопорядка; признание и уважительное отношение к правам государства и гражданина [9, с. 25].

Правосознание является структурным элементом правовой культуры, который можно определить как совокупность взглядов, идей, представлений, а также чувств, эмоций, переживаний, выражающих отношение людей к действующему или желаемому (допустимому) праву и другим правовым явлениям [6, с. 237]. Среди правоведов существует устоявшаяся позиция, согласно которой правосознание включает в себя два элемента: правовую психологию (переживания, которые испытывают люди в результате отношения к праву) и правовую идеологию (понятия, принципы, убеждения, выражающие отношение людей к действующему или желаемому праву). Однако некоторые ученые раскрывают структуру правосознания через следующие составные части: знание права, отношение к праву и навыки правомерного поведения [3, с. 286].

В теоретико-правовом аспекте вопросы правового воспитания анализировались различными учеными [8; 4; 7].

Правовое воспитание выступает как составная часть общегражданского воспитания, которое включает в себя множество таких компонентов, как воспитание политическое, нравственное, патриотическое, семейное и др. Н. И. Матузов понимает под правовым воспитанием целенаправленную деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан, реализуемую через следующие формы: правовая пропаганда, правовое обучение, юридическая практика и самообразование [6, с. 245-246].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать следующее:

- правовая культура и правосознание соотносятся как целое и частное;
- структуру правосознания можно условно представить в виде следующих элементов: знание права; правовая идеология (представление о том, каким должно быть право); оценка права; правовая психология (чувства, в которых выражается отношение к праву) и поведенческий элемент, состоящий из правовых установок и определяющий правовую ориентацию личности, которая непосредственно формирует программу действий в юридически значимых ситуациях (согласно праву или с нарушением норм права);
- структура правовой культуры опять же условно включает в себя такие элементы как правовые знания, отношение к праву и правовое поведение; то есть, выражаясь простым языком, правовая культура есть правосознание плюс реальные действия (бездействия), которые поддаются правовой оценки;
- правовое воспитание является средством формирования правосознания граждан и повышения их правовой культуры, поскольку правовое воспитание непосредственно воздействует на такой элемент правосознания как правовая идеология, а осознание и убежденность в необходимости и целесообразности следования правовым нормам способствует правомерному поведению граждан, что, в конечном счете, позволяет утверждать о повышении их правовой культуры.

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года // Российская газета. 2020. 16 января.

2. Долгополов О. А. Организация правового воспитания в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.
3. Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник, 6-е изд. дополн. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2004.
4. Кравцов Р. В. Правовое воспитание личности в контексте аксиологии права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006.
5. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2014.
6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник, 6-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
7. Павлов В. Н. Правовое воспитание и толерантность в условиях современного российского общества: Дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2005.
8. Стреляева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
9. Теория государства и права (ключевые вопросы, определения, схемы): Учебное пособие / Под ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002.
10. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2008.

Веретейникова Ю.И., Мамин А.С.

**Административные правоотношения, возникающие при осуществлении
профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-221

idsp: ljournal-11-2020-221

Аннотация

Данная статья направлена на рассмотрение административных правоотношений, возникающих при осуществлении профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции. Автор уделяет внимание особенностям данных правоотношений.

Ключевые слова: административные правоотношения, профилактическая деятельность, административно-правовой статус.

Abstract

This article is aimed at the consideration of administrative legal relations that arise during the implementation of preventive activities of district police commissioners. The author pays attention to the peculiarities of these legal relations.

Keywords: administrative legal relations, preventive activities, administrative and legal status

Являясь основными субъектами административных правоотношений, а равно и основным «связующим звеном» между системой исполнительной власти и рядовыми гражданами участковые уполномоченные полиции осуществляют колоссальный объем деятельности, соответственно, принимая на себя широкий круг обязанностей, основной, из перечня которых, по нашему мнению, является профилактическая деятельность.

Вместе с тем, начиная рассматривать тематику с основ, отметим, что под административными правоотношениями следует понимать это общественные управленческие отношения, одной из сторон которых обязательно является орган исполнительной власти (должностное лицо), характеризующееся наличием юридических связей между субъектами в виде корреспондирующих (взаимных) прав и обязанностей, установленных административно-правовой нормой.

Имея свою структуру, административные правоотношения, традиционно, представлены в виде совокупности трех элементов: объекта правоотношения, субъекта правоотношения и содержания правоотношения.

Субъектами административных правоотношений являются соответственно его участники (индивидуальные и коллективные), которые соответствующими нормами права наделены правами и обязанностями в сфере публичного управления.

Что касается объекта административного правоотношения, то по этому поводу высказывает две основные точки зрения. Первая связана с тем, что «объект административного правоотношения – это то, по поводу чего они возникают, на что воздействуют субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений». Проще говоря – это фактическое волевое участие субъектов правоотношений по осуществлению их прав и обязанностей.

Содержание административного правоотношения, в свою очередь, представляет собой права, обязанности, запреты, ограничения, правовой режим их осуществления, исполнения, соблюдения или правовой защиты.

Проводя исследование профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции в системе органа внутренних дел, подчеркнем, что в первую очередь, правовое положение такого субъекта определяется его административно-правовым статусом

Данная правовая категория определяет объем обязанностей и прав участкового уполномоченного полиции, формы и методы его деятельности, ответственность, систему подчиненности и т.д.

Интересным, в этой связи, нам видится подход Тихомирова Ю.А., который предложил блочную систему административно-правового статуса органа исполнительной власти. Так, ученый-административист базирует, определение административно-правового статуса посредством трех блоков: целевого, организационного, компетенционного.

Целевой блок содержит такие составляющие как непосредственно цель деятельности, т.е. ее окончательный итог, задачи, которые необходимо решить для достижения цели и функции, которые выражают основные направления деятельности. Следует отметить, что он определен Федеральным законом «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ и Федеральным законом от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел»

Организационный блок административно-правового статуса участкового уполномоченного полиции включает в себя порядок образования штатной единицы в структуре подразделения УУП или в органе внутренних дел, назначения на должность, увольнения с должности, установление системных связей с другими службами и т.д.

Третий блок административно-правового статуса представлен компетенцией субъекта управления. Считается, что данный блок является определяющим в правовом положении субъекта, т.к. в нем определены обязанности, права, формы и методы деятельности участкового уполномоченного полиции.

Анализ связей определенных управленческих функций с властными полномочиями дает возможность получить полную информацию о компетенции участковых полиции. Различают обязанности и права в сфере правового регулирования, профилактики, учета, контроля, юрисдикции, планирования

Реализуются же комплекс приведенных прав и обязанностей посредством прямого их воплощения, поскольку основными функциями участкового уполномоченного полиции являются первостепенная – профилактическая, учетная, юрисдикционная и контрольно-надзорная.

По своей сути и содержанию, искоренение и минимизация объема правонарушений лежит на их предупреждении, выявлении причин и условий, способствующих их совершению, выявлении лиц (групп лиц), которые способны

совершить правонарушение и проведение с ними индивидуально-воспитательных мероприятий, дабы удержат их от совершения противоправных действий.

В этой связи, основными видами профилактической деятельности, проводимой участковыми уполномоченными полиции, является проведение общей и индивидуальной профилактики различных правонарушений на административном участке. Отличие одного вида профилактики от другого заключается в объекте, на который она направлена.

Объектом общей профилактики является вся противоправная деятельность, либо отдельные ее виды, причины противоправного поведения и условия, способствующие ему. Предметом индивидуальной профилактики являются конкретные лица, их поведение. Вместе полагаем, что общую и индивидуальную профилактику следует рассматривать во взаимосвязи и взаимозависимости. Они находятся в диалектическом единстве и взаимообусловлены.

В то время как индивидуальное направление связано с воздействием на лиц, от которых можно ожидать противоправного поведения и позитивной коррекцией их личности, общая же направленность, в своей совокупности, сводится к выявлению причин и условий деликтности, разработке и реализации программ и планов мероприятий по их устранению, либо нейтрализации, реализации мер по оказанию положительного воздействия на население страны с целью правового воспитания

Являясь центральным субъектом профилактики на административном участке, участковый уполномоченный полиции, осуществляет такую работу с применением различных форм её реализации, а также с применением соответствующих административных методов.

Основными, а значит и самыми распространенными формами являются:

1. Профилактический обход административного участка, информирование граждан, проживающих на административном участке о месте нахождения участкового пункта полиции, пункта охраны общественного порядка, комнаты приема населения, их режиме работы, контактном телефоне и т.д.
2. Системное воздействие на лиц, состоящих на профилактических учетах в органах внутренних дел, а именно их выявление, организация бесед, наблюдение за поведением и т.д. (речь идет о тех, кто освобожден из мест лишения свободы и попал под административный надзор, больные наркоманией и алкоголизмом, страдающие психическими заболеваниями и состоящие на учете в медицинской организации и т.д.). Кроме того, УУП осуществляет профилактическую работу с несовершеннолетними правонарушителями, их родителями или иными законными представителями, которые негативно влияют или могут повлиять на поведение несовершеннолетних и не занимаются в полном объеме их воспитанием.
3. Опрос родственников лиц, состоящих на профилактическом учете, их соседей, знакомых и др. лиц.
4. Применение мер административного принуждения, в том числе административной ответственности в отношении лиц, состоящих на профилактических учетах и нарушающих законодательство Российской Федерации.

Полагаем, что помимо закрепленных в законе форм индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции необходимо предусмотреть и такую форму, которая направлена на социализацию отдельных категорий подучетных лиц. Например, содействие в трудоустройстве или поступлении на учебу, несмотря на существующие объективные трудности.

Вместе с тем, в качестве отдельной формы профилактической деятельности УУП можно рассматривать и административно-юрисдикционную деятельность. Такая

профилактика осуществляется опосредованно, через осуществление, в основном, производства по делам об административных правонарушениях, в рамках которого реализуется административная ответственность.

Посредством реализации административно-юрисдикционных производств, УУП вступает в соответствующие процессуальные отношения, посредством чего обеспечивается защита личных и общественных законных интересов от противоправных посягательств, в том числе в сфере дорожного движения, общественных местах, охрана различных видов собственности и т.д.

Таким образом, говоря об административных правоотношениях, возникающих при осуществлении профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции, можно сделать вывод об их сложности и многогранности внутреннего содержания. Многообразие средств, форм и методов реализации профилактики осуществляемой УПП, по нашему мнению, в настоящее время находится на достаточно высоком уровне, однако не исключает возможности и необходимости развития в соответствии с этапами социального и экономического прогресса.

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Парламентская газета. – № 52-53. – 02-08.12.2011.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета. – № 25. – 08.02.2011.
3. Корнев, А.П. Административное право России. Учебник: В 3-х частях. Ч. 1 / А.П. Корнев. – М.: Изд-во Моск. юрид. ин-та МВД России, 1996. – 268 с.
4. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2001. – С. 69-73.
5. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. – 2-е изд. // изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800с

Гаврик А.Е.

Электронные доказательства по делам о защите прав интеллектуальной собственности в сети Интернет

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-222

idsp: ljjournal-11-2020-222

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме применения электронных доказательств в гражданском процессе. Автор рассматривает вопросы сбора и предоставления суду электронной информации. Особое внимание уделяется условиям допустимости и достоверности электронных доказательств в судебном разбирательстве, а также их доказательственной силы.

Ключевые слова: доказательства, интернет, электронные доказательства, электронный документ, интеллектуальная собственность, судебная защита прав.

Abstract

This article is devoted to the problem of using electronic evidence in civil proceedings. The author considers the issues of collecting and providing electronic information to the court. Special attention is paid to the conditions of admissibility and reliability of electronic evidence in court proceedings, as well as their evidentiary value.

Keywords: evidence, Internet, electronic evidence, electronic document, intellectual property, judicial protection of rights.

Развитие информационного пространства и внедрение информационных технологий во все сферы жизни общества создало необходимость правового регулирования отношений в сети Интернет. Различного рода нарушения прав в Интернете сказывались на доказательной базе судов, которые в отсутствие четкой нормативной базы были «невосприимчивы» к электронным доказательствам.

На данный момент нарушение прав интеллектуальной собственности в Интернете является весьма актуальной проблемой, которая заключается в сложности доказывания в суде.

Следует отметить, что процессуальное законодательство не содержит понятия «электронный документ» в качестве доказательства, а также отсутствует разъяснение того, какими признаками он должен обладать для того, чтобы быть использованным в качестве средства доказывания и приобщенным к материалам дела.

Большинство ученых-цивилистов не раскрывают понятие «электронное доказательство», а лишь отождествляют его с электронным документом. Определение понятия «электронный документ» законодательно закреплено в пункте 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» - под электронным документом понимается документально оформленная информация, представленная в электронном виде, то есть пригодной для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин и передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Представляется, что электронный документ, содержащий сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, с учетом требований закона и получения их в установленном законом порядке, является так называемым электронным доказательством.

В спорных случаях, когда стороны оспаривают содержание или сомневаются в подлинности электронного документа, необходимо проведение экспертизы, регулируемой статьей 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Экспертиза станет основанием для достоверности доказательств.

Требования к устранению нарушений прав интеллектуальной собственности в сети Интернет осложняются особым порядком сбора доказательств и, прежде всего, их статусом. Учитывая общее распределение бремени доказывания, лицо, право интеллектуальной собственности, которого нарушено, должно доказать, что оно принадлежит ему и что ответчик незаконно использует эти права [3].

Нарушение прав, и как следствие, информация о фактах такого нарушения, размещается в информационном пространстве, доказательственная информация формируется в электронном виде, что обуславливает необходимость использования электронных доказательств [1].

Наиболее распространенными нарушениями прав интеллектуальной собственности в сети Интернет являются нарушения авторских прав, которые выражаются в размещении чужих материалов в сети Интернет и предоставлении им открытого доступа без разрешения правообладателя, плагиате, нарушении прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий [2]. Кроме того, в информационном пространстве наблюдается частое нарушение прав на доменные имена, выражающееся в использовании доменного имени, сходного до степени смешения с другим доменным именем или со средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

С учетом анализа судебной практики по данной категории дел основными доказательствами являются скриншоты страниц сайта, ответы на запросы стороны или суда хостинг-провайдера, лог-файлы, предоставленные провайдером, нотариально

заверенные протоколы осмотра сайта, а также осмотр сайта судом в рамках предоставления доказательств.

Но остановимся на одном из самых распространенных видов электронных доказательств – это снимок экрана или так называемом скриншоте. Несмотря на то, что законодательство не предусматривает определения понятия «скриншот» и его применения, его правовая квалификация не представляет трудностей, поскольку существует множество разъяснений со стороны государственных органов и разнообразная судебная практика [4].

Несмотря на то, что использование скриншотов является надежным способом предоставления доказательств из интернета, в некоторых случаях такие методы могут оказаться бесполезными. Речь идет о случаях, когда ответчик блокирует веб-страницу с доказательствами нарушения интеллектуальных прав истца или удаляет спорный контент с интернет-ресурса. Если правообладатель вовремя не зафиксировать факт нарушения, доказательства могут быть утрачены. Для таких случаев на практике в качестве источников доказательств активно используются сервисы просмотра истории веб-страниц: веб-архивы (например, Wayback Machine, веб-архив.ру). Они помогут осуществить поиск архивную копию сайта в соответствии с указанной датой.

В судебных разбирательствах информация, зафиксированная с помощью веб-архивов, предоставляется в виде скриншотов. Примечательно, что квалификация судами скриншотов веб-архивов в качестве приемлемых электронных доказательств довольно распространена [5].

Недостатком веб-архивов является то, что не все сервисы имеют техническую возможность архивировать все сайты в интернете, поэтому при поиске информации дата может отличаться от фактической, а это приводит к ошибкам в судебном разбирательстве.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно: включить понятие «электронный документ» в качестве доказательства, закрепить правовые гарантии его использования, гарантии достоверности, определенный процессуальный порядок исследования соответствующих источников в судебном заседании, разработать правовые требования к форме электронного доказательства. Использование электронных доказательств в гражданском судопроизводстве является перспективным направлением развития института доказывания и доказывания. Нет никаких сомнений в том, что электронные доказательства будут прогрессивным видом доказательств с развитием науки и техники, и поэтому существует перспектива их выделения в отдельный вид доказательств.

1. Саава, Я. А. Электронные доказательства в гражданском процессе / Я. А. Саава. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 409-411.
2. Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон, 2018. № 4. С. 81–90.
3. Гринь Е.А. Процедура медиации в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью: проблемы и перспективы. // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 106-107.
4. Гриценко А. В. Электронные доказательства по делам о защите прав интеллектуальной собственности в сети интернет // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. – 2019. – С. 250-255.
5. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учебно – практическое пособие. – 2000. © А.В. Борминцева, 2017.

Казахова М.Г.**Активное избирательное право: понятие и принципы реализации***МГЮА им. О.Е. Кутафина
(Россия, Москва)**doi: 10.18411/lj-11-2020-223**idsp: lj-11-2020-223***Аннотация**

В данной статье исследуются вопросы активного избирательного права в РФ. Рассматривается основной Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Ключевые слова: Конституция РФ, избирательное право, государство, выборы, закон.

Absrtact

This article examines the issues of active suffrage in the Russian Federation.

The main Federal law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On basic guarantees of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum" is considered.

Keyword: Constitution of the Russian Federation, electoral law, state, elections, law.

Отношение к выборам в государстве зависит от политической культуры общества, от политического сознания масс, от традиций данного народа и непосредственной организации выборов. [4, С.93]

Реализация гражданином активного избирательного права является важнейшим актом гражданской, общественной активности. Только при условии надлежащего обеспечения реализации данного права, предусматривающего установление процедуры проведения выборов, четкое соблюдение соответствующих норм в ходе организации избирательной кампании, проведения голосования и определения результатов выборов, а также возможностей для защиты права, порядок избрания соответствующих органов и должностных лиц государственной власти или местного самоуправления можно считать подлинно демократическим, а результаты таких выборов – легитимными. [3, С.44]

Часть 3 статьи 3 Конституции РФ гласит, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Часть 2 статьи 32 утверждает, что «граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными». [4, С.93]

Право граждан избирать, участвовать в формировании избираемых населением органов государственной власти и местного самоуправления является одной из важнейших характеристик демократического государства. Данное право закреплено в ст. 32 Конституции РФ, [1] а основные условия и порядок реализации данного права определены в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] (далее - Федеральный закон).

По своей правовой природе активное избирательное право является субъективным, поскольку принадлежит конкретному индивиду, обладающему юридически значимыми признаками, охраняется законом, подлежит правовой защите в случае его нарушения, а также может быть ограничено в соответствующем

юрисдикционном порядке. Вместе с тем, будучи индивидуальным правом, оно может быть реализовано только в результате коллективного волеизъявления в ходе выборов: голос каждого гражданина значим как юридически, так и политически, но связь индивидуального и коллективного начал в процессе реализации активного избирательного права нерасторжима.

Таким образом, избирательное право - это гарантированная гражданину государством возможность участвовать в выборах государственных органов и органов местного самоуправления, которая реализуется через активное и пассивное избирательное право.

В соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 2) избирателем признается гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом. Данное определение в целом не вызывает возражений, вместе с тем его нельзя признать полным и логически ясным. Во-первых, термин «избиратель» дается через другое определяемое понятие «активное избирательное право», которое также содержится в ст. 2 указанного Федерального закона. Данное обстоятельство противоречит логике. Также важно учитывать, что в соответствии со ст. 32 Конституции РФ, ст. 4 указанного Федерального закона активным избирательным правом обладают все граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет на день голосования, за исключением лиц, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Таким образом, признание гражданина Российской Федерации избирателем напрямую зависит от признаков, являющихся необходимыми для наделения гражданина Российской Федерации активным избирательным правом. Во-вторых, правом избирать в органы местного самоуправления на основании международных договоров Российской Федерации и в порядке, установленном законом, наделяются не только граждане Российской Федерации, но и иностранные граждане, постоянно проживающие на территории муниципального образования, в котором проводятся выборы.

Активное и пассивное избирательное право реализуются через ряд таких производных прав, как право на выдвижение кандидатов, право на участие в голосовании, право на получение открепительного удостоверения и др.

На обладание активным избирательным правом оказывает влияние ряд факторов.

Во-первых, это достижение определенного в законе возраста. Как известно, возраст является одним из критериев определения способности индивида быть участником каких-либо общественных отношений. С социальной точки зрения важен не возраст сам по себе, а степень физической, моральной, политической зрелости личности, которая предопределяется возрастом.

Во-вторых, обладание активным избирательным правом зависит от наличия российского гражданства. Хотя российское законодательство допускает наделение иностранных граждан правомочиями субъекта избирательного права в установленных международными договорами случаях. Необходимо отметить, что все имеющиеся в российском законодательстве ограничения прав иностранцев в области избирательных отношений не означают какого-либо отступления от демократических начал определения правового положения иностранцев и лиц без гражданства. Они являются общепринятыми в международной практике, вытекают из самого существа государственного суверенитета и необходимости охраны интересов российского народа.

В-третьих, обладание избирательной дееспособностью зависит от отсутствия следующих обстоятельств: признание судом граждан недееспособными; содержание в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ).

Указанные ограничения относятся к охраняемым цензам избирательного права и носят временный характер, т. е. восстанавливаются в полном объеме после освобождения гражданина из мест лишения свободы либо признания его дееспособным лицом по решению суда. Их применение призвано вывести из числа участвующих в выборах категорию лиц, влияние которой на политику может оказаться опасным для государственного строя, противоречит существу политического режима и не связано с нарушением представлений о справедливости.

В соответствии с действующим федеральным законодательством активное избирательное право реализуется посредством участия граждан Российской Федерации в выборах на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Всеобщим является такое избирательное право, когда все индивиды, обладающие избирательной правосубъектностью, имеют право участвовать в выборах,

Равными считаются выборы, когда каждый избиратель имеет один голос и все избиратели участвуют в выборах на равных основаниях. Следовательно, только при наличии этих двух элементов выборы могут считаться равными.

Прямое избирательное право означает, что избиратель голосует «за» или «против» кандидатов (списка кандидатов) непосредственно.

Тайное голосование означает, что исключается возможность какого-либо контроля за волеизъявлением избирателей.

К изложенному следует добавить, что участие граждан Российской Федерации в выборах является добровольным и никто не вправе оказать воздействие на гражданина с целью принудить его к участию или неучастию в выборах.

Если основываться на определений активного избирательного права, раскрытого в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», то получается, что оно сводится к голосованию на выборах. Безусловно, наиболее ответственной стадией избирательного процесса является голосование. Не случайно, некоторые ученые говорят о голосовании как о «развязке» всей избирательной кампании. Голосование - одна из ведущих стадий избирательного процесса, включающая комплекс действий, направленных на обеспечение гражданину России его конституционного права на свободное волеизъявление на выборах.

Таким образом, основная цель реализации активного избирательного права заключается в выявлении воли избирателей, посредством которой персональный состав выборных органов народного представительства наделяется соответствующими полномочиями. [5, С. 21-25]

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Горячих А.А. Пределы осуществления активного избирательного права: понятие и виды. Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2015. № 2.
4. Дорошенко О. В. Реализация активного избирательного права граждан Российской Федерации. В сборнике: Общество в эпоху перемен: современные парадигмы управления. Материалы Международной научной конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2014.
5. Махашев Р. Ю. Активное избирательное право: понятие и содержание. Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 7 (85).

Лиходедов К.С., Карташов И.И.

Меры уголовно-правового противодействия незаконной игровой деятельности по законодательству США

ЦФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-11-2020-224

idspr: ljournal-11-2020-224

Аннотация

В статье анализируется уголовное законодательство США за незаконную игорную деятельность.

Ключевые слова: игровой бизнес, азартные игры, организация азартных игр, уголовная ответственность, преступление.

Abstract

The article analyzes the US criminal law for illegal gambling activities.

Keywords: gambling business, gambling, organization of gambling, criminal liability, crime.

Азартные игры получили широкое распространение во многих странах мира. Их история уходит в глубину веков. Ученые находят материальные свидетельства пристрастия древних людей к азартным играм, датируемые 3500 годами до н.э. Часто это изображения людей и богов, кидающих таранную кость (бабки). В более поздних произведениях также можно встретить подробное описание азартных игр, например, в индийском эпосе Махабхарата (прим. I в. до н.э.). Причем от результата такой игры мог зависеть как переход права собственности на имущество, так и исход междоусобной войны [1, С. 5].

С развитием общества и государства азартным играм стало уделяться все больше внимания в части нормативного правового регулирования этой сферы. Однако правовому регулированию стали подвергаться не все азартные игры, а лишь те из них, которые предполагали имущественный выигрыш. Игра, после которой «не следует подведения итогов, оглашения результата, не имеет никакого юридического значения» [2, С. 625]. Вместе с тем не всякая игра с выигрышем или проигрышем будет считаться азартной. Так, например, теннисный турнир с призовым фондом, который распределяется среди победителей, не является таковым поскольку победа в нем преимущественно зависит от умений и навыков самих участников, тогда как для азартной игры обязательным является случайность результата.

Правовое регулирование проведения азартных игр в зарубежных государствах характеризуется крайней неоднородностью – от абсолютного запрета такой деятельности до почти полной свободы. Иногда такие крайности можно обнаружить и в границах одного государства. Так, в Соединенных Штатах Америки законодательство, в сфере регулирования игорного бизнеса, отличается в зависимости от конкретного штата. Если в Нью-Джерси, Арканзасе и Неваде азартные игры полностью разрешены, то в Юте и на Гавайях, напротив, действует полный запрет. В других штатах деятельность игорных заведений существенно ограничена, но имеется и множество исключений из этого правила. Например, казино можно на законных основаниях размещать на речных судах на реке Миссисипи и ее притоках, а также в индейских резервациях. Столь же неоднородным является и уголовное законодательство США, устанавливающее уголовную ответственность за незаконную игорную деятельность. Уголовное законодательство США состоит из федеральных законодательных актов и уголовных законов отдельных штатов. Свод федеральных законов (U.S. Code, далее - Кодекс) состоит из федеральных законов, которые упорядочены по тематике [5]. Его

особенностью является то, что нормы одного и того же закона могут располагаться в различных частях Кодекса в зависимости от того, какие общественные отношения они регулируют. Другой особенностью такого способа кодификации является то, что не вошедшие в U.S. Code законы имеют равную юридическую силу с теми, которые вошли в его состав.

Уголовно-правовые запреты, касающиеся незаконного игорного бизнеса, затрагивающего федеральные интересы, сконцентрированы в главе 50 раздела 18 Кодекса. Так, § 1082 предусматривает наказание за организацию и проведение азартных игр на воздушных, морских или речных судах и аналогичных им транспортных средствах. В качестве наказания за совершение указанного деяния предусматривается штраф либо лишение свободы на срок до двух лет или оба этих наказания одновременно, а для владельца такого судна, сознательно разрешившего незаконное использование, еще и его конфискация.

Кроме того, Кодекс устанавливает уголовную ответственность за организацию незаконного игорного бизнеса с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предусматривая наказание аналогичное предыдущему составу (§ 1084). Предусматривается наказание и за перевозку между территорией Соединенных Штатов и игорным судном. Наказанием за такое деяние является штраф в размере 200 долларов США за каждого перевозимого пассажира для владельца и фрахтователя или 300 долларов для капитана или другого лица, отвечающего за такое судно (§ 1083).

Более детально уголовная ответственность за незаконные азартные игры регламентируется законодательством отдельных штатов. На первый взгляд может показаться, что одним из самых лояльных в части регулирования игорной деятельности является законодательство штата Невада, где расположена мировая столица игорной индустрии Лас-Вегас. Однако это верно лишь отчасти. Организация азартных игр здесь строго регламентирована отдельным разделом 41 «Игры; сачки; спортивные события» (Gaming; Horse Racing; Sporting Events) устава штата Невада (Nevada Revised Statutes - NRS) [7]. Желая открыть казино или зал игровых автоматов должен предварительно получить лицензию (NRS 463.160). Занятие игорной деятельностью без соответствующей лицензии является уголовно-наказуемым деянием (тяжким преступлением категории В), которое влечет наказание в виде тюремного заключения в государственной тюрьме на минимальный срок не менее 1 года и максимальный срок не более 10 лет, в виде штрафа в размере не более 50 000 долларов США или как штрафа, так и тюремного заключения (NRS 463.360 (3)). Менее тяжким (преступление категории С) является деяние выразившееся в непредставлении отчета или неоплате лицензионных сборов или налогов, устанавливаемых законодательством штата в сфере игорного бизнеса, или умышленное уклонение от таких лицензионных сборов, налогов или их уплаты, что влечет за собой тюремное заключение в государственной тюрьме на минимальный срок не менее 1 года и максимальный срок не более 5 лет и штрафу в размере не более 10 000 долларов США (NRS 463.360 (2)).

Однако не является преступлением нарушения лицензионных требований, которые выражаются в установке дополнительных игр или игровых автоматов сверх определенного лицензией и другие менее значительные нарушения (NRS 463.360 (4)).

Законодатель штата Техас поместил преступления, связанные с незаконной организацией азартных игр, в раздел 10 Уголовного кодекса Техаса (Texas Penal Code), который носит название «Преступления против общественного здоровья, безопасности и нравственности» [6]. Уголовно наказуемыми деяниями являются: управление игорным заведением или получение прибыли от него, занятие букмекерской деятельностью, организация тотализатора или лотереи (§ 47.03); предоставление помещения или другой недвижимости, палатки, транспортного средства, лодки или иной собственности в качестве места для азартных игр (§ 47.04); сознательная передача

информации о ставках, коэффициентах ставок или изменениях в коэффициентах ставок или сознательное предоставление, установка или обслуживание оборудования для передачи или получения такой информации (§ 47.05); владение, производство и передача любого игрового устройства, предназначенного для азартных игр (§ 47.06). Указанные деяния являются мисдиминором класса А, что предполагает наказание за их совершение в виде штрафа в размере не более 4000 долларов США или лишения свободы на срок до одного года либо наложение штрафа и лишение свободы одновременно (§ 12.21).

Законодательство штата Арканзас более строго к организаторам и участникам незаконных азартных игр. В соответствии с § 5-66-103 Кодекса штата Арканзас (Arkansas Code) содержание, управление, а также прямая или косвенная заинтересованность в деятельности игорного заведения или иного места, где проводятся азартные игры; установка, хранение или демонстрация любого устройства для азартных игр или помощь в этом признается тяжким преступлением (фелонией) класса D, что влечет наказание в виде штрафа в размере не более 10000 долларов США (§ 5-4-201) или лишения свободы на срок не более шести лет (§ 5-4-401) [3]. Отметим, что диспозиция § 5-66-103 сформулирована настолько широко, что субъектом данного преступления может стать, как владелец незаконного игорного дома, так и, например, его уборщик или иной другой работник. Кроме того, глава 66 кодекса Арканзаса содержит еще более десятка составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконные азартные игры. В частности запрещается установка, хранение или демонстрация игрового стола или игрового устройства сходного с рулеткой (§ 5-66-104), кено (§ 5-66-110 (а)), пинбол (§ 5-66-111), ставки на скачки или иные игры и события (§ 5-66-112 – § 5-66-117). Интересно, что уголовный закон устанавливает ответственность для атторнея и мирового судьи в случае непринятия ими надлежащих мер по пресечению незаконной игорной деятельности, аресту и уголовному преследованию лиц к нему причастных. Так, атторней, который проинформирован о нарушении, предусмотренном § 5-66-110 (а), однако отказался или пренебрег арестом и судебным разбирательством в отношении лица, совершившего такое правонарушение, в течении 5 дней после того, как он узнал или был проинформирован о правонарушении после предъявления обвинения и осуждения атторней должен быть оштрафован на любую сумму не менее 500 долларов США. Мировой судья за игнорирование этой информации должен быть отстранен от должности окружным судом (§ 5-66-110 (b, c)).

Законодательство штата Юта является одним из самых строгих в США в отношении не только организаторов азартных игр, но и их участников. Так, § 76-10-1102 (1) Кодекса штата Юта (Utah Criminal Code) устанавливает запрет на участие в азартных играх, в том числе в сети Интернет [4]. Предусмотрена также наступление уголовной ответственности за сознательное разрешение использовать недвижимость или иную собственность для проведения азартных игр. Согласно части 3 того же параграфа преступлением считается и предоставление возможности участвовать в азартных играх посредством сети Интернет. Исключение делается лишь для поставщиков интернет ресурсов, обеспечивающих соединение без выбора передаваемого/принимаемого материала.

Примечательно, что анализируемый параграф содержит запрет и на случай изменения федерального законодательства США в сфере азартных игр в Интернете. В случае если федеральным законом азартные игры в интернете будут разрешены, то в Юте по-прежнему будет действовать уголовно-правовой запрет на это § 76-10-1102 (4, 5).

Организация (продвижение) азартных игр наказывается более строго. Под организацией такой деятельности законодатель Юты понимает побуждение или помощь другому лицу участвовать в азартных играх или финансирование, владение и

управление азартными играми (§ 76-10-1104). Такое деяние признается мисдиминором класса В и влечет лишение свободы на срок до 6 месяцев (§ 76-3-204). Если же его совершит лицо ранее дважды осужденное за указанные деяния, то это уже будет считаться преступлением третьей степени, что влечет за собой лишение свободы на срок от одного года до пяти лет (§ 76-3-203.14).

Уголовный кодекс Юты, как и законодательство штата Арканзас, содержит норму, обязывающую атторнея, шерифа, офицера полиции осуществлять уголовное преследование лиц, участвующих в азартных играх, если у них будут разумные основания полагать наличие такой противоправной деятельности. Вместе с тем для нерадивых блюстителей порядка не предусмотрено наказание за ненадлежащее осуществление своих полномочий для пресечения такой деятельности (§ 76-10-1106).

Подводя итог исследованию, отметим, что уголовно-правовые меры противодействия незаконному игорному бизнесу в США весьма неоднородны. Вместе с тем превалирующей позицией законодателя является отнесение преступлений, связанных с азартными играми к посягательствам на общественную безопасность и нравственность. Изученные нами составы преступлений сконструированы как формальные и не требуют наступления каких-либо общественно опасных последствий. Абсолютно равнодушно законодатели США относятся и к размеру дохода, полученного от незаконных азартных игр. Ни в одном случае это не являлось ни криминообразующим, ни валифицирующим признаком преступления.

Полагаем, что слепое заимствование зарубежного опыта и его внедрение в отечественную правовую систему может принести существенный вред тем общественным отношениям на защиту которых оно должно быть направлено. Однако, не следует отрицать, что взвешенный подход с учетом адаптации некоторых заимствований из зарубежного опыта будет оправдан и полезен на пути совершенствования отечественного уголовного закона в рассматриваемой сфере.

1. Быкова А.Е., Чапов А.И., Чапова О.И. Стоп! Азартные игры! – «Научная книга». – 268 с.
2. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / П.В. Алексий [и др.] ; под ред М.М. Рассолова, П.В. Алексия, А.Н. Кузбагарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 895 с.
3. Кодекс штата Арканзас (Arkansas Code) // URL: <https://law.justia.com/codes/arkansas/2019/title-5/> (дата обращения 20.10.2020).
4. Кодекса штата Юта (Utah Criminal Code) // URL: <https://law.justia.com/codes/utah/2019/title-76/> (дата обращения 20.10.2020).
5. Свод федеральных законов США (U.S. Code) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения 20.10.2020).
6. Уголовный кодекс Техаса (Texas Penal Code) // URL: <https://law.justia.com/codes/texas/2019/pe.html> (дата обращения 20.10.2020).
7. Устав штата Невада (Nevada Revised Statutes) // URL: <https://gaming.nv.gov/index.aspx?page=51> (дата обращения 20.10.2020).

Коровина А.В.

К вопросу о свойствах приговора как акта правосудия

*ЦФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-225

idsp: ljjournal-11-2020-225

Аннотация

В статье проводится анализ приговора как итогового решения по уголовному делу, рассматривается содержание сущностных (внешних) свойств приговора: обязательность, исключительность, истинность, преюдициальность и неизменность.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, приговор, требования к приговору, внешние свойства приговора.

Abstract

The article analyzes the sentence as the final decision in a criminal case, examines the content of the essential (external) properties of the sentence: binding, exclusivity, truth, prejudice and immutability.

Keywords: criminal proceedings, the sentence the requirements sentence, the external properties of the sentence.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность принятия различного рода судебных решений при осуществлении производства по уголовному делу. Такие решения, рассматриваются юридической наукой как разновидность управленческих решений [2, с.278]. Так, В.В. Ершов отмечает, что судебному правоприменению свойственен ряд признаков, характерных для социального управления, например, такие как «целенаправленное организующее регулирование общественных отношений, выработку и принятие с этой целью решений, связь управления с информационными процессами, необходимость дополнения «внешнего» (правового) регулирования «внутренним саморегулированием» (индивидуальным регулированием) в пределах принципов и норм права, содержащихся в системе форм международного и национального права, реализуемых в государстве, наличие целой системы связей между правотворческими, исполнительными и судебными органами власти, антиэнтропийный характер управления, связь управленческих процессов с развитием системы права». Однако, по мнению автора, судебное правоприменение объективно отличается от иных средств управления, поскольку «управляющее воздействие осуществляется только посредством принципов и норм права, содержащихся в системе форм международного и национального права, реализуемых в государстве; деятельность органов судебной власти обеспечивается возможностью использования принудительной силы прежде всего государства и происходит в процессуальных формах, установленных в федеральных законах» [7, с.6].

П.А. Лупинская рассматривала решение в уголовном процессе как результат деятельности специальных органов и должностных лиц, уполномоченных применять нормы уголовно-процессуального права, направленный на достижение задач уголовного судопроизводства [8, с.14].

Решения в уголовном судопроизводстве неоднородны и имеют существенные различия по процедуре вынесения, содержанию, характеру и назначению. Согласно одной из признанных в теории уголовного процесса классификаций, решения можно условно разделить на основные и вспомогательные (промежуточные) [9, с.44-46]. Приговор, являясь итоговым решением по делу, выступает в качестве акта судебной власти по которому оценивается законность и справедливость уголовного процесса не только по конкретному уголовному делу, но и системы уголовного судопроизводства в целом. Допущенные в приговоре ошибки нарушают такие основополагающие принципы уголовного процесса, как законность и справедливость, а кроме того создают угрозу авторитету судебной власти и государства, именем которого постановляется. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29 ноября 2016 г. называет приговор важнейшим актом правосудия [10].

Действующий уголовно-процессуальный закон определяет приговор как решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5 УПК РФ). Как справедливо отмечает Т.Г. Бородинова, приговор в силу своей высокой социальной и правовой значимости занимает особое место в

системе судебных решений и обладает рядом специфических особенностей, присущих исключительно ему [4, с.8].

Согласно сложившейся в теории уголовного процесса точке зрения, свойства приговора дифференцируются на внутренние и внешние [5, с.20]. К внутренним свойствам приговора относят законность, обоснованность, мотивированность и справедливость. М.А. Чайковская отмечает, что в отношении перечисленных характеристик приговора среди исследователей отсутствует единство: одни называют их требованиями [6,9], предъявляемыми к приговору, а другие свойствами [11, 12]. Автор указывает, что под требованиями понимаются условия, которым должен удовлетворять определенный объект. При этом требования продолжают оставаться требованиями, даже если фактически объект ими не обладает. Тогда как свойства являются теми качествами, которыми объект уже обладает [18, с.257]. В этой связи мы солидаризируемся с мнением, высказанным И.П. Поповой, о том, что приговор, соответствующий требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости обладает и соответствующими свойствами и приобретает интегрированное качество – правосудность, которое выступает одним из основных мерил эффективности правосудия по уголовным делам [13, с.52].

В качестве внешних свойств приговора выступают качественные характеристики, которыми он уже обладает. К ним относят обязательность, исключительность, истинность, неизменность и преюдициальность. Обязательность означает его безусловное исполнение всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, должностными лицами, другими физическими и юридическими лицами и подлежит неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 392 УПК РФ). Как отмечают некоторые авторы: «приговор суда, вступивший в законную силу, - закон для данного дела» [16, с.11]. Полагаем, что столь образное сравнение в полной мере отражает суть рассматриваемого свойства приговора. При этом не следует забывать, что суд, постановляя приговор не создает нормы права. Мы разделяем мнение О.Ю. Александровой, указавшей, что «вступивший в законную силу приговор приобретает свойства нормы права, носящей индивидуальный характер» [1, с.44].

Исключительность приговора, вступившего в законную силу, не допускает принятие другого решения в отношении того же лица по тому же обвинению. Иными словами, повторное производство по уголовному делу в отношении лица, уже ставшего объектом судебного разбирательства в результате которого вынесен приговор по тому же обвинению, невозможно. Указанное свойство является реализацией конституционного запрета на повторное осуждение за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ). Развивая это конституционное положение, законодатель закрепил в УПК РФ норму, согласно которой уголовное преследование подлежит прекращению, если в отношении лица имеется вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению (п. 4. ч. 1. ст. 27 УПК РФ). Свойство исключительности выступает гарантией реализации прав и законных интересов лиц, в отношении которых уже вынесен приговор, в части не быть судимым за одно и то же преступление дважды [1].

Приведенные положения уголовно-процессуального закона закрепляют международный принцип правовой определенности, подразумевающий, что окончательное и вступившее в законную силу решение суда может быть отменено только в исключительных случаях – когда это требуется для устранения существенных нарушений или ошибок правосудия, если это необходимо в силу существенных и неотложных обстоятельств [15].

О.Н. Сычева предлагает следующее определение презумпции истинности приговора – «это признанное на уровне закона положение о том, что вступивший в законную силу приговор, отражает объективную истину и является обязательным для

всех субъектов, чьи права, обязанности и законные интересы он затрагивает. Опровергнуть это положение возможно только в исключительных случаях и при помощи экстраординарных методов, установленных законом» [17, с.9]. Разделяя приведенное мнение автора, отметим, что презумпция истинности неразрывна связана с таким качеством приговора, как законность. Данное обстоятельство приобретает особое значение в современных условиях, когда закон не содержит нормативного закрепления в качестве цели уголовного судопроизводства установление объективной истинности. Кроме того, как справедливо отмечает Т.Г. Бородинова, презумпция истинности приговора лишь научно постулируется, поскольку отсутствует ее нормативно-правовое закрепление, что формально лишает ее признака обязательности [3, с.21]. Полагаем, что нормативное закрепление принципа объективно истинности исправит ситуацию, переведя презумпцию истинности приговора в категорию обязательных не только с точки зрения доктрины уголовного процесса, но и нормативно-правового регулирования.

Еще одним внешним свойством приговора, вступившего в законную силу, и в значительной мере вытекающим из презумпции истинности, является преюдициальность. В соответствии со ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, хотя и не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Таким образом, суд или должностное лицо должны принимать ранее установленные факты без проверки, если они нашли свое отражение в приговоре, вступившем в законную силу. Институт преюдиции призван исключить противоречия между судебными решениями по одним и тем же вопросам, обеспечить правовую определенность и стабильность судебных актов, а кроме того позволяет экономить время и средства в процессе расследования и судебного разбирательства.

Однако свойством преюдициальности обладают не все приговоры суда, а только те, которые были постановлены в результате проведения судебного разбирательства в ординарном, то есть несокращенном порядке. В частности приговоры, постановленные судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ лишены такого свойства, поскольку в судебном заседании доказательства не исследуются и анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются.

Неизменность (неопровержимость, стабильность) приговора означает невозможность его отмены или изменения тем же или равнозначным судом. Вместе с тем свойство неизменности (неопровержимости, стабильности) приговора не означает, что его вовсе нельзя изменить или отменить. Вступивший в законную силу приговор может быть изменен или отменен судом кассационной или надзорной инстанции в связи с существенными нарушениями, допущенными в вопросах права (ч.1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ).

Таким образом, приговор как вид итогового судебного решения обладает такими сущностными (внешними) свойствами, как обязательность, исключительность, истинность, преюдициальность и неизменность, что в значительной мере выделяет его среди других решений, принимаемых в ходе производства по уголовному делу.

1. Александрова О.Ю. Соотношение свойств приговора и требований, предъявляемых к нему // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2011. – №1 (9). – С. 43 – 51.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. – 401 с.
3. Бородинова Т.Г. Презумпция истинности приговора, вступившего в законную силу: некоторые проблемы содержания и опровержения // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию. – 2015. – №1 (9). – С.20–23.
4. Бородинова Т.Г. Приговор: понятие, сущностные черты и виды // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – №1 (15). – С. 7–12.

5. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства / А.В. Бунина. — Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. — 168 с.
6. Горобец В. Законность, обоснованность и справедливость приговора в условиях состязательности процесса // Российская юстиция. — 2003. — № 8. — С. 37–39.
7. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное правовое регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. — 2013. — № 4 (84). — С. 4–23.
8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М., 1976. — 168 с.
9. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография – 3-е изд., стереотип. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 240 с.
10. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.10.2020).
11. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. — 175 с.
12. Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение суда по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. — 211 с.
13. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009. — 192 с.
14. Попова И.П. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — №1. — С. 50–60.
15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // СПС «Гарант» (дата обращения: 06.10.2020).
16. Решение Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. по вопросу приемлемости жалобы N 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasiy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации» // СПС «Гарант» (дата обращения: 06.10.2020).
17. Сирота С.И., Панько К.А.. Суд выносит приговор. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1972. — 136 с.
18. Сычева О.Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород. 2008. — 31 с.
19. Чайковская М.А. Характеристика приговора: свойства или требования // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 1 (22). — С. 256–262.
20. Чашин А.Н. Судебное производство уголовном процессе. — М.: Дело и сервис, 2014. — 240 с.
21. Чурилов Ю.Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве / Ю.Ю. Чурилов. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 256 с.

Костюк К.И.

Проблемы разрешения индивидуальных трудовых споров в комиссии по трудовым спорам

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-226

idsp: ljjournal-11-2020-226

Аннотация

В данной статье рассматривается место комиссии по трудовым спорам в системе юрисдикционных форм разбирательства индивидуальных трудовых споров. С этой целью анализируются проблемные вопросы комиссий и пути их решения.

Ключевые слова: индивидуальный трудовой спор, досудебное разбирательство, комиссия по трудовым спорам, проблема

Abstract

This article discusses the place of the labor dispute committee in the system of jurisdictional forms of litigation of individual labor disputes. To this end, the problematic issues of the commissions and ways to solve them are analyzed.

Keywords: individual labor dispute, pre-trial proceedings, labor dispute committee, problem

Противоречия между субъектами (сторонами) трудового договора могут вылиться в индивидуальный трудовой спор. В целом трудовое законодательство направлено на урегулирование конфликтов между работником и работодателем путем проведения переговоров.

Выделяются две формы юрисдикционного порядка рассмотрения индивидуальных трудовых споров: досудебная и судебная.

Досудебное разбирательство осуществляется Комиссией по трудовым спорам (далее – КТС), порядок работы которых определен в трудовом законодательстве Российской Федерации [2, ст. 384-389] (далее – ТК РФ), в то время как задачи по судебному разбирательству возлагаются на суды общей юрисдикции, руководствующиеся в своей деятельности нормами гражданско-процессуального законодательства [1] с учетом особенностей, установленных в гл. 60 ТК РФ.

Ст. 385 ТК РФ предусматривает, что КТС является органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, возникающих в организациях, за исключением споров, по которым ТК РФ и иными федеральными законами установлен другой порядок их рассмотрения.

Значимой новеллой ТК РФ стало указание на то, что КТС более не рассматривается как первичный орган по рассмотрению трудовых споров. Из этого следует, что предварительное рассмотрение спора в КТС больше не является обязательным условием, при отсутствии которого работник не имеет права обращаться в суд. Полагаем, что данное правило является весьма значимым для работников, поскольку «наличие или отсутствие в организации комиссии по трудовым спорам не является препятствием для рассмотрения трудового спора в суде» [5, с. 58].

Кроме того, если хотя бы одна из сторон не согласна с решением КТС спор подлежит передаче в судебный орган.

В отсутствии официальной статистики сложно утверждать о неэффективности деятельности рассматриваемых органов. В тоже время, в цивилистике справедливо отмечается необходимость повышения эффективности деятельности КТС, одновременно обозначая и видимые преимущества действующего КТС перед судом общей юрисдикции [4, с. 83].

Другие юристы отмечают, что формирование состава комиссии из работников той же организации, где имеют место трудовые споры, не может в необходимой мере обеспечить независимость членов КТС от работодателя. Это объясняется прямой служебной зависимостью членов КТС от работодателя, от которого зависит уровень заработной платы, перемещение по службе, различного рода стимулирующие выплаты и другие социальные льготы [3, с. 43].

Полагаем, что указанные обстоятельства действительно создают предпосылки для сомнений в беспристрастности членов КТС при разрешении ими трудовых споров, что подкрепляется нормами ст. 384 ТК РФ, согласно которой организационно-техническое обеспечение деятельности КТС осуществляется работодателем (т.е. предоставление помещения для проведения заседаний, оргтехники, бумаги и прочих необходимых средств). При таком подходе уже изначально не приходится говорить о принципе независимости членов КТС от работодателя.

В этой связи не случайно число обращений в немногочисленные существующие КТС постоянно снижается, а количество обращений граждан в суды общей юрисдикции за разрешением индивидуальных трудовых споров, в том числе тех, которые могли бы быть разрешены на уровне КТС, продолжает возрастать. Следовательно, можно сделать вывод, что судебное разбирательство вызывает у работников большее доверие, нежели обращение в КТС.

К существенным недостаткам следует отнести тот факт, что положения ст. 387 ТК РФ не содержат четкой процедуры рассмотрения и разрешения индивидуального трудового спора в КТС, устанавливая преимущественно гарантии прав работника как

участника процессуального правоотношения. Например, присутствие при рассмотрении трудового спора закреплено только в отношении работника и его представителя. Их отсутствие на заседании комиссии служит основанием для отложения рассмотрения трудового спора. Вторичная неявка работника или его представителя без уважительных причин позволяет комиссии вынести решение о снятии вопроса с рассмотрения, что не лишает работника права подать заявление о рассмотрении трудового спора повторно в пределах срока, установленного ТК РФ.

Право работодателя на участие в заседании КТС не предусмотрено вовсе. Хотя целесообразно следовало бы определить порядок извещения о времени и месте рассмотрения трудового спора работодателя как стороны трудового спора.

Таким образом, нормами ТК РФ не определены процедура и последовательность проведения заседания КТС. Установлены лишь общие правила, в частности согласно статье 387 КТС имеет право вызывать на заседание свидетелей, приглашать специалистов. Как правило, на практике членами комиссии являются управленческий аппарат предприятия либо лица, мало знакомые с деятельностью работника, обратившегося в КТС. Работников – коллег заявителя в качестве консультантов или свидетелей на заседания КТС без ходатайства спорящего работника не приглашают. И зачастую работники вспоминают об этом праве с опозданием, после неудовлетворительного решения КТС.

Однако правовое положение специалистов и свидетелей, равно как и правовое положение работника и работодателя как спорящих сторон в процессе рассмотрения и разрешения трудового спора, совершенно не определены. Представляется необходимым в целях устранения возможных разногласий по процедуре на уровне закона продумать порядок рассмотрения трудового спора, а в настоящее время регламентировать существующие пробелы в положении о КТС, согласовав его положения с действующим трудовым законодательством.

В то же время наиболее целесообразным вариантом решения данного вопроса является, на наш взгляд, ликвидация КТС. Существование данного органа представляется излишним по следующим основаниям.

На сегодняшний день, при наличии у работника возможности обратиться в суд напрямую, минуя КТС, существование данного органа лишается всякого смысла. В законе предусмотрено, что индивидуальный трудовой спор может рассматриваться комиссией в том случае, если работник не урегулировал разногласия лично или с участием своего представителя путем непосредственных переговоров с работодателем.

Другими словами, в случае возникновения конфликта, первое, что должен предпринять работник – попытаться урегулировать этот конфликт путем переговоров. Если это не удастся работнику, то он может постараться привлечь профсоюз на свою сторону, который также может обратиться к работодателю для защиты работника и попытаться снова урегулировать спор.

И лишь после этого спор отдается комиссии на рассмотрение, хотя уже сформировались позиции сторон. Так как комиссия включает в себя равное число представителей от работодателя и от работников, вероятнее всего спор так и не будет решен. В конечном итоге решение должна принять судебная инстанция.

Таким образом, если вопрос будет связан, например, с выплатой работнику премии, рассмотрение данного спора в целом займет не менее половина года, а зачастую такие дела могут рассматриваться в судах в течение года. В дальнейшем конфликт будет разрастаться, что, безусловно, скажется и на результатах работы организации, и на морально-психологическом климате в коллективе.

Полагаем, что если работник самостоятельно не сумел урегулировать с работодателем конфликт, а также не смог через профсоюз добиться отмены неправомерного решения, у него не остается другого выхода, кроме как обратиться в судебные инстанции за защитой нарушенного права.

Таким образом, рассмотренные в данном исследовании проблемные аспекты, касающиеся разрешения споров КТС, не являются исчерпывающими и не умаляют возможного, исторически заложенного значения КТС. При умелом использовании своего потенциала КТС может быть эффективным звеном в системе рассмотрения индивидуальных трудовых споров.

В настоящее время является актуальным участие работников и работодателей как в доюрисдикционном, так и в досудебном разрешении трудовых споров. Ведь, социальное партнерство – это наиболее оправданная модель взаимодействия труда и капитала с целью оптимального для сторон трудовых отношений достижения социального мира, направленного на защиту не только очевидных имущественных, но и неимущественных прав работников.

В тоже время, также очевидно, что совокупность отмеченных проблем принципиально предопределяет направление для дальнейшего совершенствования трудового законодательства РФ, чтобы реабилитировать эффективность деятельности КТС. В противном же случае в ближайшем будущем КТС покажет свою окончательную несостоятельность как альтернативный досудебный орган по разрешению трудовых споров, и решение этого вопроса сегодня, по сути, остается только за законодателем.

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №46. – Ст. 4532.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Анисимов А.Л. Трудовые отношения и трудовые споры. М.: Юстицинформ, 2008. – С. 43.
4. Архипов В. В. О досудебном рассмотрении индивидуальных трудовых споров // Адвокат. – 2007. – №8. – С. 83.
5. Петров А.Я. Индивидуальные трудовые споры: фундаментальные аспекты трудового права / А.Я. Петров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – С. 58.

Котова С.Г., Шутько В.Ю.

Статус граждан в процессе судопроизводства как субъектов правовой активности

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-227

ids: lj-11-2020-227

Аннотация

Совершенствование процессуального законодательства является важной составляющей повышения уровня защиты прав и свобод человека в нашем государстве. Основная цель судопроизводства - защита прав и свобод человека и гражданина (истца, ответчика, третьих лиц, потерпевшего, обвиняемого и т.д.). Достижение этой цели возможно только при активных действиях граждан, чьи права затрагивает конкретный процесс. Актуальным является вопрос, насколько действующее законодательство предоставляет возможность физическим лицам, участникам процессуальных правоотношений, отстаивать собственные права, определяя должное и возможное поведение. Целью работы является анализ статуса граждан в процессе судопроизводства как субъектов правовой активности.

Ключевые слова: правовая активность, статус граждан в судопроизводстве, гражданский процесс, арбитражный процесс, уголовный процесс, права истца, права ответчика, третьи лица, иск, жалоба, ходатайство.

Abstract

Improving procedural legislation is an important component of increasing the level of protection of human rights and freedoms in our state. The main goal of legal proceedings is to protect the rights and freedoms of a person and a citizen (plaintiff, defendant, third parties, victim, accused, etc.). Achieving this goal is possible only with the active actions of citizens whose rights affect a particular process. Therefore, the urgent question is: to what extent current legislation provides an opportunity for individuals, participants in procedural legal relations, to defend their own rights, determining proper and possible behavior. The aim of the work is to analyze the status of citizens in the process of legal proceedings as subjects of legal activity.

Keywords: legal activity, citizenship status in legal proceedings, civil procedure, arbitration process, criminal procedure, plaintiff rights, defendant rights, third parties, lawsuit, complaint, petition.

Исходя из словарного толкования, статус (от лат. status) – это «состояние, положение», применительно к праву. Он свидетельствует о существовании неких параметров, стабильных в отношении конкретного объекта или субъекта на определенном отрезке времени. Если рассматривать данную категорию применительно к судебному процессу, то статус представляет собой обозначение положения субъекта процессуальных правоотношений среди других субъектов – участников судопроизводства по конкретному делу.

Ввиду того, что право не легитимирует устоявшиеся отношения между участниками в процессуальных правоотношениях, а устанавливает их, соответственно и дискуссии о первичности или вторичности права, применительно к определению правового статуса, в данном контексте не возникает. Только посредством норм процессуального права устанавливается статус участников судопроизводства. Непосредственно статус субъектов в судопроизводстве, а также их права и обязанности устанавливаются процессуальным законодательством - ГПК РФ, УПК РФ, АПК РФ.

Данные акты детализируют такие конституционные основы как право на судебную защиту, право на правовую помощь, адвоката, разрешение дела на принципах законности, независимости судей, равенства, гуманизма и др. в данных актах определены основные виды правовой активности в судопроизводстве, такие как жалобы, ходатайства, заявления. Установлен порядок проверки вынесенных судебных решений, в том числе и по инициативе заинтересованных субъектов – в апелляционном и кассационном порядке.

Мнения современных ученых об элементах правового статуса разделились на широкий и узкий подходы. Права, обязанности и право- и дееспособность в отношении физических и юридических лиц, как элементов наполняющих исследуемую категорию, выделяют сторонники узкого подхода. Дополнение данной совокупности элементов ответственностью, гарантиями, представляет более широкий взгляд на категорию правовой статус. Однако, специфичность процессуальных правоотношений и категории «правовой активности», позволяет по иному взглянуть на элементы правового статуса.

В словарном определении «активность» (от лат. - деятельный) - это энергичная деятельность; деятельное участие в чем-либо; противоположное пассивности; инициатива (фр. initiative от лат. initium - начало) - первый шаг в каком-либо деле; начинание.

Правовая активность имеет свои особенности – она формируется и реализуется в правовом поле; ее реализация происходит на принципах свободы, добровольности и инициативности личности; она направлена на изменение правоотношений; намерения субъекта правовой активности направлены на позитивный правовой результат.

Статус граждан в судопроизводстве представлен наличием более широкого спектра элементов. Ввиду того, что активность – инициативные действия по

собственному усмотрению, то в статус ее субъектов не могут входить обязанности, так как их исполнение происходит не из собственных добровольных посылок субъекта, а под угрозой правовых санкций. Инициативность и добровольность в действиях субъекта также предполагает наличие частноправового элемента в правовом регулировании правовой активности. Другими словами, правовые нормы устанавливают возможность выбора вариантов поведения: один из которых предполагает активные действия, другой – таковых действий не предусматривает.

Первичным этапом проявления правовой активности граждан в гражданском, арбитражном и, по ряду дел, в административном судопроизводстве является подача иска. Соответственно, как элемент правового статуса граждан в судопроизводстве как субъектов правовой активности, является процессуальная право и дееспособность на подачу искового заявления. Процессуальная правоспособность – это способность лица иметь субъективные процессуальные права и обязанности. Она является абстрактной возможностью быть субъектом процессуальных отношений. Такая абстрактная возможность сама по себе не позволяет положительно реализовать право на защиту. Субъективное процессуальное право – это имеющаяся возможность, готовность к немедленному осуществлению права на защиту.

Разделяя позицию авторов, которые признают, что право на судебную защиту – это проблема как материального, так и процессуального права. Материально-правовая сторона права на судебную защиту связана с защитой субъективного материального права. В связи с этим логично, что обладает правом на такую защиту тот, кому принадлежит нарушенное или оспариваемое право. Право на судебную защиту в процессуальном смысле, означает право на судебную деятельность по рассмотрению и разрешению дела, право на пользование предоставленными процессуальным законом полномочиями с целью получения законного и обоснованного решения. При этом, если право на судебную защиту в его материально-правовом смысле следует, как правило, одной из сторон спора – истцу, а по встречному требованию – и ответчику, то правом на судебную защиту в процессуальном смысле должны обладать обе спорящие стороны.

Таким образом, право на судебную защиту в его процессуальном смысле следует рассматривать во взаимосвязи со всем комплексом процессуальных средств и гарантий, предоставленных законом истцу, ответчику, заявителю, заинтересованному лицу, и т.д.

Следующим этапом проявления правовой активности являются действия сторон в отношении исковых требований – принятие иска, заключение мирового соглашения (со стороны ответчика), изменение исковых требований (со стороны истца).

Многоэлементной правовой активностью является в процессе судебного разбирательства. Она представлена правами граждан, таких как предъявление ходатайств, жалоб, другие инициативные действия в рамках установленных прав, целью которых является защита собственных прав и интересов.

Если рассматривать производство в суде второй инстанции как одну из стадий судопроизводства, целью которой является проверка законности и обоснованности судебных решений (вынесенных приговоров) судом первой инстанции, то следующий этап правовой активности граждан в судопроизводстве связан с инициированием проверочных стадий.

Производство в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанции – есть формы отправления правосудия. Единство сути указанной деятельности обуславливает единство цели и непосредственных задач каждой из форм проверки. Цель контрольно-проверочных производств: судебная защита (обеспечение) интересов и прав заинтересованных лиц или обеспечение назначения уголовного судопроизводства в целом. Задачи заключаются в беспристрастной проверке и оценке вышестоящим судом законности, обоснованности и справедливости постановленных актов суда в целях защиты нарушенного интереса. Реализация права на обжалование –

это всегда активные действия. Лицо, имеющее на это право (на обжалование) на основании стойкого убеждения о неправомерности приговора, или другого решения суда, затрагивающего его интересы, собирает установленные законом документы, оформляет жалобу и подает ее в строго определенный суд, который имеет право рассматривать дела нижестоящей инстанции.

Таким образом, элементами статуса граждан в судопроизводстве как субъектов правовой активности являются процессуальные право и дееспособность, а также права, определенные в процессуальном законодательстве. Правовая активность граждан проявляется на разных стадиях судопроизводства от подачи иска в суд первой инстанции до реализации права в суде, осуществляющим проверочную деятельность.

Значение правовой активности не ограничивается пониманием активности как формы реализации права (использование, соблюдение, исполнение). Среди главных черт активности – нацеленность на преобразование, изменение такого состояния, которое не устраивает субъект деятельности. В связи, с чем активность определяется как инициативное состояние деятельности, нацеленное на самоутверждение и преобразование окружающей действительности.

1. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019)
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. От 02.08.2019)
3. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.10.2019)
4. Амроян М.А. Теоретические аспекты применения института апелляции // Право: теория и практика. - М.: Тезарус, 2003, № 4. - С. 76-80
5. Басик В.П. Эволюция понятия "правовой статус человека и гражданина" в российской правовой науке // Право и политика. - М.: Nota Bene, 2003, № 5. - С. 10-17
6. Башук С.Г. Правовая активність: поняття, структура та види: Автореф. ... дис. канд. юридичних наук.- Харків, 2014. – с. 10, 11
7. Мясин А.А., Сагина О.В. Правовой статус гражданина: теоретико-правовые и конституционные аспекты // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальности. Межвузовский сборник научных трудов. - Саранск: Ковылк. тип., 2005, Вып. 4. - С. 53-58
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007. С. 741.

Крякина Т.А.

Цифровые следы в криминалистике: понятие и значение в расследовании преступлений

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-228

idsp: ljjournal-11-2020-228

*Научный руководитель
Хаснутдинов Р.Р.*

Аннотация

В настоящее время расследование почти каждого уголовного дела включает в себя мероприятия по поиску и изъятию электронных следов, в которых содержится важная доказательственная информация. Вместе с тем методические разработки, законодательство не успевают за стремительно развивающейся практикой. Это порождает ряд проблем, среди которых неподготовленность правоохранительных органов к работе с такими следами, что значительно снижает эффективность действий по расследованию преступлений. В статье анализируются основные направления

использования цифровых следов в следственной практике, а также даются рекомендации по развитию данной области знаний.

Ключевые слова: цифровые следы, криминалистика, сеть Интернет, цифровые технологии.

Abstract

Currently, the investigation of almost every criminal case includes measures to search for and remove electronic traces that contain important evidentiary information. However, methodological developments and legislation do not keep up with the rapidly developing practice. This creates a number of problems, including the lack of preparedness of law enforcement agencies to work with such traces, which significantly reduces the effectiveness of actions to investigate crimes. The article analyzes the main directions of using digital traces in investigative practice, as well as provides recommendations for the development of this field of knowledge.

Keywords: digital traces, criminalistics, Internet, digital technologies.

В настоящее время одним из основных направлений развития общества является повсеместное использование информационно-телекоммуникационных технологий. При этом такое масштабное внедрение технологий приводит к серьезным изменениям всех сфер жизни общества, в том числе и преступной. В первую очередь это связано с тем, что использование электронных технологий обуславливает образование большого количества электронных следов в технических устройствах, интернет-сетях и др., которые необходимо использовать для установления обстоятельств совершенного преступления и доказывания виновности причастного лица. При этом цифровые следы могут быть оставлены при любом преступном деянии, а не только в результате киберпреступления.

Кроме того, с каждым годом прослеживается тенденция на увеличение количества электронных носителей, доступности их населению и появлению новых изобретений в данной сфере, что требует разработки новых методов исследования цифровых следов и их носителей. В свою очередь, появление новых методик расследования должно быть неразрывно с постоянным повышением квалификации следователей, криминалистов, экспертов, а также обновление криминалистического оборудования и программного обеспечения. Только в этом случае борьба с преступностью может быть максимально эффективной.

При этом причина, обуславливающая необходимость внедрения современных технологий в деятельность государственных служащих это не только совершение преступлений с использованием результатов научно-технического прогресса, но и использование электронных технологий в качестве способа раскрытия и противодействия преступлениям. Однако, к сожалению, за стремительным развитием информационных технологий не успевает ни развитие криминалистической науки, ни российское законодательство.

Кроме того, цифровое обеспечение криминалистической деятельности не успевает за реальным развитием цифровых технологий, что мешает максимально эффективно проводить следственные действия, в случаях, когда при расследовании сотрудники сталкиваются с цифровыми следами. Устройствами, которые могут использоваться для установления обстоятельств преступления, поиска преступника, содержащие следы преступления, могут быть: мобильные телефоны и смартфоны; стационарные компьютеры, ноутбуки, планшеты; различные электронные гаджеты; элементы коммуникационных систем и операторов, оказывающих услуги связи.

Как показывает следственная практика, наибольшее количество криминалистически значимой информации можно получить из мобильных телефонов и смартфонов преступника или потерпевшего. В первую очередь это смс-сообщения,

мессенджеры (WhatsApp, Viber), социальные сети, история звонков. В совокупности с дополнительной информацией от операторов сотовой связи о зарегистрированных телефонных номерах, распечатка телефонных звонков, это позволяет выявить лиц, связанных с преступлением или с разыскиваемыми субъектами, их передвижение и места постоянного и временного пребывания, а также хронологию событий в целом.

Для простоты получения таких данных, в том числе непосредственно на месте происшествия, в настоящее время разработаны специализированные программы, позволяющие исследовать и фиксировать цифровые следы. В настоящее время, среди таких программных комплексов широко используются UFED, XRY, «Мобильный криминалист».

Функционал первых двух направлен на извлечение, восстановление и декодирование информации с различных устройств: мобильных телефонов и смартфонов, GPS-навигаторов, карт памяти и некоторых других. То есть могут быть обнаружены и зафиксированы такие цифровые следы, как сообщения голосовой почты, фотографии и их геолокация, тексты смс-сообщений и т.д. Однако наиболее важной функцией выступает возможность дешифровки информации из мессенджеров (WhatsApp, Viber, Skype), а также извлечение данных из облачных хранилищ.

Программа «Мобильный криминалист» имеет больший спектр возможностей. Так, к перечисленному функционалу UFED и XRY, добавляется возможность анализировать полученную информацию. В частности, данный информационно-аналитический комплекс позволяет: определить часто посещаемые места конкретного лица или места пересечения группы лиц; определить верный хронологический порядок событий; устанавливать связь между владельцами устройств и их контактами и частыми звонками и т.д.

Подобные операции становятся необходимы в силу того, что зачастую цифровые следы, имеющие непосредственное значение для расследования, содержатся в огромных массивах цифровых данных, где отыскать необходимые сведения достаточно проблематично. Кроме того, для детального исследования информации на изъятых цифровых носителях в целях получения цифровых следов могут использоваться и такие программы как IBM i2 Analyst's Notebook, «Сегмент-С» и некоторые другие. С их помощью можно проводить анализ баз данных о знаках транспортных средств, сведений о соединениях между абонентами и т.д. Такие цифровые следы способны решить ряд типовых задач. Например, это может быть установление факта использования одного и того же транспортного средства для совершения нескольких преступлений или нескольких эпизодов одного и того же преступления, использование мобильного устройства для связи подозреваемых и другое.

Такая же информация может быть извлечена из цифровых следов, обнаруженных в устройствах, поддерживающих доступ в Интернет, и некоторых других электронных гаджетах. Например, электронные часы, имеющие встроенную функцию GPS-навигации, могут содержать следы о преимущественном местонахождении интересующих следствие лиц или места пребывания разыскиваемых лиц. Кроме того, с помощью GPS и записи с автомобильного регистратора (не только тех, что установлены на транспортном средстве преступника) определяют сведения о маршрутах передвижения, местах стоянок и места пребывания интересующих следствие лиц.

Помимо этого, большое количество цифровых следов преступления можно извлечь с видеозаписей камер наружного наблюдения. К таким цифровым следам можно отнести видео обстоятельств совершенного преступления, передвижение преступника или его автомобиля, очевидцев и множество другой доказательственной информации.

Так, в частности, в Приговоре Фатежского районного суда Курской области № 1-38/2020 от 13 апреля 2020 г. по делу № 1-38/2020 в ходе расследования кражи была изъята с видеозапись с камер наружного наблюдения, на которой зафиксировано как в день совершения преступления по указанной улице прошел мужчина, который вел в руках велосипед, с лежащими на нем мешком и некоторыми вещами, которые опознал потерпевший. При этом цифровое изображение лица подозреваемого было четким, что послужило неопровержимым доказательством его вины.

В целях обнаружения подобных цифровых следов и обрабатываются такие массивы информации. При этом необходимо понимать, что в конечном итоге получение той криминалистически значимой информации, которую дают цифровые следы, без использования информационных технологий либо очень затруднено и требует больших временных затрат, либо невозможно в принципе.

Поэтому для получения сведений из цифровых следов тщательно изучается информация, содержащаяся в телефонах, компьютерах, планшетах и других устройствах, принадлежащих подозреваемому, потерпевшему, а в некоторых случаях и свидетелей и близких родственников лиц, участвующих в деле, устройств слежения, располагающихся в районе предполагаемого события преступления. Круг цифровых следов, которые могут быть обнаружены, невероятно широк.

Кроме того, необходимо понимать, что в силу нематериальной природы цифровых следов, перед следователем встает трудная задача по их фиксации для дальнейшего использования в материалах дела. Поэтому во избежание их уничтожения, повреждения и изменения следует прибегать к помощи специалиста или криминалиста, имеющих необходимые знания и материально-техническое оснащение.

Таким образом, разработка концепции использования цифровых следов в криминалистике, способов их получения, фиксации и исследования имеет важное практическое значение. Несмотря на наличие программ опосредующих поиск цифровых следов, некоторую практику их использования при расследовании уголовных дел, говорить об их повсеместном эффективном применении в настоящее время не приходится. При этом многие из них могут иметь решающее значение в доказывании виновности лица либо наоборот, явно показывать непричастность подозреваемого к совершению преступления.

Для решения данной проблемы необходимо, прежде всего, привлекать к изъятию и поиску цифровых следов специалистов и криминалистов, обладающими специальными познаниями в сфере IT-технологий и имеющих специальное оборудование. Кроме того, одной из наиболее эффективных мер будет являться систематическое повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий, так как цифровые следы имеют ряд особенностей, среди которых, в частности, особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов, обнаруженных в цифровом пространстве.

1. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №3 (55). С. 46-52.
2. Приговор Фатежского районного суда Курской области № 1-38/2020 от 13 апреля 2020 г. по делу № 1-38/2020.
3. Россинская Е. Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. №4. С. 144-151.
4. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. №6 (103). С. 178-185.
5. Семикаленова А.И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. №5 (57). С. 115-120.

Лебедева И.Е., Мамин А.С.

Проблемы контроля ОМВД над частной детективной и охранной деятельностью

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-229

idsp: ljjournal-11-2020-229

Аннотация

Настоящая статья направлена на рассмотрение основополагающих направлений контроля органами Министерства внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью. Автором отмечен ряд проблемных аспектов, присутствующих в законодательных актах данной сферы. Актуальной остается проблема несовершенства законодательных базы для осуществления частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации на соответствующем уровне.

Ключевые слова: детективная деятельность, охранная деятельность, контроль, лицензия, правовое регулирование.

Abstract

This article is aimed at reviewing the fundamental areas of control by the Ministry of internal Affairs bodies over private detective and security activities. The author notes a number of problematic aspects present in the legislative acts of this sphere. The problem of imperfection of the legal framework for the implementation of private detective and security activities in the Russian Federation at the appropriate level remains relevant.

Keywords: detective activity, security activity, control, license, legal and regulatory frameworks.

В настоящее время российское законодательство характеризуется многочисленными принимаемыми и действующими нормативно-правовыми актами. Большое количество законодательных актов регулируют сферу частной охранной и детективной деятельности. Данная деятельность регламентируется не только нормами общего характера, но и специальными законодательными актами, в частности, Федеральным законом «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». С принятием данного Федерального закона на территории России усилился государственный контроль за данными видами деятельности. Несмотря на то, что данный нормативно-правовой акт неоднократно изменялся и дополнялся новыми положениями, законодательная база данной сферы правового регулирования требует существенной доработки и разработки более детальной регламентации частной детективной и охранной деятельности.

По мнению многих экспертов и правоведов, Федеральный закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» содержит в себе многочисленные отсылочные нормы, неясные формулировки, а также большое количество противоречивых положений, поэтому анализируя некоторые положения данного Федерального закона, необходимо сделать о том, что необходима существенная доработка нормативной базы в данной сфере.

Так, например, статья 3 данного Федерального закона «запрещает» физическим и юридическим лицам, не имеющим статус частного детектива, частного охранника или же частной охранной организации, оказывать услуги, предусмотренные данной статьей. Однако, анализируя практику, автор пришел к выводу, что такое требование относится не ко всем участникам, а лишь к части:

- частной охранной организации, созданной для осуществления данной деятельности;
- частному охраннику, исполняющему свои трудовые обязанности исключительно в частной организации на соответствующей должности.

Из этого следует, что частному охраннику для выполнения своих трудовых обязанностей необходимо получить соответствующую лицензию. Однако, сторож, выполняющий практические те же должностные обязанности, в получении лицензии не нуждается, так как в настоящее время профессии «охранник» и «сторож» являются разными, исходя из этого такая профессия как «сторож» не попадает под действие Федерального закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Следует обратить внимание, что частная детективная и охранный деятельности являются самостоятельными видами деятельности, различные по содержанию, характеру и т.д. Также данные виды деятельности различны и по осуществляющим ими услугами. Сущность частной детективной деятельности заключается в осуществлении сыскной деятельности, собирании информации в рамках соответствующих детективных услуг.

Частная детективная деятельность включает в себя:

- сбор сведений по гражданским делам участников, с которыми заключен договор об оказании данной услуги;
- сбор информации для деловых переговоров;
- сбор данных о гражданах, характеризующих их личность, которые вступают в трудовые отношения по договорам;
- поиск без вести пропавших лиц;
- сбор сведений по уголовным делам участников, заключивших договор. Частный детектив, осуществляющий данную деятельность по конкретному уголовному делу, в течение 24 часов с момента подписания договора, должен письменно уведомить дознавателя, следователя, прокурора или суд о своем сборе.

Сущность же охранный деятельности заключается в защите жизни и здоровья физических и юридических лиц, а также обеспечении сохранности их имущества.

Частная охранный деятельность включает в себя:

- защиту жизни и здоровья граждан, а также охрану имущества граждан;
- проведение консультаций, а также подготовка рекомендаций лицам по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств;
- обеспечение безопасности граждан при проведении массовых и других мероприятиях

Для оказания данных услуг физическому или юридическому лицу необходимо иметь статус частного детектива, частной детективной организации или же частного детектива, что, соответственно, контролируется уполномоченным органом.

В соответствии с ст.6 и ч.1 ст. 11.2 Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» лицензии на осуществление частной детективной и охранный деятельности предоставляются Росгвардии или ее территориальным органом.

Согласно действующему законодательству лицензирование признается одним из важных элементов контроля лицензирующего органа за законностью оказания частных услуг по защите жизни и здоровья граждан, по охране объектов и имущества, находящихся в собственности, владении, пользовании.

Исходя из того, что Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» достаточно полно отражает специфику осуществления частных охранно-сыскных услуг, следует отметить, что действующие законодательные акты в сфере частной детективной и охранный деятельности требуют совершенствования, а также создания отдельных нормативно-правовых актов в соответствующих сферах, поскольку частная детективная и охранный деятельность по праву считается самостоятельными видами деятельности.

При использовании детективными и охранными организациями огнестрельного оружия, специальных средств, а также боеприпасов, перед Росгвардией, осуществляющей контроль в данной сфере, появляется проблема проведения проверки правил хранения, использования, правомерности ведения учетной документации, сверку оружия по видам и номерам у тех лиц, которым они выданы для оказания частных охранно-сыскных услуг. Также в полномочия федеральных органов исполнительной власти осуществляются проверки сотрудников частных детективных и охранных структур на соответствие их деятельности в условиях, связанных с использованием огнестрельного оружия, боеприпасов и т.д. Данная проверка включает наличие теоретических знаний сотрудников, знания нормативной базы РФ, регулирующих оборот оружия, устанавливающих отличительные особенности, запреты, а также ограничения его применения и выполнение практических упражнений стрельб огнестрельного оружия.

Также необходимо отметить, что проявляется еще одна проблемная тенденция в области частной детективной и охранной деятельности. К такой тенденции относят принятие на работу в организацию лиц с недостаточным качеством профессионального уровня, получивших образование для работы в качестве частных детективов или же охранников в неполном объеме, а в некоторых случаях и в короткие сроки.

На законодательном уровне закрепление нашли лишь положения о требованиях к частным детективным и охранным организациям, а также положения о тех, кто не вправе получить правовой статус частного детектива или охранника. Так, в соответствии с Законом РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-І «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» лицензия не выдается лицам: не достигшим 21-летнего возраста; состоящим на учете в связи с психическими заболеваниями, алкоголизмом или наркоманией; имеющим судимость за совершение умышленного преступления; а также не представившим документы, указанные в настоящем законе и т.д. Согласно данной проблеме, по мнению автора, необходимо определить соответствующие правила и требования отбора кандидатов на соответствующие должности, которые будут иметь высокий уровень профессиональной подготовки.

При рассмотрении автором данного вопроса были подняты достаточно проблемные аспекты основополагающих направлений контроля органами Министерства внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью. В связи с этим, по мнению автора, необходимость решения выявленных проблем является достаточно актуальным посредством совершенствования нормативной базы в области частной детективной и охранной деятельности. Законодателю следует усовершенствовать Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-І «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», поскольку данный нормативный правовой акт не в полной мере отвечает реалиям современности. Необходимо разделение нормативной базы данных видов деятельности, поскольку они являются самостоятельными видами деятельности и различны по своему характеру, содержанию, а также по осуществляющим ими услугами.

1. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»: Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-І// «Российская газета», 30 апреля 1992 г.;
2. Захарова Т. В. Комментарий к закону «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». -М.: Юстицинформ, 2003.;
3. Тихомиров, М. Ю. Детективная и охранный деятельность / М.Ю. Тихомиров. - М.: Издание Тихомирова М. Ю., 2012. - 192 с.;
4. Лазарев Д.А. «Всероссийская конференция руководителей учреждений по подготовке кадров охранно-сыскных структур»// журнал «Мир-безопасности» № 07/260, - 2015, с.30;
5. Перцев А.В. «Потенциал недооценен и используется неэффективно»// Журнал «Мир-безопасности» №04/257, - 2015, с.9;

Лесик А.В.**Виды и классификация материальной ответственности работника перед работодателем**

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-230

ids: lj-11-2020-230

Аннотация

В статье автором проводится анализ классификации видов материальной ответственности работника перед работодателем. Приводится разделение полной материальной ответственности в зависимости от оснований ее возникновения на договорную (возникающую в связи с заключением специального письменного договора) и внедоговорную (возникающую во всех остальных случаях).

Ключевые слова: виды материальной ответственности, работник, работодатель

Abstract

In the article, the author analyzes the classification of types of material liability of an employee to an employer. The division of full financial liability, depending on the reasons for its occurrence, into contractual (arising in connection with the conclusion of a special written agreement) and non-contractual (arising in all other cases) is given.

Keywords: types of financial responsibility, employee, employer

Действующее трудовое законодательство в главе 39 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) содержит единственную классификацию видов материальной ответственности работника, в основании которой содержится максимальный размер взыскания ущерба, допускаемый трудовым кодексом [1, гл. 39].

В первом виде, размер материальной ответственности ограничен ст. 241 ТК РФ на уровне среднего месячного заработка работника, в пределах которого работодателю может быть возмещен причиненный прямой действительный ущерб. Хотя законодатель не наделяет рассматриваемый вид материальной ответственности каким-либо наименованием, в научной и учебной литературе исходя из содержания, его принято именовать ограниченной (или частичной) материальной ответственностью работника [6, с. 311].

Анализ действующего трудового законодательства позволяет сделать вывод, что ограниченная материальная ответственность является общим правилом возмещения, причиненного работодателю материального вреда, поскольку отдельно называются и описываются только случаи наступления полной материальной ответственности.

Ввиду того, что основной отличительной характеристикой ограниченной материальной ответственности работника является применение среднего месячного заработка в качестве предела взыскания, очевидна важность верного определения его величины. Правила такого определения Трудовым кодексом не регламентируются, а содержатся в Постановлении Правительства РФ от 24 декабря 2007 г. № 922 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» [3].

Второй вид материальной ответственности прямо назван в ч. 1 ст. 242 ТК РФ, именуясь полной материальной ответственностью работника. Содержание данного вида составляет обязанность работника возместить причиненный работодателю прямой действительный ущерб в полном размере в случаях, прямо предусмотренных трудовым кодексом и федеральным законодательством.

Указанные два вида материальной ответственности работника, несмотря на наличие различных оснований привлечения к каждому из них, являются

исчерпывающими случаями, в которых допустимо использование соответствующих норм трудового законодательства.

Рассмотрим внутреннее разделение полной материальной ответственности в зависимости от оснований ее возникновения на договорную, возникающую в связи с заключением специального письменного договора, предусмотренного ТК РФ [1, п. 2 ч. 1 ст. 243], и внедоговорную, возникающую во всех остальных случаях.

Указанное разделение представляется верным, поскольку отделение разнородных по содержанию категорий, позволяет детально разобраться с сущностью каждого.

Так, рассматривая основания внедоговорного наступления полной материальной ответственности, сформулированные законодателем в ст. 243 ТК РФ в виде перечня, отметим восемь самостоятельных оснований.

Первый случай возникновения полной материальной ответственности работника – возложение на работника действующим законодательством материальной ответственности в полном размере за ущерб, причиненный работодателю при исполнении трудовых обязанностей. Важно отметить, что полная материальная ответственность должна быть установлена именно федеральными законами, а не какими-либо подзаконными или иными нормативными актами.

Второе основание наступления полной материальной ответственности работника – умышленное причинение ущерба. Закрепление данного основания актуализирует верное и полное определение обстоятельств совершения материального правонарушения, с тем, чтобы правильно выявить форму вины работника в причинении ущерба. В том случае, если работодателем будет установлен факт виновного умышленного причинения вреда, работник обязан возместить прямой действительный ущерб в полном объеме. Если же имела место неосторожность, предел материальной ответственности работника ограничивается величиной его среднего месячного заработка.

Третье основание – причинение ущерба в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. Поскольку бремя доказывания обстоятельств, имеющих значение для определения вида ответственности работника ложится на работодателя, необходимо правильное документальное оформление наличия соответствующего состояния работника.

В каждом случае причинения ущерба работником в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения работодатель обязан подтвердить наличие соответствующего состояния документально. При этом Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» устанавливает возможность такого подтверждения как медицинским заключением, так и другими видами доказательств, которые должны быть соответственно оценены судом [4, абз. 3 п. 42].

Четвертое и пятое основание привлечения к полной материальной ответственности условно можно объединить и охарактеризовать как причинение ущерба в результате совершения преступных действий или административного проступка, установленных приговором суда или иного соответствующего государственного органа. Что касается совершения преступных действий, то очевидна невозможность принятия работодателем самостоятельного решения о наличии либо отсутствии в действиях работника элементов преступления. Необходимо возбуждение уголовного дела, осуществление полного и качественного предварительного расследования и постановление правомерного и справедливого приговора суда.

Кроме того, необходимо иметь ввиду то, что прекращение производства по уголовному делу на любой стадии предварительного расследования, равно как и постановление оправдательного приговора за отсутствием состава преступления

обуславливает невозможность возникновения полной материальной ответственности работника [6, с. 320].

Шестое основание наступления полной материальной ответственности предусмотрено для случаев разглашения работником сведений, составляющих охраняемую законом тайну, в том числе служебную, коммерческую или иную, в предусмотренных законом случаях.

Седьмое основание наступления полной материальной ответственности охватывает случай причинения работником ущерба не при исполнении своих трудовых обязанностей. Данным основанием охватывается две основные ситуации: причинение ущерба после окончания или до начала работы, либо в рабочее время, но не в связи с выполнением трудовых обязанностей, а при использовании материальной базы работодателя в личных целях.

Восьмым основанием охватывается случай недостачи ценностей, вверенных работнику на основании специального письменного договора или полученных им по разовому документу. В практике, таким разовым документом, как правило, является доверенность или накладная, выдаваемая работнику, в обязанности которого обслуживание материальных ценностей не входит, соответственно выдача такого разового документа возможно только при наличии согласия работника.

Говоря о, так называемой, договорной материальной ответственности, возникновение которой связано с заключением специального письменного договора, следует отметить внутреннюю сложность и неоднородность как порядка наступления полной материальной ответственности по данному основанию в целом, так и условий заключения отдельных видов договоров о полной материальной ответственности, в связи с чем, указанные вопросы будут подробно рассмотрены в следующей главе [5, с. 828].

Таким образом, рассмотрение видов материальной ответственности работника, оснований для ее наступления, а также складывающейся практики судов общей юрисдикции по данному вопросу, позволяет сделать вывод о достаточной эффективности и нормативной разработанности соответствующей категории.

Указанный вывод подтверждается также тем, что исторически виды материальной ответственности работника в отечественном трудовом праве не всегда существовали в том виде, в котором они сегодня закреплены в Трудовом кодексе РФ.

Кроме того, действующее трудовое законодательство дополнено и основаниями наступления полной материальной ответственности, в частности, в п. 6 ч. 1 ст. 243 ТК РФ впервые установлено причинение ущерба в результате административного проступка, установленного соответствующим государственным органом, в качестве основания наступления материальной ответственности в полном объеме.

1. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2007 г. № 922 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» (ред. от 10.12.2016 г.) // Российская газета. 29.12.2007. – № 294
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 08.04.2004. № 72.
5. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. – Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. / Лушников А. М., Лушникова М. В. – М.: Статут, 2009. – С. 828.
6. Трудовое право: учебник для прикладного бакалавриата / В. Л. Гейхман [и др.]; под ред. В. Л. Гейхмана. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – С. 311.

Лесик А.В.

**К вопросу о теоретико-правовой составляющей материальной ответственности
работника в трудовом праве**

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский
филиал)
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-231

idsp: lj-11-2020-231

Аннотация

Проводится анализ теоретико-правовых положений материальной ответственности работника перед работодателем. В том числе рассматриваются условия, необходимые для привлечения работника к материальной ответственности и особенности в правилах возмещения ущерба, причиненного несколькими лицами. Также рассматривается отграничение материальной ответственности работника от гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: материальная ответственность, работник, работодатель, гражданско-правовая ответственность

Abstract

The author analyzes the theoretical and legal provisions of the employee's material liability to the employer. In particular, the conditions necessary for bringing an employee to financial responsibility and the specifics in the rules for compensation for damage caused by several persons are considered. Also considered is the separation of the employee's material liability from civil liability.

Keywords: material liability, employee, employer, civil liability

Исследование и анализ правовой природы различных видов юридической ответственности, а также их классификация традиционно является предметом дискуссий, как ученых-исследователей общей теории права, так и представителей отраслевых наук.

Материальная ответственность работника в трудовом праве, не став исключением, также привлекает внимание многих исследователей, анализ научных трудов которых позволяет в общем виде определить материальную ответственность работника как его обязанность претерпеть юридически неблагоприятные последствия в форме лишений имущественного характера в порядке и на условиях, предусмотренных трудовым законодательством, иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями, локальными актами.

При этом содержание неблагоприятных последствий составляет установленная Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) обязанность работника возместить причиненный работодателю прямой действительный ущерб [2, ч. 1 ст. 238].

Так, отмечается, что материальная ответственность сторон трудового договора состоит, прежде всего, в обязанности одной из его сторон возмещать материальный ущерб, причиненный ею другой стороне в соответствии с договором. Также указывается, что материальная ответственность сторон трудового договора является одним из видов юридической ответственности, заключающаяся в обязанности возместить причиненный другой стороне реальный имущественный ущерб и наступающая при наличии оснований, условий и в объеме, закрепленных в трудовом

законодательстве. В соответствии с различными толкованиями научных исследователей, имеющих отношение к изучению данного института трудового права, материальная ответственность работников представляет собой юридическую обязанность возместить в пределах и порядке, установленных трудовым законодательством, прямой действительный ущерб, причиненный виновными противоправными действиями имуществу работодателя [4, с. 486-489].

Анализ действующего трудового законодательства подтверждает сформулированные еще советскими исследователями положения о нецелесообразности объединения различных видов и самостоятельности дисциплинарной и материальной ответственности в трудовом праве. Описание ряда признаков и выделение рассматриваемой категории в самостоятельный вид материальной юридической ответственности не позволяет в полной мере раскрыть ее сущность и сделать вывод о правовой природе. Связано это, в том числе, с существованием позиции о включении материальной в другой вид право восстановительной ответственности – гражданско-правовую. Материальная ответственность рабочих и служащих перед нанимателем за ущерб, причиненный при исполнении своих трудовых обязанностей, является гражданско-правовой, а именно договорной ответственностью, в широком смысле слова.

В этой связи, для выяснения сущности и правовой природы материальной ответственности работника, представляется необходимым отграничить ее от ответственности в гражданском праве, в том числе по следующим основаниям.

Материальная ответственность, как самостоятельный вид юридической ответственности, возникает при наличии таких обязательных условий, как наличие материального ущерба, противоправность действий (бездействий), которыми причинен ущерб, причинно-следственная связь между противоправным действием и материальным ущербом, а также вина работника в совершении противоправного действия (бездействия).

Материальная ответственность может возникнуть только между работником и работодателем, то есть сторонами, заключившими трудовой договор, гражданско-правовая ответственность помимо договорного, может иметь деликтный характер, и возникать в связи с причинением вреда [1, гл. 59].

Различны сроки для привлечения к соответствующему виду ответственности. Ч. 2 ст. 392 ТК РФ устанавливает, что работодатель имеет право обратиться в суд по спорам о возмещении причиненного работником ущерба в течение года со дня его обнаружения. Для возмещения вреда в гражданском праве, установлен общий срок исковой давности в размере трех лет.

Важной составляющей определения «материальная ответственность работника» в трудовом законодательстве Российской Федерации является дефиниция «прямой действительный ущерб», под которым в соответствии со статьей 238 ТК РФ понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества (в том числе имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества), а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение или восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Основываясь на положениях статьи 238 ТК РФ, работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат.

Законодатель в части 3 статьи 238 ТК РФ предусмотрел, что работник несет материальную ответственность как за прямой действительный ущерб, непосредственно

причиненный им работодателю, так и за ущерб, возникший у работодателя в результате возмещения им ущерба иным лицам. То есть можно отметить, что ТК РФ предусматривает обязанность работника возместить материальный ущерб работодателю, причиненный в результате компенсации последним вреда иным лицам. При этом ущерб, нанесенный третьим лицам, сначала возмещает работодатель за счет собственных средств, а к работнику затем предъявляют регрессный иск.

Стоит отметить, что одним из существенных условий, необходимых для привлечения работника к материальной ответственности является противоправное поведение. Вместе с тем, наличие причинной связи между противоправным поведением, к коим относятся действие или бездействие работника, и прямым действительным ущербом также является обязательным условием наступления материальной ответственности.

Таким образом, чтобы удержать компенсацию ущерба из зарплаты работника, необходимо соблюсти несколько условий. Во-первых, с момента обнаружения причиненного ущерба должно пройти не более месяца. Во-вторых, необходимо письменное согласие работника. Однако чаще всего на практике, сторонам все же не удается договориться о добровольном возмещении ущерба и дело подлежит рассмотрению в суде [4, с. 486-489].

Также имеются особенности в правилах возмещения ущерба, причиненного несколькими лицами: в трудовом праве, согласно ст. 245 ТК РФ размер ущерба, причиненного по вине нескольких работников, определяется с учетом степени вины каждого из них, причем при добровольном возмещении, данный показатель определяется по соглашению работников и работодателя [5, с. 10].

В гражданском законодательстве для таких случаев по общему правилу установлено применение солидарной ответственности причинителей вреда [1, п. 1 ст. 1080].

Однако основным отличием рассматриваемых видов ответственности представляется порядок определения размера причиненного ущерба и пределов его взыскания. В соответствии с ч. 1 ст. 238 ТК РФ, работник отвечает только за прямой действительный ущерб, причиненный работодателю, упущенная выгода с работника не взыскивается. При этом пределы материальной ответственности, по общему правилу, ограничиваются величиной его среднемесячного заработка, и могут быть расширены в исключительных случаях, в зависимости от характера допущенного правонарушения, трудовой функции работника, формы его вины и иных факторов [3, с. 208].

Для ответственности в гражданском праве характерно иное – причиненный ущерб подлежит взысканию в полном объеме, включая упущенную выгоду, а пределы возмещения соотносятся с полным объемом причиненного вреда, не сужаясь, к примеру, в зависимости от формы вины или наличия иных условий.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, верным представляется понимание правовой природы материальной ответственности в качестве сугубо самостоятельного вида право восстановительной юридической ответственности, обладающей собственными признаками, субъектами, доктринальным и нормативным содержанием, а также важной отличительной особенностью – помимо имущественных интересов работодателя, защищаются права работника, причинившего материальный вред, прежде всего путем установления пределов материальной ответственности в размере среднемесячного заработка, а также ограничения размера ежемесячных взысканий из заработной платы.

Подобная защита экономически слабой стороны характерна только для материальной ответственности работника и проводится с той целью, чтобы единичный

факт причинения в процессе осуществления трудовых обязанностей имущественного вреда не лишил работника материального вознаграждения за его труд.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. – N 5. – Ст. 410.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Кораблина О. В., Федорова В. Г., Казакова Д. В. Отличительные особенности материальной ответственности в трудовых правоотношениях и гражданско-правовой ответственности // Гуманитарные исследования. – 2014. №3 (51). – С. 208.
4. Середа Д.О. Материальная ответственность работника: теория и практика // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 9 (36). С. 486-489.
5. Цыганов А. М. Возмещение ущерба работником при полной коллективной материальной ответственности // Финансовая газета. – 2009. – № 44. – С.10.

Магомедова Е.А., Гребцов М.П.

Административное приостановление: теоретико-правовая характеристика

*ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
Калужский институт (филиал) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического
университета
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-232

idsp: ljjournal-11-2020-232

Аннотация

В статье проводится анализ административного приостановления как меры административной ответственности. С учетом логики проведения исследования авторы обращаются к природе юридической ответственности, на основе чего характеризуют административное приостановление. Далее выстроена система рассуждений о целесообразности модернизации административного законодательства в части правового формата административного приостановления.

Ключевые слова: юридическая ответственность, административная ответственность, административное приостановление, санкции, малый и средний бизнес, административное правонарушение.

Abstract

The article analyzes administrative suspension as a measure of administrative responsibility. Taking into account the logic of the research, the authors address the nature of legal liability, on the basis of which they characterize the administrative suspension. Next, a system of reasoning is built about the feasibility of modernizing administrative legislation in terms of the legal format of administrative suspension.

Keywords: legal liability, administrative liability, administrative suspension, sanctions, small and medium-sized businesses, administrative offense.

В современной юридической науке довольно много вопросов имеет дискуссионный характер. Причём научные баталии разыгрываются как в теории государства и права, так и в отраслевом и в прикладном юридическом знании. Вместе с тем юридическая наука, выполняя по отношению к правовой действительности аналитическую и конструктивную функции, призвана решать проблемные вопросы действующего законодательства, а также содействовать развитию конструктивной правоприменительной практики. Состояние отечественного законодательства

характеризуется в настоящее время наличием целого ряда недостатков: отсутствием стабильности, определенной противоречивостью, а самое главное – законодательные предписания не всегда соответствуют объективным правовым потребностям общества.

В контексте глубокой и системной взаимосвязи юридической науки, законодательства и правоприменительной практики представляется возможным исследовать вопросы административного приостановления как разновидности административного наказания. Для обстоятельной теоретико-правовой характеристики административного приостановления считаем целесообразным изначально обратиться к теоретическим положениям, характеризующим институт юридической ответственности.

Юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, которая, в свою очередь, предопределена общественной природой человека и отражает его взаимосвязь с обществом. Социальную ответственность принято рассматривать в двух аспектах: перспективном и ретроспективном. В перспективном плане социальная ответственность определяется как осознание личностью своего долга перед обществом, согласование своих поступков с интересами, возможностями и обязанностями других людей. Ответственность в ретроспективном плане предполагает наличие уже совершенного поступка, в рамках которого были нарушены определенные социальные нормы. Экстраполяция постулатов социальной ответственности на юридическую ответственность предопределила появление научных положений о двухаспектной юридической ответственности: позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной). Вместе с тем следует констатировать, что данный подход к двуединой природе юридической ответственности вызвал бурные научные дискуссии, которые не утихают и по сей день. По нашему мнению, необходимо признать вполне логичной и обоснованной позицию А.С. Шабурова, который писал: «признание юридического характера позитивной ответственности не только не соответствует природе явления, но и усложняет решение многих проблем в юридической науке, ибо обозначает ликвидацию юридической ответственности как специфического правового явления» [3, с. 15].

Что же касается понимания ретроспективной юридической ответственности, то и в отношении этого феномена в правовой науке также нет единства мнений. Анализ существующих научных точек зрения по данному вопросу позволяет сделать вывод, что ретроспективную юридическую ответственность трактуют как:

- меру государственного пресечения либо как наказание за правонарушение;
- реализацию санкции правовой нормы;
- реакцию государства на правонарушение;
- правоотношение, возникшие между государством и правонарушителем;
- исполнение юридической обязанности на основе государственного принуждения и т.п.

Наиболее плодотворным, по нашему мнению, представляется подход, в рамках которого юридическую ответственность определяют как обязанность правонарушителя претерпевать предусмотренные санкцией юридической нормы меры государственного принуждения. Именно обозначенный подход наиболее конструктивно использовать при анализе административного приостановления как меры административной ответственности. Административная ответственность является одним из наиболее действенных средств обеспечения правопорядка и безопасности. Она встроена в систему юридической ответственности и административного принуждения.

Следует отметить, что в последние два десятилетия юридический инструментарий, используемый в административном законодательстве, существенно расширился. На наш взгляд, указанная тенденция в определенной степени обусловлена интенсивным развитием малого и среднего бизнеса и желанием законодателя сформировать адекватный правовой формат его функционирования. Этот формат, с одной стороны, призван создать условия для поступательного развития бизнеса, а с другой стороны – сформировать систему правовых требований и ограничений, способных гармонизировать интересы личности, бизнеса и государства. Как верно в этом плане отмечает А.Г. Федоров, «регулируя поведение своих граждан, государством устанавливаются правила, обязывающие их соблюдать не только собственные интересы, но и интересы других субъектов права» [2, с. 27].

Так, в 2005 году в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены соответствующие изменения, которые по своей сути расширяли организационно-правовые возможности для деятельности контрольно-надзорных органов государства и закрепили дополнительные правовые меры борьбы с многочисленными правонарушениями в промышленности, электроэнергетике, строительстве, транспорте, торговле и других сферах.

Согласно статье 3.12 КоАП как мера административной ответственности административное приостановление деятельности заключается во временном (до девяноста суток) прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг [1].

При этом указанная мера применяется в случае угрозы жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами, наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды либо в случае совершения административного правонарушения в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в области установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности, в области правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах), в области порядка управления, в области общественного порядка и общественной безопасности, а также в области градостроительной деятельности.

Ретроспективный анализ КоАП позволяет сделать вывод, что в первоначальной редакции возможность назначения административного приостановления деятельности была ограничена, поскольку из сферы правового регулирования были исключены такие важнейшие аспекты, как, например, противопожарная безопасность, противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и некоторые другие.

С течением времени указанный перечень сфер корректировался и расширялся за счет включения в него отношений в области транспортной безопасности, в области охраны собственности, в области деятельности по возврату просроченной задолженности, в области применения контрольно-кассовой техники, в области реализации входных билетов на матчи чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года

или документов, дающих право на получение входных билетов на матчи чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года, а также в случае совершения административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

На наш взгляд, административное приостановление деятельности является исключительной и достаточно строгой мерой, вследствие применения которой правонарушитель лишается возможности осуществлять предпринимательскую деятельность зачастую достаточно длительное время. С учетом этого следует поддержать позицию ученых-юристов и специалистов-практиков о сокращении предельного срока применения административного приостановления деятельности. Нам представляется, что закрепленный в КоАП трехмесячный срок избыточен и не способствует достижению главных целей института административной ответственности. Кроме того, в условиях финансовой нестабильности многие, особенно индивидуальные, предприниматели в сфере малого бизнеса не в состоянии выдержать столь серьезное правовое взыскание и вынуждены не просто приостанавливать работу, а полностью прекращать свою дальнейшую деятельность. Такой подход в настоящее время не вписывается в провозглашенный руководством страны курс на либерализацию условий, создаваемых для бизнеса и сокращение чрезмерного давления на предпринимателей со стороны уполномоченных органов государства. Следует констатировать, что именно адекватные административные санкции будут способствовать позитивному развитию малого и среднего бизнеса в нашей стране.

Анализ доступных авторам научных публикаций по данной проблематике позволяет сделать вывод о том, что учеными и практикующими юристами нередко высказывается позиция, согласно которой административное приостановление деятельности следует совсем исключить из перечня видов административных наказаний и отнести подобную форму воздействия только к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Объясняется это во многом тем, что указанный вид административного наказания практически идентичен по своей сути временному запрету деятельности, применяемому в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. И хотя основной целью применения обеспечительных мер является создание необходимых условий для надлежащего порядка производства по делу об административном правонарушении, в действительности же по характеру административного принуждения они фактически совпадают. В обоих случаях правонарушитель, будь то индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, лишается на практике возможности осуществлять предпринимательскую деятельность.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что институт административного приостановления требует определенной юридической модернизации, в рамках которой законодатель должен учесть объективные правовые потребности общества в целом и бизнеса в частности и на основе анализа практики применения административного приостановления сформировать эффективный правовой механизм реализации данного вида наказания.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 26.10.2020.
2. Федоров А.Г. Право государства на применение мер обязывающего характера к гражданину как средство обеспечения его правомерного поведения // Вестник Калужского университета. 2020. № 1. С. 26-31.
3. Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности: автореф. дисс. докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1992. – 39 с.

Магомедова Е.А., Исаева М.В., Самороднова А.О.

Структура правовой политики: вопросы теории и практики

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
(Россия, Калуга)

doi: 10.18411/lj-11-2020-233

idsp: ljournal-11-2020-233

Аннотация

В статье дается теоретический анализ структуры правовой политики. В качестве элементов правовой политики авторы выделяют политические организации, политические и правовые нормы, политический интерес, политическое сознание, политические отношения, политическую деятельность. Далее дается характеристика всех структурных элементов с учетом их правового содержания. Кроме того, в статье характеризуется практический аспект правовой политики применительно к государственно-правовой действительности современной России.

Ключевые слова: правовая политика, государство, политические организации, политическая система общества, правовой интерес, правовое сознание.

Abstract

The article provides a theoretical analysis of the structure of legal policy. As elements of legal policy, the authors distinguish political organizations, political and legal norms, political interest, political consciousness, political relations, and political activity. The following is a description of all structural elements, taking into account their legal content. In addition, the article describes the practical aspect of legal policy in relation to the state-legal reality of modern Russia.

Keywords: legal policy, state, political organizations, political system of society, legal interest, legal consciousness.

Современный этап развития юридической науки характеризуется наличием тенденций заимствования теоретических конструкций из различных сфер знания и наполнение этих конструкций правовым содержанием. Кроме того, имеет место синтезирование категориального аппарата с последующим оформлением новых понятий. К таковым можно отнести и понятие правовой политики, которое оформилось и активно эксплуатируется юридической наукой и практикой в последние два десятилетия.

Для более обстоятельной характеристики многокомпонентного состава правовой политики считаем целесообразным, наряду с юридической наукой, в определенной степени исследовать достижения современной политологии. Анализ доступной авторам политологической литературы позволяет сделать вывод, что большинство специалистов в качестве структурных элементов правовой политики выделяют:

- 1) политическая организация (государство, политические партии и общественные объединения, группы давления и т.д.);
- 2) политические и правовые нормы (законы, программы, платформы и т.д.);
- 3) политический интерес (осознание субъектами политики цели и задачи их деятельности);
- 4) политическая деятельность (практическая реализация политических интересов субъектами политики);
- 5) политические отношения (сотрудничество социальных групп, классов, государства и личности);
- 6) политическое сознание (совокупность политических взглядов, теорий, менталитета, ценностей, установок в формате отношения к власти).

С учетом сложного содержания каждого структурного элемента, предполагающего интеграцию политических и правовых аспектов, остановимся на каждом из вышеобозначенных элементов. Кроме того, следует отметить, что в течение последних двадцати лет в теории государства и права активно исследуется и характеризуется понятие «политическая система общества». Ученые-теоретики используют множество подходов для характеристики данной системы, такие, как институциональный, функциональный, коммуникативный, регулятивный и другие. В связи с чем представляется возможным характеризовать структурные элементы правовой политики опираясь на тот сегмент доктрины права, который раскрывает понятие, элементы, функции политической системы общества.

Центральным звеном политической системы общества по мнению ученых-юристов является государство. Считаем, что государство, политические партии, политические движения однозначно должны быть включены в структуру правовой политики в качестве её структурных элементов. Для того, чтобы охарактеризовать органы государственной власти и другие политические организации, представляется целесообразным обратиться к понятию государства. Следует отметить, что в современной теории государства и права понятие «государство» имеет дискуссионные оттенки. Наиболее конструктивным представляется следующая дефиниция данного понятия: «Государство – это политическая, структурная, территориальная организация общества, обладающая суверенной властью, издающая законы, взимающая налоги и использующая монопольное право на принуждение» [1, с. 77]. Принимая во внимание сущностные признаки государства, содержащиеся в данном определении, считаем, что основополагающим является тот, который закрепляет, что государство – это политическая организация общества. Вместе с тем необходимо констатировать, что не только государство организует политическую власть в обществе. Эту же функцию выполняют политические партии, общественные объединения, политические движения и т.д. Безусловно, они все вместе являются конституирующими элементами правовой политики. Причем в отношении государства необходимо отметить, что в формате правовой политики, как и при осуществлении государственного управления, перед государственными органами стоят различные цели и конкретные задачи [2, с. 21]. Именно эти цели и задачи формируют приоритеты правовой политики на определенном этапе развития государства и общества.

С учетом того, что государство и право – это социальные феномены, между которыми имеется глубокая взаимосвязь, необходимо отметить, что вторым структурным элементом правовой политики являются политические и правовые нормы. Причем, считаем возможным обозначить, что политические нормы очень часто имеют правовую форму выражения посредством их закрепления в законах, программах, уставах и т.д. Содержание понятия правовой политики, в полной мере позволяет относить к структурным элементам этой политики политические правовые нормы, поскольку именно в этих нормах определяются цели, задачи, приоритеты правового развития общества в целом и правового регулирования в частности.

Следующим элементом правовой политики является политический интерес. В философии «под интересом (от лат. interest - имеет значение, важно) понимают реальную причину социальных действий, событий, свершений, стоящую за непосредственными побуждениями - мотивами, помыслами, идеями, намерениями и т.д. участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [3, с. 219]. С учетом рассуждения о политическом интересе в формате правовой политики необходимо констатировать, что правовой интерес - это побуждение к деятельности, некая цель, к которой стремится субъект правовой политики. При реализации правовой политики политический интерес обрамляется в правовую форму, поскольку он имеет смысл только тогда, когда защищен правом. В связи с чем в формате правовой

политики важное значение приобретает гармонизация политических интересов различных социальных групп. В условиях сложной структуры российского общества при проведении конструктивной правовой политики в нашей стране возможно сбалансировать интересы различных слоев населения посредством принятия грамотных политико-правовых решений, учитывающих интересы личности, общества, государства.

Правовой интерес выполняет в правовой политике роль защищенного интереса не только государства, но и личности. К таковым можно отнести касавшееся государства такие интересы, как суверенитет, территориальная целостность, принцип невмешательства во внутренние дела и т.д., которые являются главным движущим фактором внешней и внутренней политики государства. Однако правовой интерес, как и правовые ценности, присущ и отдельной личности [4, с. 175]. Безусловно, в обществе у отдельной личности в силу её индивидуализации свои интересы в целом и правовые интересы в частности. Политические интересы государства и личности реализуются в политической деятельности, которая является следующим структурным элементом правовой политики. Безусловно, политическая деятельность государства и политическая деятельность личности – это во многом разнопорядковые понятия. Политическая деятельность государства всегда многогранна, имеет множество направлений, реализуется при помощи широкого спектра политических средств. Именно благодаря политической деятельности государства осуществляется координация развития различных сфер жизнедеятельности общества. Государство, осуществляя политическую деятельность, руководит развитием экономики, социальной сферы, образования, культуры. Кроме того, политическая деятельность государства также реализуется на внешней арене. Именно в формате внешнеполитической деятельности государства выстраиваются отношения с другими государствами, а также субъектами международного права, такими, как международные организации, международные союзы и т.д. Представляется, что политическая деятельность государства во внутренней сфере и на внешней арене реализуется в глубокой взаимосвязи. Кроме того, в неё вплетаются политические интересы личности и общества в целом.

Весьма важным, на наш взгляд, структурным элементом правовой политики является политическое сознание. В юридической науке в целом и теории государства и права в частности категория «сознание» эксплуатируется в формате различных сфер этого феномена. Так принято говорить о религиозном сознании, политическом сознании, правовом сознании и т.д. Представляется, что, с учетом глубокой взаимосвязи государства, являющегося политической организацией общества, и права как инструмента в руках государства для упорядочивания отношений в этом обществе, необходимо вести речь о том, что политическое и правовое сознание конкретной личности и общества в целом весьма органично переплетены. Политическое сознание представляет собой систему политических взглядов, теорий, идей, учений, переживаний по отношению к политике. Правовое сознание – это система концепций, теорий, эмоций, чувств по отношению к правовой действительности. При таком прочтении содержательного наполнения этих двух понятий можно вести речь о том, что политическое сознание, политический менталитет общества является частью правовой политики. От отношения к праву конкретной личности, коллектива, должностного лица, общества в целом зависит не только уровень правосознания носителя. Но и уровень его политического сознания.

Таким образом, необходимо резюмировать, что правовая политика имеет сложную структуру. Вместе с тем следует констатировать, что ядром такой политики является потребность государства и общества в установлении правопорядка. В связи с

чем все структурные элементы правовой политики в той или иной степени являются элементами правового механизма формирования целостной правовой политики определенного содержания и направленности.

1. Гавриков В.П. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата / В.П. Гавриков. – И.: Издательство Юрайт, 2019.
2. Короткова О.А., Комиссарова А.Н. Механизм государственного управления: комплексное исследование на примере Калужской области // Вестник калужского университета. 2020. № 1. С. 20-24.
3. Философский энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
4. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 200 с.

Мирзаева А.А.

Несостоятельность (банкротство) юридического лица как мера юридической ответственности

*Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-234

idsp: ljjournal-11-2020-234

Аннотация

Настоящая статья направлена на рассмотрение существа и значения института несостоятельности (банкротства) как меры правовой ответственности. Констатируется дискуссионность подобного трактования. Отмечается трансформация подхода правоприменителя к санкционному характеру категории банкротства и возможность на данном этапе наложения санкций и на контролирующих должника лиц.

Ключевые слова: мера ответственности, банкротство, ответственность контролирующих лиц.

Abstract

This article is aimed at considering the essence and significance of the institution of insolvency (bankruptcy) as a measure of legal liability. The author States that this interpretation is controversial. The author notes the transformation of the law enforcement approach to the sanctioned nature of the bankruptcy category and the possibility of imposing sanctions on the debtor's controlling persons.

Keywords: measure of responsibility, bankruptcy, responsibility of controlling persons.

Признание состояния несостоятельности (или банкротства, рассматриваемого в нашем правовом поле как полностью тождественное первому явлению) уже прочно устоялось в качестве особого социально-экономического феномена, который позволяет решить целый ряд исключительно практически значимых задач.

Вообще формирование представления о существовании какого-либо социально-экономического и правового явления достаточно сложная задача, требующего адекватного анализа изучаемой категории и отражения в таковом всех родовых признаков в обобщенной форме.

Общеизвестно, что правовые основы регуляции отношений в этой сфере закреплены специальным актом – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве) [1]. Однако этот акт не позволяет четко определить природу исследуемого инструмента.

Более того, как верно отмечает, С.А. Карелина имеет место многообразие подходов к определению понятия данных явлений [2; С. 105]. Она же отмечает, что исследование и данной проблематики имеет значимость не только доктринальную, но и сугубо практическую.

Итак, существующий круг позиций по данному вопросу можно обозначить следующим образом:

- как особое состояние имущества должника (когда объема имущества должника недостаточно для покрытия долговых, «минусовых», обязательств);
- как особое состояние должника (полагаем, это состояние наличия долговых обязательств без возможности их своевременного погашения);
- как особая процедура;
- как мера (форма) юридической ответственности.

В отношении банкротства чаще всего правоведы, преследуя исключительно практические интересы, определяют таковое как процедуру. Солидаризируясь в целом с данными позициями доктриналистов, отметим, между тем, что несколько ошибочно определять существо несостоятельности через описание его как процесса. Уяснению должно подлежать именно функциональное назначение несостоятельности.

Рассматривая несостоятельность как доктринальную категорию, полагаем, следует начать с правил Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3], закрепляющего существо концепта юридического лица (которое чаще всего занимает место должника в указанном процессе). Помимо определения правового статуса такового, этот же акт устанавливает два этапа «цикла жизнедеятельности» юридического лица – учреждение и прекращение в форме реорганизации или ликвидации.

Действующее на сегодняшний день законодательство не раскрывает содержание понятия «ликвидация юридического лица», ограничиваясь только положением п. 1 ст. 61 ГК РФ о том, что такое явление влечет его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам.

Традиционно ликвидация определяется как особая форма или способ прекращения деятельности коллективного субъекта права [4; С. 140]. Кроме того, ликвидация юридического лица в некоторых исследованиях рассматривается и как «суровая санкция, применяемая к организации в случае нарушения ею правопорядка» [5; С. 120]. В общем-то трактование вполне обоснованно, но безусловно оно может быть применено не ко всему объему ликвидационных процедур, а лишь тех, что инициируются не самим юридическим лицом. Вариацией таких, «внешних», случаев является банкротство.

С ответственностью несостоятельность роднят следующие признаки.

Во-первых, имущественные последствия несостоятельности не выгодны для должника. Он лишается права заниматься предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, получать прибыль и многое другое.

Во-вторых, процесс несостоятельности проводится принудительно.

В-третьих, проведение процесса банкротства имеет не только частно-правовое, но и публичное значение.

Итак, если рассматривать случаи несостоятельности как меру «высшего порядка» для определенного субъекта правового поля и защиты его контрагентов, то закономерно возникает резюме о характере института несостоятельности как особого проявления именно юридической ответственности.

Однако весьма спорно отнесение такой ответственности к цивилистической [2; С. 17]. В отличие от классического трактования существа правовых санкций, банкротство хотя и направлено на возмещение денежных притязаний, но не возлагает каких-либо имущественных, дополнительных санкций на нарушителя [6; С. 55].

Потому более обоснованной следует считать позицию об отнесении банкротного санкционного потенциала к разновидности ответственности организационной [7; С. 47]. В такое трактование укладывается и тот факт, что цель несостоятельности имеет и публичное звучание – поддержание «здоровой» экономической среды.

Отметим, что само по себе признание лица банкротом вовсе не гарантирует удовлетворение интересов кредиторов. Зачастую должник не обладает имуществом, а, следовательно, цель реализации изучаемого института оказывается не достижимой. И не всегда такой итог является результатом исключительно объективного рода обстоятельств оборота; напротив – в отдельных случаях причиной становятся умышленные действия учредителей или иных лиц, которых принято именовать «контролирующими».

В качестве правового механизма ограничения риска кредиторов законодатель ввел ответственность таковых [8; С. 12]. Ее основанием является доктрина «снятия» или «прокалывания» «корпоративной вуали». Случаи привлечения к ответственности контролирующих лиц, на основе положений ФЗ о банкротстве, могут быть дифференцированы на две группы – те, что связаны с собственными действиями такого субъекта (в частности, не предоставление финансовой отчетности) и те, что можно именовать истинно субсидиарными (в таком случае ответственность возникает ввиду неразумных и недобросовестных действий, приведших к состоянию несостоятельности должника). В данном контексте ФЗ о банкротстве употребляет термин «ответственность» в его классическом понимании.

В противовес позиции о несостоятельности как особой мере ответственности, можно отметить, что действующее законодательство предусматривает и возможность не только «смерти» должника, но и реализацию реабилитационных процедур, итогом которых может быть и сохранение полноценного субъекта хозяйствования, и удовлетворение интересов кредиторов.

Действительно, это идеальный вариант развития событий, столь редко встречаемый на практике и внешне сложно расцениваемый как вариант ответственности. Между тем, стоит понимать, что санация или мировое соглашение не могут автономно реализовываться руководителями или учредителями должника: мнение суда и арбитражного управляющего имеет подчас самое решающее значение. Полагаем, такой вариант проведения процесса несостоятельности также следует рассматривать как проявление организационной ответственности.

Таким образом, наиболее ярко санкционный потенциал института ликвидации юридического лица проявляется, как нам кажется, именно при проведении процесса несостоятельности (точнее, его общей направленности). Анализ действующего законодательства, особенно в свете его трансформаций, позволяет сделать вывод об обоснованности подхода рассмотрения института несостоятельности как меры ответственности.

В завершение нашего исследования полагаем возможным подчеркнуть, что косвенным аргументом в пользу указанной нами точки зрения являются последние поправки нормативного массива [9], согласно которым из-за «ковидных» последствий значительный круг предпринимателей получили иммунитет от возможности инициирования в отношении них процедур несостоятельности. Фактически, это означает некое нивелирование ответственности ввиду обстоятельств непреодолимой силы, что безусловно присуще именно институту ответственности.

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [в ред. от 10.03.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [ред. от 31.07.2020] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданское право: Учебник / О.В. Гутников, А.С. Гутникова, С.Д. Радченко и др.; под ред. О.Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. – Т. I. – 493 с.
5. Борисов А.Н. Защита от принудительной ликвидации юридического лица по искам государственных органов. – М.: Юстицинформ, 2007. – 272 с.
6. Добровинская А.В. О мерах гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2019. – № 3. – С. 54 - 59.
7. Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 200 с.
8. Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 3 - 8.
9. Постановление Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1587 «О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» // СПС «Консультант-Плюс».

Мошин А.М.

**Проблемы оказания медицинской помощи сверх объема, установленного
территориальной программой обязательного медицинского страхования**

*ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В.
Ломоносова»
(Россия, Архангельск)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-235

idsp: ljjournal-11-2020-235

Аннотация

В статье рассматриваются правовые основы и законодательные проблемы распределения объёмов оказания медицинской помощи по территориальной программе обязательного медицинского страхования. Рассматривается проблема противоречия законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в сфере распределения объёмов оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, территориальный фонд, медицинская помощь, объём медицинской помощи, финансовое обеспечение.

Abstract

The article deals with the legal framework and legislative problems of distribution of health care volumes for the territorial program of compulsory health insurance. The problem of conflicts of legislation in the field of compulsory health insurance in the area of distribution of the volumes of medical care.

Keywords: compulsory medical insurance, territorial fund, medical assistance, volume of medical assistance, financial support.

В соответствии со ст. 37 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 326-ФЗ) право застрахованного лица на бесплатное оказание медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию (далее – ОМС) реализуется на основании заключенных в его пользу между участниками обязательного медицинского страхования: договора о финансовом обеспечении ОМС и договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС.

Согласно ч. 19 ст. 38 и ч. 11 ст. 39 Федерального закона № 326-ФЗ договоры между участниками ОМС заключаются по формам типовых договоров, утвержденных федеральным органом исполнительной власти по согласованию с федеральным

органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в сфере страховой деятельности.

В соответствии со ст. 38 Федерального закона № 326-ФЗ и руководствуясь типовым договором о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования, утвержденным приказом Минздравсоцразвития России от 09.09.2011 № 1030н [2], между территориальным фондом ОМС и страховой медицинской компанией заключается договор о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования (далее – договор).

Согласно п. 2.11 договора, заключенного на основании вышеуказанного приказа страховая медицинская организация обязывается направлять целевые средства на оплату медицинской помощи по договорам на оказание и оплату медицинской помощи, оказанной застрахованным лицам, в рамках объемов медицинской помощи, установленных решением комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования субъекта (далее – Комиссии) по согласованным тарифам с учетом результатов контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по ОМС.

Согласно п. 1 ч. 1 статьи 20 Федерального закона № 326-ФЗ медицинские организации имеют право получать средства за оказанную медицинскую помощь на основании заключенных договоров на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС в соответствии с установленными тарифами на оплату медицинской помощи по ОМС.

Частью 1 статьи 39 Федерального закона № 326-ФЗ установлено, что договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС заключается между медицинской организацией, включенной в реестр медицинских организаций, которые участвуют в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования и которым решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС установлен объем предоставления медицинской помощи, подлежащий оплате за счет средств ОМС, и страховой медицинской организацией, участвующей в реализации территориальной программы ОМС.

Договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, заключаемый между страховой медицинской организацией и медицинской организацией (далее - договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС), должен соответствовать типовой форме, утверждённой приказом Минздрава России от 24.12.2012 № 1355н [3].

По договору на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС медицинская организация обязуется оказать медицинскую помощь застрахованному лицу в рамках территориальной программы ОМС, а страховая медицинская организация обязуется оплатить медицинскую помощь, оказанную в соответствии с территориальной программой ОМС (ч. 2 ст. 39 Федерального закона № 326-ФЗ).

В п. 4.1 договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС, закрепляется обязанность ответчика оплачивать медицинскую помощь в пределах объемов медицинской помощи, установленных решением Комиссии, с учетом результатов контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи и тарифов на оплату медицинской помощи по ОМС.

Одновременно с этим стороны в договоре на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС в п. 2.3 устанавливают условие о том, что страховая медицинская организация вправе применять санкции в соответствии со ст. 41 Федерального закона № 326-ФЗ.

Статьей 41 Федерального закона № 326-ФЗ установлено, что сумма, не подлежащая оплате по результатам медико-экономического контроля, удерживается из объема средств, предусмотренных для оплаты медицинской помощи, в соответствии с перечнем оснований для отказа в оплате медицинской помощи.

Согласно п. 5.3.2 перечня оснований для отказа в оплате медицинской помощи, являющегося приложением № 8 к приказу Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28.02.2019 № 36 [4], предъявление к оплате случаев оказания медицинской помощи сверх распределенного объема предоставления медицинской помощи, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС является основанием для отказа в оплате медицинской помощи.

Частью 6 статьи 39 Федерального закона № 326-ФЗ, п. 110 Правил обязательного медицинского страхования, утвержденных приказом Минздрава России от 28.02.2019 № 108н (далее – Правила ОМС) [5], и п. 4.1 типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, утвержденного приказом Минздрава России от 24.12.2012 № 1355н [3], установлено, что оплата медицинской помощи осуществляется на основании предоставленных медицинской организацией реестров счетов и счетов на оплату медицинской помощи в пределах объемов предоставления медицинской помощи, установленных решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС.

В соответствии с п. 20 Положения о деятельности комиссии по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования (приложение № 1 к Правилам ОМС), решения, принимаемые комиссией в соответствии с ее компетенцией, являются обязательными для всех участников ОМС на территории субъекта Российской Федерации.

Таким образом, объем предоставления медицинской помощи устанавливается решением Комиссии, которое является обязательными для всех участников ОМС.

Пунктом 4.3 договора предусмотрена обязанность страховой медицинской организации проводить контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи, в том числе посредством проведения медико-экономического контроля, в соответствии с Порядком организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по ОМС, утвержденным приказом Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28.02.2019 № 36 [4].

Контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи осуществляется путем проведения медико-экономического контроля, медико-экономической экспертизы и экспертизы качества медицинской помощи согласно ч. 2 ст. 40 Федерального закона № 326-ФЗ.

Из оплаты исключаются расходы медицинской организации, связанные с оказанием застрахованным лицам медицинской помощи сверх распределенного объема предоставления медицинской помощи, установленного решением Комиссии.

По своей правовой природе договор является договором возмездного оказания услуг. Согласно ст.ст. 779, 781 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги в сроки и в порядке, указанные в договоре, а в соответствии со ст.ст. 309, 310 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом и односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 326-ФЗ реализация территориальной программы обязательного медицинского страхования, соответствующей единым требованиям базовой программы обязательного медицинского страхования, осуществляется в пределах и за счет субвенции, предоставленной из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования бюджету территориального фонда ОМС на обеспечение гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

Согласно ч. 11 ст. 36 Федерального закона № 326-ФЗ стоимость утвержденной территориальной программы обязательного медицинского страхования не может превышать размер бюджетных ассигнований на реализацию территориальной программы обязательного медицинского страхования, установленный законом о бюджете территориального фонда.

Оплата медицинской помощи, оказанной сверх объема, установленного территориальной программой обязательного медицинского страхования, несет в себе риски разбалансированности финансовой системы ОМС.

Согласно положениям п. 3 ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь оказывается в плановой форме в том случае, когда заболевание не сопровождается угрозой жизни пациента, и отсрочка оказания медицинской помощи на определенное время не повлечет за собой ухудшение состояния пациента, угрозу его жизни и здоровью.

При оказании плановой первичной медико-санитарной помощи допускается очередность на проведение плановых консультаций врачей-специалистов с длительностью ожидания не более 14 календарных дней со дня обращения.

В том случае, если установленный срок ожидания истекает в следующем за годом обращения году, то и медицинские услуги могли быть оказаны в следующем отчетном периоде. При таких обстоятельствах принятие решения об оказании медицинской помощи в другом временном периоде не повлекло бы нарушения прав застрахованных лиц, так как по своей сути является не отказом в оказании медицинской помощи (ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 323-ФЗ), а лишь отсрочкой в её оказании.

Однако, вышеуказанные правовые нормы фактически не работают, так как в соответствии с определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2018 № 308-ЭС18-8218 [6] фактически нивелировал решения Комиссии по распределению объемов оказания медицинской помощи и указал, что исходя из части 5 статьи 15 Федеральный закон № 326-ФЗ, медицинская организация не вправе отказать застрахованным лицам в оказании медицинской помощи в соответствии с территориальной программой ОМС, что представляет собой гарантию своевременного оказания бесплатной медицинской помощи; возможность оказания бесплатной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования не ставится в зависимость от запланированного общего объема таких услуг и превышения распределенного объема предоставления медицинской помощи.

Из положений п. 1 ст. 38, п. 2 ст. 39 Федеральный закон № 326-ФЗ не следует, что фактическое оказание медицинской помощи сверх установленного в договоре со страховой организацией объема освобождает страховую медицинскую организацию от исполнения обязательств по оплате оказанной медицинской помощи, предусмотренной базовой программой ОМС и перечнем территориальной программы ОМС, а медицинские организации не должны нести негативные последствия за недостатки планирования программы ОМС или прогнозирования заболеваемости населения, а также за несвоевременность корректировки объемов медицинской помощи.

Таким образом, мы можем видеть, как недостаточная проработка механизма оплаты, производимой по программе ОМС, ставит медицинские организации в невыгодное положение, так как следуя нормам закона медицинская организация обязана оказывать медицинскую помощь застрахованным лицам в любом необходимом объеме, но при данном трактовании закона медицинская помощь, оказанная сверх

установленного решением Комиссии объёма медицинской помощи, оплачивается фактически за счет средств медицинской организации.

1. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении формы типового договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования: приказ Минздравсоцразвития России от 09.09.2011 № 1030н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении формы типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию: приказ Минздрава России от 24.12.2012 № 1355н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию: приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28.02.2019 № 36 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования: приказ Минздрава России от 28.02.2019 № 108н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.10.2018 № 308-ЭС18-8218 по делу № А15-6379/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Мусабинова Д.А.

**Субсидиарная ответственность при банкротстве как разновидность
квазиделиктной юридической ответственности**

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-236

idsp: ljjournal-11-2020-236

Аннотация

Представленная статья направлена на рассмотрение правовой природы такого специфического института как субсидиарная ответственность при банкротстве. Отмечается трансформация нормативного массива в сфере установления данного института. Обращается внимание на современные тенденции определения существа и правовой природы субсидиарной ответственности при банкротстве. Поддерживается точка зрения об изучаемой ответственности как виде квазиделиктной ответственности.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, правовая природа.

Abstract

This article is aimed at considering the legal nature of such a specific institution as subsidiary liability in bankruptcy. The transformation of the normative array in the field of establishing this institution is noted. Attention is drawn to current trends in determining the essence and legal nature of subsidiary liability in bankruptcy. The point of view of the studied responsibility as a type of organizational quasi-exclusive responsibility is supported.

Keywords: subsidiary responsibility, bankruptcy, legal essence.

Современный оборот уже «смирился» с перманентным применением к нерадивым хозяйствующим субъектам процедур банкротства. Идеальным итогом (помимо восстановления платежеспособности должника) является справедливое и как можно более полное удовлетворение требований кредиторов. Однако, учитывая опыт практического применения указанного института, уместно констатировать наличие

большого количества случаев, когда интересы кредиторов не удовлетворялись из-за банального отсутствия имущества у признаваемого несостоятельным должника. Причина же такого положения вещей заключалась далеко не в объективных условиях хозяйствования: со временем, в руках недобросовестных субъектов права, несостоятельность стала инструментом, достаточно легко позволяющим избегать погашения задолженности.

Подобное положение дел очень долго являлась предметом научных исследований, в которых звучало огромное количество предложений по нивелированию подобного рода ситуаций и их предотвращению. И лишь относительно недавно [1], полностью легально (не только в рамках выраженных правоприменительных позиций) и комплексно, был введен инструмент, способный, как нам кажется, наиболее решительным образом пресекать случаи недобросовестного банкротства.

Речь идет о субсидиарной ответственности, которая может быть возложена на достаточно значимый круг лиц, имеющих отношение к должнику.

Не вдаваясь в дискуссии относительно соотношения компенсаторного содержания упомянутого явления и его характера юридической ответственности (которая, как известно, возлагает на причинителя вреда дополнительные санкции), отметим лишь, что требования кредиторов должника, арбитражного управляющего либо иных лиц уполномоченных инициировать разбирательства в отношении субсидиарного привлечения к ответственности состоят в истребовании определенного материально-правового притязания, выраженного конкретной суммой. Именно она, по логике вещей, и должна восстановить баланс интересов в гражданском обороте.

Раскрывая же положение ныне действующего ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] в отношении субсидиарной ответственности, необходимо отметить следующее.

В целом институт субсидиарной ответственности в банкротстве объединяет сразу два разнородных явления. С одной стороны, это ответственность определенных лиц, как правило, контролирующих, за собственное поведение (к примеру, за несвоевременное обращение в суд с заявлением о признании организации банкротом). В этом случае ответственность зависит лишь от неправомерности действий самого лица, деликтна по своей природе, и вряд ли может быть признана субсидиарной. Однако большая часть легальных установлений предусматривает возможность привлечения к ответственности с «опосредованным» характером и, в целом, представляет собственно субсидиарная ответственность.

Классическое понимание последней сводится к случаям, когда одно лицо отвечает за неисполнение обязательств основного должника. Между тем, поскольку ФЗ о банкротстве формирует их как единую правовую категорию, полагаем, правильно будет рассматривать правовую природу указанных видов составов одновременно. Такой «подход» вполне допустим сразу по двум аспектам: наличие единого юридического факта, без которого невозможно привлечением указанных лиц, то есть признание юридического лица банкротом; и единая экономическая направленность (содержание, фундамент) их реализации.

Уяснение правовой природы случаев дополнительной ответственности при банкротстве имеет значение в силу того обстоятельства, что именно от существа правовой природы зависит механизм привлечения к ответственности и базис доказывания оснований ответственности.

Вообще в общей теории цивилистики, гражданско-правовую ответственность по признаку содержания и оснований возникновения принято дифференцировать на договорную и внедоговорную [3; 4].

Первую отличают положения определенного соглашения как основания возникновения ответственности и ее диспозитивный во многом характер. Даже беглый

анализ положений ФЗ о банкротстве позволяет резюмировать принципиально иной характер изучаемого явления.

При более детальном изучении, природа изучаемого случая ответственности более тяготеет к деликтной. Действительно, рассматриваемый вид ответственности наступает лишь при наличии деликта, выражающегося в ущемлении прав кредиторов. Однако при ближайшем рассмотрении можно отметить, что традиционный состав указанного явления предполагает собственное, влекущее возникновение вреда, неправомерное поведение привлекаемого к санкциям субъекта права или неправомерное поведение третьего лица, за которое, в силу закона или соглашения, оно несет ответственность. Кроме того, остро встает вопрос о выражении причинно-следственной связи между деянием и его последствиями.

Для субсидиарной ответственности при банкротстве основанием является особый факт – поведение, повлекшее возникновение убытков в силу не исполнения или исполнение не должным образом особых корпоративных обязанностей, точнее их не добросовестной и разумной реализации. Как видим, это понимание распространяется намного дальше, чем обыденное обязательство не причинять вред своими действиями (как в отношении классических деликтов), оно включает в себя постоянную необходимость проявляет повышенную заботу об интересах юридического лица и его контрагентов при реализации деятельности, основанной исключительно на принципах разумности и добросовестности [5; С. 64].

Кроме того, в отличие от договорной ответственности, основанной на принципах свободы договора и диспозитивности, субсидарная ответственность в процессе банкротства установлена императивно и не может изменяться соглашением сторон.

Согласимся с мнением Д.В. Ломакина и О.И. Гентовта, что для субсидиарной ответственности в целом не характерны атрибуты деликтной ответственности [6; С. 17].

Поддержим и мнение И.С. Шиткиной, что «имущественная ответственность членов органов управления корпорации действительно обладает значительными особенностями, которые позволяют говорить о ее особой правовой природе» [7; С. 224]. Думается, это высказывание можно распространить и относительно исследованного нами в данной статье вопроса.

Итак, изучаемую разновидность ответственности не представляется возможным отнести не к договорной, не к деликтной.

Полагаем, прав в таком разрезе В.А. Савиных, определив концепцию изучаемой категории следующим образом: «по своей правовой природе обязательство руководителя выходит за рамки традиционных видов обязательств, его сущность состоит в том, что оно выступает формой, опосредующей исполнение чужого долга» [8; С. 61]. Данное трактование, с позиции действующего правового массива выглядит не полным, но это не умаляет его значения (следует понимать, что данное определение было сформулировано еще до внесения значительных изменений в ФЗ о банкротстве в 2017 г.).

Между тем, нормы ГК РФ позволяют утверждать, что законодательство допускает существование квазиделиктных обязательств, хотя эти нормы не сведены в единую группу с обобщающими признаками и не выделены отдельно в структуре кодифицированного документа.

О выделении квазиделиктов как самостоятельной категории можно говорить еще со времен римского права. Так, в Дигестах Юстиниана описан значительный ряд квазиделиктов. Примечательным нам кажется следующий: «ответственность хозяина дома, если у этого дома что-нибудь было повешено или поставлено так, что могло причинить вред прохожим» [9]. В данном случае римский законодатель, как кажется, опирался именно на категории разумность и добросовестность. Заслуживает внимание и позиция Р. Циммерманна. Этот автор указывает, что демаркационной линией деликта

и квазиделикта в тот период являлось признание вины как необходимого элемента состава деликта [10; С. 224].

В наше время показательным примером легализации квазиделиктов являются положения ГК Франции [11]. Так, ч. 1 ст. 1384 устанавливает, что ответственность возлагается на лицо не только за вред, причиненный его собственными действиями, но и за вред, причиненный действиями тех, за кого оно должно отвечать, или вещами, которые находятся у него на хранении. Это правило по содержанию также близко к характеризуемому нами институту.

Отдельно, полагаем, важно отметить и следующую важную черту, имеющую большое значение для установления эффективного баланса между частно-правовым и публичным регламентированием, возможностью публичного вмешательства в имущественную сферу частного субъекта: «Анализ квазиделиктных обязательств позволяет, в частности, приблизиться к решению вопросов взаимного перетока публичной и частноправовой ответственности, определить возможность вероятностного подхода к возложению ответственности» [12; С. 152]. Базируясь на вышеприведенном мнении А.Г. Диденко, признание за случаями субсидиарной ответственности в банкротстве характера квазиделиктов позволит нивелировать дискуссии относительно столь серьезного вмешательства в гражданские, по своей сути, отношения возмещения убытков.

Все сказанное позволяет нам резюмировать следующее.

Единственной целью всего института субсидиарной ответственности в рамках процесса банкротства является восстановление попорченного имущественного положения кредиторов (в широком смысле этого слова). Это полностью соотносится с самим существом гражданско-правовой ответственности как карательного инструмента особого, возмещающего, типа.

Полагаем, что случаи потенциальной возможности возложения обязанности возмещения вреда на лицо, напрямую не являющееся причинителем такового в рамках процедур банкротства, означает не что иное, как квазиделиктную обязанность. Таковая имеет общие черты с договорной и внедоговорной ответственности, но также обладает более чем специфическим содержанием и природой.

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (Часть I). – Ст. 4815
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – N 43. – Ст. 4190.
3. Гражданское право. Часть первая: Учебник / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – М.: Юрист, 2003. – С. 671 - 672.
4. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография / И.А. Алексеев, Р.Э. Арутюнян, Л.Г. Берлявский и др.; под ред. И.А. Алексеева, М.И. Цапко. – Москва: Проспект, 2017. – 128 с.
5. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. N 6. С. 51 - 117.
6. Ломакин Д.В., Гентовт О.И. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. N 1. С. 12 – 39.
7. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. – С. 224.
8. Савиных В.А. Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность / В.А. Савиных // Вестник ВАС РФ. 2012. N 12. С. 59 - 69.
9. Дигесты Юстиниана. М.: Статут, 2005. Т. VII. Полутом 1. С. 376 - 551.
10. Циммерманн Р. Римское право и европейская культура / Р. Циммерманн // Вестник гражданского права. – 2007. – N 4. – С. 209 – 234.
11. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4 - 592.
12. Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / Е.Н. Абрамова, Н.Г. Вилкова, И.П. Грешников и др.; отв. ред. И.П. Грешников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 303 с. (автор главы А.Г. Диденко).

Назаретян К.А.**Проблемы адвокатской монополии в гражданском процессе***Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)**doi: 10.18411/lj-11-2020-237**idsp: ljjournal-11-2020-237***Аннотация**

В статье анализируются основные направления реформы института судебного представительства в гражданском процессе за счет трансформации адвокатуры в монополиста на рынке юридических услуг. Предлагается принять ряд мер по обеспечению гражданам доступа к правосудию, как гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту.

Ключевые слова: адвокатская монополия, представительство в суде, адвокат, гражданский процесс, юридическая защита

Abstract

The article analyzes the main directions of reforming the institution of judicial representation in civil proceedings in connection with the transformation of the bar into a monopolist in the market of legal services. It is proposed to take a number of measures to ensure citizens' access to justice, since the right to judicial protection is guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: lawyer's monopoly, representation in court, lawyer, civil procedure, legal protection

Адвокатская монополия представляет собой условное обозначение одного из итогов предложенной Министерством юстиции РФ реформы института судебного представительства в судах общей юрисдикции. В самом общем виде суть реформирования института представительства заключается в законодательном установлении правила о допуске к участию в судебных процессах в качестве доверенного лица только лиц, имеющих адвокатский статус.

Такая идея базируется на тезисе о том, что не имеющие адвокатского статуса и соответствующего образовательного уровня представители не в состоянии обеспечить гражданам и организациям квалифицированное юридическое сопровождение рассмотрения судом возникшего юридического конфликта.

Обсуждение введения адвокатской монополии в гражданском процессе началось шесть лет назад, когда в 2014 г. была принята Государственная программа «Юстиция», включающая в себя подпрограмму «Обеспечение защиты публичных интересов, реализации прав граждан и организаций» [2].

Научная общественность и практикующие деятели активно включились в процесс обсуждения такого способа обеспечения квалифицированной юридической помощью граждан и юридических лиц.

В частности, подчеркивается необходимость и важность для государства успешной реализации указанной программы.

Яртых И.С. находит, что фактически реализация программы приведет к созданию естественной монополии на рынке юридических услуг, а одним из негативных последствий называет деградацию адвокатуры как общественного института, поскольку тотальная коммерциализация адвокатуры будет неизбежно иметь обратный эффект в виде низкого качества юридического обслуживания нуждающихся субъектов [6].

На сходной позиции находится Сухарева М.Р., которая считает, что реализация идеи ограничения права граждан на выбор представителя в суде не будет иметь

эффектом повышение уровня качества юридических услуг, но неизбежно приведет к росту стоимости услуг.

Последнее обстоятельство сделает недоступной судебную защиту прав и интересов граждан [5].

Вайнермен Ф.В. согласен, что есть необходимость введения образовательного ценза для представителей по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, и находит, что нужно законодательно установить исключительное право адвоката на участие в гражданском процессе [4].

Со своей стороны, отметим, что по данным Счетной палаты Российской Федерации только за последние три года в адвокатские палаты было направленно 38,9 тыс. жалоб на адвокатов.

Адвокатскими палатами из них 8,7 тыс. (что составило 22%) были признаны обоснованными. Итогом рассмотрения жалоб стало и принятие крайней меры: лишение 49 адвокатов статуса. Принятие мер дисциплинарной ответственности возросло на 6,7%.

Вместе с тем образовательный ценз на судебное представительство уже введен в Кодексе об административном судопроизводстве, где в п. 2 ст. 125 определено, что обязательным условием принятия судом административного иска является наличие в тексте искового заявления сведения о высшем юридическом образовании при намерении лично вести административное дело.

Обязательным является предоставление копии диплома о высшем юридическом образовании. Если гражданин не имеет высшего юридического образования, то он обязан (иначе заявление не будет принято) заключить дорогостоящее соглашение на услуги представителя, и этим представителем может быть только с лицо, имеющее высшее юридическое образование. Это должно быть подтверждено дипломом о высшем юридическом образовании.

Хотелось бы также отметить, что последний этап реформы судебного представительства в гражданском процессе, который запланирован на 2020-2023 гг., предполагает введение упрощенного порядка для приобретения адвокатского статуса лицами, в целях реализации функции судебного представительства.

По нашему мнению, данная мера является несколько противоречивой, поскольку те судебные представители, которые сегодня, по мнению авторов реформы, не обеспечивают квалифицированную юридическую помощь, могут при наличии высшего образования приобрести адвокатский статус.

Для получения статуса адвоката в упрощенной форме достаточно пройти тест, в том числе в заочном формате в электронной форме.

На наш взгляд, происходит подмена понятия юридическая помощь и юридическая услуга. Если ст. 48 Конституции РФ говорит о праве граждан российской Федерации на юридическую помощь, то начинающаяся реформа направлена на формирование новых условий рынка юридических услуг за счет трансформации адвокатского сообщества в монополиста рынка.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что завершающий этап реформы включает в себя предоставление адвокатам действовать в любой организационно-правовой форме, предусмотренной гражданским законодательством для юридических лиц: они смогут образовывать, в частности, хозяйствующие общества и товарищества.

Кроме того, ст. 1 Федерального закона от 31.05.2002 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» подчеркивает некоммерческий характер адвокатской деятельности, разграничивает ее от оказания юридических услуг такой категорией, как юридическая помощь, что сложно сочетается с деятельностью в организационно-правовых формах, предусмотренных для коммерческих организаций [3].

Резкое повышение стоимости услуг адвоката есть неизбежное следствие адвокатской монополии.

В качестве сдерживающих факторов развития перечисленных негативных общественных явлений можно предложить:

1. Законодательное внедрение специализации для адвокатов. Нами имеется в виду то обстоятельство, что в настоящее время адвокат может одновременно в той или иной последовательности осуществлять представительство в связи с привлечением лица к уголовной ответственности и представительство в суде общей юрисдикции по любой категории дел.

Необходимо не только обязательное закрепление специализации с делением на уголовную и гражданскую, но и в рамках гражданско-правовой специализации по отраслям права: подразделение адвокатов по семейным делам, трудовым, жилищным и т.д.

Расширение перечня отраслей права, по которым адвокат может принимать участие решать на основании присвоения адвокатам рангов по итогам аттестации. Например, адвокат первого ранга получает допуск к участию в качестве защитника в уголовном процессе и представителя в гражданском процессе по установленному перечню отраслей права.

Адвокат второго ранга может принимать участие только как защитник в уголовном процессе, без права на представительство в суде общей юрисдикции или наоборот.

2. Необходимо устанавливать государственное регулирование цен на адвокатские услуги: определять их в твердой сумме за каждое из действий.

3. Представляется целесообразным формирование государственного бюджетного фонда (резерва) для выделения целевых, безвозмездных субсидий для оплаты услуг адвокатов гражданам из числа:

- многодетных семей;
- матерям-одиночкам,
- неимущим и малообеспеченным;
- получателям социальных пенсий и т.д.

В числе получателей субсидий включить лиц, которые обращаются в суды общей юрисдикции по делам: о защите прав несовершеннолетних; о защите жилищных прав; по спорам о пенсионном обеспечении и т.д.

4. Предусмотреть для адвокатов расширение мер дисциплинарной и материальной ответственности за некачественное оказание услуг.

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ с изм. и доп. от 31.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 с изм. от 30.03.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.
3. Вайнермен Ф.В. К вопросу о понятии адвокатской монополии и о праве на ее существование в российском законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 1. – С. 99-105.
4. Гринь Е.А., Батлукова А.Д. Адвокатская этика – основа деятельности адвоката // В сборнике: Поколение будущего. сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 97-99.
5. Сухарева М.Р. Адвокатская монополия: быть или не быть // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-monopoliya-byt-ili-ne-byt>.
6. Яртых И.С. Реформа адвокатуры в свете Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, разработанной Минюстом России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. – С. 163-169.

Рабец А.П., Коростиев А.А.

**Право гражданина на внешний облик и изображение в системе личных
неимущественных прав**

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-238

ids: lj-11-2020-238

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей правовой охраны внешнего облика и изображения гражданина. Анализируется соотношение данных понятий, рассматриваются способы и средства защиты таких личных неимущественных прав. Рассмотрены некоторые международно-правовые акты в сфере охраны внешнего облика и изображения гражданина. При этом замечено, что на международном уровне охрана внешнего облика и изображения осуществляется в рамках права на неприкосновенность частной жизни. Определено отсутствие стандартов в денежной оценке вреда, причиненного неправомерным обнародованием и/или использованием изображений граждан. Авторами сделан вывод об отсутствии регламентации правоотношений в области использования изображений граждан в отдельных специальных законах. Также сделан вывод о том, что понятия внешний облик и изображение гражданина соотносятся как род и вид.

Ключевые слова: гражданское законодательство, нематериальные блага, система нематериальных благ, личные неимущественные права, защита гражданских прав, право на внешний облик и изображение, охрана изображения гражданина.

Abstract

The article discusses issues related to the features of the legal protection of the appearance and image of a citizen. The question of the correlation of these concepts is analyzed, ways and means of protecting such personal non-property rights are considered. Some international legal acts in the field of protection of the external image and image of a citizen are considered. At the same time, it was noted that at the international level, the appearance and image are protected within the framework of the right to privacy. The absence of standards in the monetary assessment of the harm caused by the unlawful disclosure and / or use of images of citizens was determined. The authors concluded that there is no regulation of legal relations in the field of the use of images of citizens in certain special laws. It is also concluded that the concepts of appearance and image of a citizen are correlated as genus and species.

Keywords: civil law, intangible goods, the system of intangible goods, personal non-property rights, protection of civil rights, the right to appearance and image, protection of the image of a citizen.

На сегодняшний день до конца не решен вопрос о месте и роли права гражданина на внешний облик и изображение в системе личных неимущественных прав. Также, в правовой литературе нет единого мнения по вопросу отнесения внешнего облика и изображения к нематериальным благам или к неимущественным правам.

Одни авторы полагают, что внешний облик является нематериальным благом, а изображение – производно от него. В частности, А. С. Мограбян, приходит к выводу, что внешний облик является нематериальным благом, предоставленным каждому от рождения, а также объектом субъективного права на неприкосновенность внешнего облика [22, с. 103]. Схожего мнения придерживается А. А. Николаева, которая считает, что изображение человека (гражданина) относится к нематериальным благам. «Об

этом, в частности, говорит то обстоятельство, что законодатель поместил нормы, посвященные охране изображения в главу 8 ГК РФ, которая называется «Нематериальные блага» [24, с. 44].

Другие авторы высказывают мнение о том, что внешность или внешний облик, изображение не могут выступать в качестве объектов общественных отношений, а соответственно быть нематериальными благами [25, с. 153].

Третьи рассматривают право на внешний облик (неприкосновенность внешнего облика) исключительно как право на его воспроизведение. По мнению авторов, «Здесь речь идет о том, что посредством незаконного воспроизведения внешнего облика и последующего рассмотрения материальных носителей изобразительной информации нарушается частная жизнь гражданина» [14].

Не менее бурные дискуссии вызывает соотношение понятий «внешний облик» и «изображение гражданина». Относительно данной проблемы в науке также существует множество различных точек зрения.

В частности, Н.А. Шебанова под изображением понимала зрительное воспроизведение облика физического лица различными средствами (живопись, фото-, видео- или киносъемка), сделанное самим лицом, или за него другим лицом [28]. Внешний облик, как указывала автор, представлен в виде внешних элементов, воспринимаемых зрением.

Говоря об изображении, С.П. Гришаев полагал, что в данном случае речь идет о зрительном воспроизведении физического лица, которое обладает неповторимыми индивидуальными характеристиками [15].

Индивидуальный облик (вид), как считает Н.М. Малеина, включает в себя внешность, фигуру, физические данные, одежду, то есть совокупность таких сведений о лице, которые можно получить, не прибегая к специальным исследованиям [20].

Э. Гаврилов пришел к выводу, что внешний облик идентифицирует гражданина наряду с иными личными сведениями, такими как имя, дата рождения и др. [12]. Изображение, автор трактует как конкретный облик гражданина в определенный момент времени, «...изображение гражданина – это материальный предмет (вещь), который, однако, воплощает нематериальный внешний облик гражданина».

По мнению А.М. Зинина, внешний облик составляет одну из характеристик индивидуальности человека, имеющий биологическую природу [18].

Юрлов И.А. под внешним обликом подразумевает неразрывную совокупность наружных признаков человека (включая внешность, фигуру, физические данные, одежду и т.п.), воспринимаемых в виде целого или фрагментарного образа [29].

Внешний облик – явление суть непостоянное. Как отмечает М. Н. Малеина, «для большинства нематериальных благ дополнительным критерием является неопределенность их объема (состава), в частности в силу изменчивости. Например, состав сведений, составляющих банковскую тайну, меняется после каждой операции, может измениться и режим сохранения конфиденциальности. Честь человека на протяжении его жизни претерпевает изменения под влиянием совершенных поступков и внешних событий. Подвержены изменениям индивидуальный облик и здоровье» [19].

Действительно, внешний облик динамичен, поскольку изменяется на протяжении всей жизни человека. Динамичность обуславливается способностью индивидуального облика к изменениям, которые происходят под воздействием моды, пластических операций, болезней, или в процессе естественного старения.

Изображение гражданина – наоборот, статично, не подвержено качественным изменениям. По форме представляет материальный объект, в котором зафиксирован внешний облик гражданина в определенный промежуток времени.

С учетом вышеизложенного, предлагаем определить внешний облик как динамичную, изменяющуюся совокупность внешних наружных признаков

(особенностей) определенного индивида, подвергающихся качественным изменениям на протяжении всей жизни человека.

В свою очередь изображение гражданина – это зафиксированный на материальном носителе (фотографии, холсте, или фотохостинге в сети Интернет) образ человека в конкретный момент времени.

Из этого следует, что понятие изображения уже внешнего облика, поскольку изображение не подвержено временным изменениям. Таким образом, можно сделать вывод, что внешний облик и изображение гражданина соотносятся как род и вид.

В 2006 г. произошло реформирование российского законодательства, выразившееся в добавлении в главу 8 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) нормы, посвященной правовой охране изображения гражданина [4].

Так, согласно ст. 152.1 ГК РФ, обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. Такое согласие не требуется в случаях, когда:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

По мнению Э.П. Гаврилова, п. 1 ст. 152.1 сужает право на личное изображение у государственных, общественных и иных публичных лиц [13]. Например, не может быть опубликована фотография гражданина с видным политиком без согласия гражданина. В случае, когда изображен лишь сам политик, такая фотография может быть опубликована.

Данный пункт, однако, вызывает некоторые вопросы. К примеру, является ли Актер публичным лицом? Если так, то использование коммерческими компаниями изображений знаменитостей для продвижения своих товаров и/или услуг никоим образом не нарушает права актеров, тем более если с ними в установленном законом порядке были заключены соответствующие договоры.

В данном случае можно привести пример использования национальным банком «Траст» изображения Брюса Уиллиса и надписи «Траст – он как я, только банк» на рекламных щитах с целью привлечения новых клиентов [26].

2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

Изображение гражданина является основным объектом использования в тех случаях, когда изображенное на фото лицо намеренно выделено из общего контекста мероприятия. Например, был произведен снимок футбольного матча с попавшими в кадр болельщиками. Если фотография будет отредактирована так, что один из болельщиков станет занимать ключевую роль в кадре, то суды могут признать это нарушением права на изображение.

3) гражданин позировал за плату;

Под эту норму попадают все платные натурщики и натурщицы. Опубликование и использование таких изображений законом не запрещается.

Вместе с тем, с момента принятия таких изменений выявились существенные недостатки в правовом регулировании, на что обращалось внимание на доктринальном уровне [24].

К причинам, мотивировавшим законодателя дополнить данную главу, следует отнести в том числе развитие средств техники, способных без труда запечатлеть внешний облик гражданина без долгой предварительной подготовки.

Тем не менее, это привело к ослаблению контроля гражданина от злоупотреблений других лиц при получении и использовании его изображений.

Ряд новелл, предложенных авторами по усилению такого контроля, пока не нашли своего отражения на практике.

Во-первых, до конца не выяснен вопрос: каким образом защищать нарушенное субъективное право гражданина на изображение, если внешний облик и изображение гражданина не закреплены в качестве соответствующих нематериальных благ?

Во-вторых, в действующем законодательстве не содержится определение понятий внешний облик и изображение гражданина.

В-третьих, ни в ГК РФ, ни в иных источниках гражданского права не содержится легального определения нематериальных благ, остаются открытыми вопросы соотношения нематериальных благ и неимущественных прав.

Все эти проблемы, безусловно требуют своевременного разрешения.

Как известно, объектами нематериальных благ выступают все те элементы, которые перечислены статьей 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность и т.д.

Также, известен тот факт, что личные неимущественные права возникают по поводу благ, лишенных экономического содержания. Так, З. П. Ромовская охарактеризовала личные неимущественные блага как блага, лишенные экономической ценности, экономического содержания [27, с. 8]. Другими словами, личными неимущественными являются права на нематериальные блага.

Таким образом, для защиты соответствующих нематериальных благ, необходимо доказать факт нарушения со стороны ответчика личных неимущественных прав физического лица на такие блага.

Пункт 1 ст. 150 ГК РФ в редакции Федерального закона от 02.07.2013 № 142 (далее – Закон № 142) не предусматривает в качестве нематериальных благ внешний облик и изображение [6], а формулировка - «иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона», представляется нам размытой и неточной. Она не позволяет определить с достаточной степенью достоверности принадлежность внешнего облика и изображения физического лица к разряду нематериальных благ, что в свою очередь вызывает множество вопросов.

Как было отмечено выше, авторы в своих исследованиях предлагают внести изменения в действующее законодательство и дополнить систему нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ), внешностью и изображением гражданина [24, с. 18.].

Однако не все придерживаются данной позиции. Некоторые ученые отмечают, что непосредственно нематериальным благом является внешность (внешний облик, индивидуальный облик), а не изображение [19].

Закон № 142, по нашему мнению, внес некоторую правовую определенность в вопросе о соотношении понятий «нематериальное благо» и «неимущественное право». Измененная конструкция (ст. 150 ГК РФ) позволяет сделать вывод о том, что данные понятия не взаимоисключают друг друга. Более того, это взаимосвязанные понятия, нематериальные блага являются объектом личных неимущественных прав.

Многие ученые, в частности Н.И. Матузов, В.П. Грибанов, отмечали сложность правовых категорий "нематериальных благ" и "неимущественных прав" [23]. Полагаем, впервые нематериальные блага как нематериальные активы стал исследовать У. Блэкстоун (W. Blackstone) [34].

Как отмечает, А. В. Амагыров, "в законодательстве стран общего права отсутствует такой термин, как "нематериальное благо", правовая защита нематериальных благ осуществляется с помощью иных институтов, таких как "Intangible property", "Incorporeal property", "личные права" [9].

Среди различных позиций, нематериальные блага в первую очередь определяют как объект субъективного личного неимущественного права, обладающий индивидуальной и социальной духовной ценностью, не имеющий стандартных параметров, неотделимый от личности при жизни физического лица [19].

Таким образом, законодатель, на наш взгляд, корректно указывает на неотчуждаемость и непередаваемость нематериальных благ. В связи с изложенным, нельзя не согласиться с Д.С. Захаренко, высказывающую мнение о неотчуждаемости внешнего облика гражданина. Если внешний облик неотчуждаем и непередаваем, то другое лицо не вправе использовать чужой внешний облик. Гражданин лишь может выразить согласие на использование своего изображения, заключив соответствующую сделку по общим правилам ГК РФ о сделках [17].

Важным по этому поводу представляется мысль Д. А. Березина «Иными словами, нематериальные блага постоянно "живут" в его носителе - человеке с момента рождения или в силу закона и не переходят от него к другому носителю, даже в случае ухода из жизни первого.». Нематериальные блага неосязаемы, неизмеримы, в отличие от материальных благ, трудно определить их количественные и качественные характеристики, они доступны лишь только их носителю, которым, как правило, принято считать физическое лицо [11]. Их различие лишь сводятся к тому, что блага приобретаются гражданами от рождения, а личные неимущественные права предоставляются гражданам, юридическим лицам и охраняются в силу закона.

Поэтому нам представляется правомерным говорить об изображении как объекте права на внешний облик физического лица. В дальнейшем, для устранения многочисленных разночтений, предлагаем дополнить ст. 150 ГК РФ, добавив к числу нематериальных благ внешний облик и изображение гражданина.

Также, Закон № 142 дополнил п. 2 ст. 150 ГК РФ следующим содержанием: «В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо». Такая формулировка нам представляется своевременной и корректной, поскольку прослеживается ее связь с положениями ст. 12 ГК РФ, регламентирующими способы защиты гражданских прав.

Помимо этого, не было бы лишним, добавить к данному абзацу такой способ защиты нематериальных благ, как компенсацию морального вреда. Данный способ защиты превалирует при разрешении споров в суде над другими способами, в том числе над реституцией (суды, в большинстве случаев, присуждают потерпевшей стороне денежную компенсацию: см.: Апелляционное определение Пензенского областного суда от 19.02.2019 по делу № 33-677/2019; см.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2019 N 88-1323/2019.).

Тем не менее, как отмечает А. А. Николаева, до настоящего времени не установлено единообразных, понятных и удобных в применении критериев, методик и/или иных инструментов для определения размера денежной компенсации морального вреда, причиненного неправомерным использованием изображения гражданина [24, с. 7.].

В различных делах, при похожих обстоятельствах, размеры компенсации морального вреда колеблются в границах от 20 до 300 тысяч рублей (т.е. отличается больше, чем в десять раз), что по мнению Р.Х. Давыдова подтверждает существенное влияние субъективных факторов, не предусмотренных законом [16, с. 137].

Усредненный подход, предложенный автором в оценке суммы компенсации при неправомерном использовании изображения гражданина, представляется нам некорректным, поскольку не учитывают таких субъективных факторов, как возраст

изображенного лица; условия, в которых было произведено несогласованное фотографирование или же получено готовое изображение. Так, в случаях обнародования изображения гражданином в сети Интернет, на наш взгляд, компенсация должна быть меньше, чем когда нарушитель втайне завладел фотографиями истца из его личного архива.

Если говорить о международно-правовом уровне, то вопросы охраны внешнего облика и изображений граждан напрямую не раскрываются. В данном случае охрана внешнего облика и изображения осуществляется в рамках права на неприкосновенность частной жизни.

Так, в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека установлено, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию [1].

Статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод презюмируется право каждого на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции [3].

В ст. 17 Международного пакта «О гражданских и политических правах» установлено, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, и каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств [2].

На уровне отечественного законодательства нельзя не отметить отсутствие понятий внешний облик, изображения гражданина в специальных законах. Например, ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152 (ред. от 31.12.2017) "О персональных данных" (далее – Закон о персональных данных) вводится понятие биометрических персональных данных, согласно которой биометрические персональные данные являются сведениями, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных [5]. При этом неясно, включаются ли в эти сведения внешний облик и изображение гражданина или нет.

Исходя из разъяснений Роскомнадзора к биометрическим персональным данным относятся физиологические данные (дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес и другие), а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись), которые позволяют установить его личность и используются оператором для установления личности субъекта [8].

Также, В Постановлении Правительства РФ № 125 к перечню персональных данных относится цветное цифровое фотографическое изображение лица владельца документа, что позволяет сделать вывод об отнесении изображения к биометрическим персональным данным [7].

Таким образом, отсутствие правовой определенности на международном уровне, а также уровне специальных законов, на наш взгляд, может вызвать определенные проблемы у правоприменителей.

Множество споров возникает и по поводу отнесения данных понятий к разряду интеллектуальных прав.

Согласно недавним разъяснениям Пленума Верховного Суда, обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина не относятся к интеллектуальным правам, в связи с этим в случае посягательства на соответствующее нематериальное благо не подлежат применению способы защиты, предусмотренные статьями 1251 и 1252 ГК РФ [30, п. 34].

В связи с этим, позволим себе не согласиться с мнением А.А. Арутюняна, полагавшего что изображение гражданина является объектом авторского права [10]. На наш взгляд, изображение гражданина является самостоятельным объектом гражданского права и должен входить в список нематериальных благ.

Исходя из вышеизложенного, на данный момент, для защиты права на изображение применяются общие способы защиты нематериальных благ. К таким способам относятся: компенсация морального вреда (наиболее распространенный способ), пресечение действий, нарушающих право, а также восстановление положения, существовавшего до нарушения права (такие способы защиты конкретизированы в пп. 2,3 ст. 152.1 ГК РФ).

Большинство исков, связанных с защитой изображений граждан носят компенсационно-восстановительный характер. Так, гражданин вправе обращаться в суд с иском о возмещении морального ущерба, причиненного неправомерным распространением и/или использованием фотографий истца. Нередко истцы заявляют дополнительные требования об удалении спорных фото-видеоматериалов с интернет-ресурсов.

Если в период введения нормы об охране изображения гражданина присутствовали единичные судебные дела, которые поверхностно затрагивали право на изображение, то сейчас сформировался достаточный объем судебной практики.

Например, гражданин обратился в суд с иском о компенсации морального вреда, запрете распространения изображений в сети Интернет. Ответчик распространял видео с участием истца в сети Интернет, в том числе на странице в «Одноклассниках», а также иных ресурсах, предоставляющих пользователям услуги хранения, доставки и показа видео, в результате чего причинил истцу моральные страдания [33]. Суд, отказывая в удовлетворении исковых требований пояснил, что истец не представил доказательств, подтверждающих факт распространения ответчиком в сети "Интернет" изображений истца без его согласия; «... на момент рассмотрения дела судом первой инстанции указанная истцом информация в сети "Интернет" уже отсутствовала».

По другому делу, суд рассматривал требование опровержения информации об оказывании истцом услуг интимного характера за вознаграждение. Распространение данной информации выразилось в форме расклеивания листовок в общественных местах с использованием изображения гражданки в обнаженном виде. При этом, на данных листовках имелась вся информация об истце: ее имя, фамилия, отчество, дата рождения и место учёбы. В данном случае суд полагал данные действия безусловными доказательствами распространения сведений о личной жизни и незаконного использования ее изображения. Удовлетворяя иск, с ответчика было взыскано 50 000 рублей в счет компенсации морального вреда, причиненного неправомерным использованием изображения [32].

По следующему делу, гражданке не удалось взыскать 500 000 рублей компенсации морального вреда за публикацию компанией-ответчиком статьи с использованием ее фотографии. Суд руководствовался в данном случае общеизвестностью опубликованной фотографии, при этом истец дал согласие на использование изображения, являлся публичной фигурой, а также позировал [31].

Как видно из приведённых выше примеров, судебная практика по делам о защите изображений граждан неоднородна. Суд с учетом имеющихся доказательств по делу не всегда встает на сторону истца. По мнению Д.А. Медведева, благодаря введению нормы ст. 152.1 ГК РФ изображение гражданина получило одновременно общий и конкретизированный механизм охраны [21].

Таким образом, восстановление на уровне общей части ГК РФ в усовершенствованном виде права гражданина на собственное изображение явилось

принципиально важной новеллой, обеспечившей улучшение регулирования личных неимущественных отношений и защиты личных неимущественных прав.

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. N 67, 1995.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. ст. 291.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 2. ст. 163.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. ст. 3301.
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (1 ч.), ст. 3451.
6. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.
7. О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию: Постановление Правительства РФ от 04.03.2010 N 125 // Собрание законодательства РФ. 2010. N 10. ст. 1103.
8. О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки: разъяснения Роскомнадзора // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Амагиров, А.В. Особенности правовой защиты нематериальных благ в странах англосаксонской правовой семьи // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 8. С. 205 - 211.
10. Арутюнян, А.А., Гаврюшкин, С.Н. Путин и Крым. Использование изображений известных личностей: некоторые аспекты юридической практики // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. N 2. С. 41 - 50.
11. Березин, Д.А. Нематериальные блага - объекты оценки // Юрист. 2017. N 24. С. 14 - 18.
12. Гаврилов, Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. N 10. С. 13 - 25.
13. Гаврилов, Э.П. Великая российская реформа права интеллектуальной собственности. Нормы, которые уже вступили в силу // "Патенты и лицензии", 2007, N 4.
14. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1. 528 с.
15. Гришаев, С.П. Право гражданина на изображение // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Давыдов, Р. Х. Проблемы компенсации морального вреда при нарушении прав на изображение в сети Интернет // Вопросы студенческой науки. Выпуск № 1 (17). 2018. С. 136-139.
17. Захаренко, Д.С. Правовые проблемы использования изображения гражданина // Юрист. 2016. N 21. С. 17 - 21.
18. Зинин, А.М. Некоторые особенности исследования внешнего облика человека в судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 6. С. 184 - 188.
19. Малеева, М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. N 7. С. 40 - 47.
20. Малеева, М.Н. Право обучающегося и преподавателя на индивидуальный облик // Lex Russica. 2019. № 3 (148). С. 24-33.
21. Медведев, Д.А. Гражданский кодекс России - его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства (доклад 25 апреля 2007 г.) // Вестник ВАС. 2007. N 7. С. 5 - 15.
22. Мограбян, А. С. Внешний облик физического лица как объект субъективного права на неприкосновенность внешнего облика / А. С. Мограбян // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 9. 2011. С. 102-106.
23. Нестеров, А.В. Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. 2020. N 3. С. 19 - 30.
24. Николаева, А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Николаева // Москва. 2014. 221 с.
25. Нохрина, М. Л. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство и цивилистическая наука // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 143-160.
26. Рекламная кампания Траст-банка // [Электронный ресурс]. URL: <https://eugenyshultz.livejournal.com/65758.html> (дата обращения - 20.05.2020).

27. Ромовская З. П. Личные неимущественные права граждан СССР. Автореф. дис. ... к.ю.н. Киев, 1968.
28. Шебанова, Н.А. "Модное" право: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2018. 176 с.
29. Юрлов, И.А., Быкова, М.А. Изображение физического лица: нематериальное благо или произведение? // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. N 8. С. 51 - 58.
30. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. N 7.
31. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.03.2020 N 33-6285/2020 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
32. Решение № 2-2615/2019 2-2615/2019~М-2564/2019 М-2564/2019 от 20 сентября 2019 г. по делу № 2-2615/2019. Кировский районный суд г. Астрахани (Астраханская область). // [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru
33. Решение № 2-3029/2019 2-3029/2019~М-2375/2019 М-2375/2019 от 23 сентября 2019 г. по делу № 2-3029/2019. Орджоникидзевский районный суд г. Уфы (Республика Башкортостан). // [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru
34. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. In Four Books. Oxford, 1765.

Рogaва И.Г., Даниленко Н.Е.

**Проблемы реализации принципов уголовного судопроизводства при
рассмотрения дела в особом порядке**

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-239

idsp: ljjournal-11-2020-239

Аннотация

В статье исследуются особенности действия принципов уголовного судопроизводства, применяемых в особом порядке. Называются проблемы соответствия данной формы производства таким принципам уголовного судопроизводства, как состязательности и равенства сторон, непосредственности, устности, свободной оценки доказательств, публичности. Предлагаются пути решения выявленных проблем путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ в виде указания в приговоре, вынесенном в особом порядке судебного разбирательства, анализа доказательств и их оценки судьей, а также ограничения круга дел, по которым возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, особый порядок, судебное разбирательство, принципы, исследование доказательств.

Abstract

The article examines the features of the operation of the principles of criminal proceedings, applied in a special order. The problems of compliance of this form of production with such principles of criminal proceedings as adversarial and equality of the parties, immediacy, orality, free assessment of evidence, publicity are called. Ways of solving the identified problems are proposed by making appropriate changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the form of an indication in the verdict passed in a special court procedure, the analysis of evidence and their assessment by the judge, as well as limiting the range of cases in which it is possible to conclude a pre-trial cooperation agreement.

Keywords: criminal proceedings, special procedure, court proceedings, principles, study of evidence.

Упрощенное судопроизводство в различных формах широко используется в подавляющем большинстве стран. В России вопросы необходимости

дифференцированного подхода к формам судопроизводства в уголовном процессе в зависимости от категории преступления и отношения подсудимого к обвинению отражены в действующем Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации.

На сегодняшний день можно говорить о существовании двух видов особого порядка судебного разбирательства: особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) и особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

В юридической литературе обращается внимание на тот факт, что особый порядок судебного разбирательства «не может рассматриваться как российский аналог сделки о признании вины, поскольку в данном случае отсутствует нормативное регулирование процесса переговоров между сторонами о признании вины, а для суда их совместное решение не является обязательным» [5, с. 60].

Особый порядок принятия решения суда в соответствии с гл. 40 УПК РФ применяется по уголовным делам о преступлениях, за которые наказание не превышает 10 лет лишения свободы. Здесь необходимо исходить из наказания, предусмотренного санкцией статьи, вменяемой обвиняемому, а не из наказания, которое может быть назначено за его совершение с учетом обстоятельств, предусмотренных в статьях 62, 64, 66, 69, 70 УК РФ [2]. Для особого порядка, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ, нет условий, касающихся категории преступления.

Судебное разбирательство в особом порядке проводится в соответствии с общими правилами, установленными для рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции, за исключением тех правил, которые регулируют стадию судебного следствия. Общие условия судебного разбирательства конкретизируются специфическими условиями, которые включают в себя: обязательное участие обвиняемого и его защитника в процессе, заочное слушание в особом порядке не допускается; приговор, вынесенный в особом судебном порядке, принципиально отличается от приговора, вынесенного в общем порядке. Описательно-мотивировочная часть приговора содержит установленное не судом, а органами предварительного расследования, описание преступного деяния с указанием места, времени, способа, последствий совершенного деяния, вины, мотива и целей преступления. Анализ доказательств и их оценка судьей не отражается в приговоре.

Отдельными учеными-юристами высказываются обоснованные сомнения относительно полноценности особого порядка судебного разбирательства с точки зрения его соответствия принципам уголовного процесса - состязательности и равенства сторон, непосредственности, устности, свободной оценки доказательств, публичности [6].

Представляется, что проблемы реализации принципов непосредственности, устности, свободной оценки доказательств по уголовному делу в особом порядке во многом связаны с отсутствием законодательного регулирования судебного разбирательства. Часть 7 ст. 316 УПК РФ гласит: «если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор» [1]. В то же время судебное разбирательство с исследованием доказательств не проводится, и в приговоре не указывается, почему судья счел эти доказательства достаточными для его постановления.

Вопросам о правильном применении норм главы 40 УПК РФ посвящено Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка рассмотрения уголовных дел», которое указывает, что суды должны установить, помимо прочего «обоснованность обвинения и его подтверждение доказательствами, собранными по делу» [3].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации обращает внимание судов на необходимость соблюдения принципов уголовного судопроизводства при

постановлении приговора в особом порядке. Непосредственность и устность как одно из общих условий судебного разбирательства обеспечивает непосредственное восприятие и исследование доказательств судом, участниками процесса со стороны обвинения и защиты. Положение ч. 1 ст. 240 УПК РФ о том, что «все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании» [1], связано с положением, предусмотренным ч. 3 ст. 240 УПК РФ «Приговор суда может быть основан только на доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании» [1].

В соответствии с этим принципом законодатель не должен позволять в правовом регулировании особого порядка судебного разбирательства устанавливать нормы, противоречащие одному из общих условий судебного разбирательства – непосредственности и устности исследования доказательств. Судебное производство является основной стадией уголовного судопроизводства, поэтому вынесение приговора должно основываться на реализации принципа непосредственности, устности и свободной оценки доказательств. Положение о непосредственном исследовании доказательств в судебном заседании не должно иметь исключений и должно применяться при рассмотрении любых уголовных дел, в том числе рассмотренных в особом порядке [2].

Чтобы обеспечить применение принципов назначения уголовного судопроизводства, было бы логично указать в УПК РФ, что в приговоре, вынесенном в особом порядке судебного разбирательства судья должен отразить, почему он считает доказательства, полученные в ходе предварительного следствия, достаточными для своего решения, и почему у него нет сомнений в правильности квалификации и виновности лица, а подсудимому должно быть предоставлено право обжаловать приговор вынесенный в особом порядке, в том числе на основании несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Также, необходимо отметить, что одним из принципов, повлиявших на возникновение института особого порядка в уголовном процессе России, является принцип публичности в уголовном процессе. Суть этого принципа заключается в осуществлении действий должностными лицами в рамках уголовного процесса *ex officio*. Принцип публичности уголовного процесса во многих отношениях представляется сдерживающим фактором в виде границ закона для должностных лиц и ограничивает их пределами правового поля.

Публичные начала уголовного судопроизводства всегда были связаны с сущностью преступного деяния как посягательства, направленного против общественных интересов [3, с. 95] Они являются основой большинства процессов и норм, а также четко отражены в содержании Особенной части УПК РФ, в которой предусмотрена процессуальная процедура возбуждения, производства расследования, разрешения уголовных дел и пересмотра судебных актов.

Влияние публичности на институт особого порядка может быть учтено при определенных условиях. Процесс особого порядка основан на идеологических принципах процессуальной экономии, а также на сокращении временных, финансовых, технологических и других затрат при расследовании и разрешении уголовных дел.

Важной стороной этой проблемы является тот факт, что публичный интерес заключения досудебного соглашения о сотрудничестве имеет первостепенное значение по отношению к интересам потерпевших. Другими словами, потерпевший не имеет процессуального значения при заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве, а также при рассмотрении такого дела судебным органом в особом порядке. Заключение досудебного соглашения допустимо по делам с любой степенью тяжести совершенного преступления, регламентированного нормами Особенной части УК РФ.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве должен быть скорректирован, отталкиваясь от принципа публичности уголовного процесса. Так, необходимо произвести ограничение круга дел, по которым возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. По нашему мнению, к данным категориям дел можно отнести те, которые представляют собой большую общественную опасность и сложность в раскрытии и расследовании, например, преступления коррупционной направленности.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. - 2006. - № 286.
4. Барабаш А.С. Критерии отнесения положения к системе принципов российского уголовного процесса // Юридический вестник Самарского университета. - 2017. - № 4.
5. Скрипка И.В. Ускоренные производства в уголовном процессе России // В сб.: Молодежь и наука: реальность и будущее Материалы XI Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Т.Н. Рябченко, Е.И. Бурьянова, 2018.
6. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под редакцией В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020.

Самигуллина Э.А., Павлов С.Ю.

Нормативно-правовое регулирование деятельности интернет-СМИ в Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Бакинский государственный университет»
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/lj-11-2020-240

idsp: ljjournal-11-2020-240

Аннотация

В статье рассматриваются право граждан на информацию, развитие законодательства по данному вопросу.

Ключевые слова: средства массовой информации, законодательство, Интернет

Abstract

In this article considered citizens' rights to information and development of legislation on the subject.

Kew words: mass media, legislation, the Internet.

Фундаментальным правом человека, а также ключевой составляющей свободы слова является право на распространение информации. Данное право закреплено как на международном уровне, так в национальном законодательстве подавляющего большинства демократических стран. Необходимо отметить тот факт, что специфической особенностью данного права является его гибкость и приверженность к постоянной трансформации связанной с появлением и развитием интернет-технологий, что связано как с более широким кругом субъектов, его использующий, так и с расширением объема затрагиваемых общественных отношений.

Свобода слова включает в себя значительное количество правомочий, которые нашли свое отражение, в том числе и в Конституции Российской Федерации, в частности, в числе таких правомочий предусмотрено право на распространение информации любым не запрещенным законом способом [1].

Данная интерпретация впервые была закреплена во Всеобщей декларации прав человека в 1948 году, а также в дальнейшем развита в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [5, С.4].

Обеспечение доведения необходимой информации до, определенного обладателем права, субъектов является содержанием права на распространение. Исходя из данной терминологии, можно выявить особое значение такой характеристики реализации права как способ распространения информации, эффективность и оперативность такого распространения, а также конкурентоспособность данной информации по сравнению с информацией из других источников.

Создание современных технологий, которые позволяют в значительных объемах, в кратчайшие сроки, а также в различных формах передавать информацию не ограничиваясь расстоянием и границами государства, значительно преобразило и расширило сущность права на распространение информации, а доступность сети Интернет также изменило и способ реализации данного права.

Важно отметить, что правовое регулирование в данной области обречено быть «догоняющим» априори, так как правовая доктрина неспособна оперативно реагировать на быстрое развитие технологий. Однако высокие темпы развития технологий неминуемо и закономерно вызывают беспокойство государства, как за свою информационную безопасность, так и за информационную безопасность его граждан.

Первые российские Интернет-СМИ появились в конце двадцатого века, в частности, первая в России Интернет-газета «Газета.ру» появилась в 1998 году, на сегодняшний день посчитать количество отечественных сетевых изданий практически невозможно [6, С.4]. Главный закон страны не дает понятие как СМИ, так разумеется и Интернет-СМИ. Согласно Закону Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [4].

Далее в статье 2 данного закона дается понятие «сетевого издания» под которым понимается сайт в сети «Интернет», зарегистрированный в качестве СМИ в соответствии с данным законом.

Значительное продвижение в области обеспечения защиты информации, правового регулирования деятельности СМИ в сети Интернет, а также применения информационных технологий произошло благодаря принятию Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который установил ключевые принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации [2].

Принятие данного закона послужило основанием для важнейших поправок в Федеральный закон от 29 декабря 2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в соответствии с которыми создается «Единый реестр доменных имен и (или) универсальных указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации федеральными законами» [3]. В частности, к подобной информации относятся: материалы с порнографическим содержанием несовершеннолетних, информация о приобретении, о методах изготовления наркотиков, а также информацию о способах совершения суицида и призывы к данному действию. Данные страницы с указанным выше контентом подлежат удалению.

Смысл принятых поправок заключается в том, что контент интернет-сайтов должен непременно маркироваться возрастным цензом для защиты детей от вредной для них информации – то есть, 6+, 12+, 16+, 18+, что соответственно старше шести лет, двенадцати и т.д. Также законом вносится положение, что доступ к сети Интернет в «местах доступных для детей» должен быть ограничен [7].

Как мы видим, нормативная база регулирования Интернет-СМИ внушительна. Ранее, до формирования данных законов, в системе регулирования Интернет-СМИ присутствовали серьезные пробелы, к примеру – трудности с блокировкой запрещенных материалов. Однако, как мы видим, законодатели собрали воедино масштабные проблемы в сфере регулирования сетевых СМИ и проложили пути разрешения данных пробелов в нормативно-регулятивную законодательную базу в форме вышеуказанных универсальных законов.

1. Конституция РФ. Принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с посл. изм. и доп. от 03.04.2020 № 105-ФЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с посл. изм. и доп. от 01.05.2019 № 93-ФЗ).
4. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с посл. изм. и доп. от 01.05.2019 № 93-ФЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 48.
5. Колобаева Н.Е. Особенности реализации права на распространение информации при использовании сети Интернет // Российское право: образование, практика, наука. № 4. 2019. С.4.
6. Колобаева Н.Е. Особенности реализации права на распространение информации при использовании сети Интернет // Российское право: образование, практика, наука. № 4. 2019. С.4.
7. Погорельская Т.А. Правовое регулирование деятельности Интернет-СМИ // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. №2(29). 2019.

Селезнев А.В.

Киберпреступления – как объект криминалистического исследования

*Тамбовский государственный технический университет
(Россия, Тамбов)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-241

idsp: ljjournal-11-2020-241

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические подходы к расследованию киберпреступлений в современных условиях развития общества. Выявлены особенности способов совершения такого рода преступлений. Проанализированы основные типы киберпреступников. Рассмотрены особенности следовой картины киберпреступлений.

Ключевые слова: информационные технологии, компьютерная информация, киберпреступления, криминалистическая характеристика преступления.

Abstract

The article discusses theoretical approaches to the investigation of cyber crimes in the modern conditions of the development of society. The features of the ways of committing this kind of crimes are revealed. The main types of cybercriminals are analyzed. The features of the trace pattern of cybercrimes are considered.

Keywords: information technology, computer information, cybercrime, forensic characteristics of a crime.

Современное существование человечества неразрывно связано с повсеместным использованием различных информационных технологий. Практически любой вид жизнедеятельности человека в настоящее время в той или иной мере компьютеризирован. Тенденция к все большей информатизации и автоматизации имеет как положительную, так и отрицательную стороны. К положительной стороне информатизации можно отнести, например, повышение производительности труда работников любого уровня, которые отказываются от рутинных и малоэффективных операций и которые на себя берет компьютер. К отрицательной стороне можно отнести достаточно высокую уязвимость современных рабочих мест, имеющих доступ к локальной или глобальной компьютерной сети, через которые совершается большинство, так называемых компьютерных преступлений или киберпреступлений, порождающих один из важнейших негативных факторов современного общества как киберпреступность.

Киберпреступления представляют собой широкий класс преступлений, который давно уже вышел за рамки действующего российского уголовного законодательства.

Стоит отметить, что наряду с проблемами правового характера, возникающими в процессе квалификации такого рода преступлений существует еще ряд проблем, непосредственно связанных с определением системы типичных признаков, имеющих наибольшее криминалистическое значение для раскрытия и расследования киберпреступлений, и обуславливающих применение соответствующих криминалистических методов, приемов и средств.

К числу таких типичных признаков (элементов криминалистической характеристики любого преступления) можно отнести:

- типичную исходную информацию;
- общие признаки предмета преступного посягательства;
- способ совершения преступления;
- характеристику личности преступника;
- особенности следовой картины на месте преступления;
- обстоятельства совершенного преступления (место, время и др.).

Рассмотрим основные элементы криминалистической характеристики киберпреступлений.

Типичная исходная информация поступает, как правило, от жертвы преступления. Таковыми могут быть обычные граждане, учреждения и организации, различные предприятия и т.д. Эта информация должна содержать общую характеристику совершенного противоправного деяния, связанного с незаконным использованием информационного пространства, что поможет следственным органам наиболее точно сориентироваться в расследуемом преступлении. Успех работы следователя в расследовании киберпреступлений во многом зависит от оперативности реагирования на заявления и сообщения об их совершении, своевременного и обоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела. Для того, чтобы следователю получить максимальное количество исходной информации ему необходимо истребовать соответствующие документы, свидетельствующие о противоправности проведения операций в сфере обработки компьютерной информации, а также возможные средства преступления (машинные носители информации, программы для компьютеров и других компьютерных устройств, базы данных, отдельные файлы и др.), проверить подлинность документов, имеющихся в распоряжении дознавателя, получить объяснения от заявителя и т.д.

Под предметом преступного посягательства обычно понимают стоимостную оценку определенной вещи материального мира, воздействие на которую влечет причинение вреда объекту преступного посягательства.

При совершении киберпреступления предметом преступного посягательства непосредственно является какая-либо компьютерная информация, которая имеет чаще всего определенную материальную ценность для ее владельца.

Под компьютерной информацией применительно к процессу доказывания понимаются фактические данные, обработанные средствами системы и (или) передающиеся по телекоммуникационным каналам, доступные для восприятия человеком, на основе которых, в регламентированном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение по делу. Источниками такой информации могут быть данные на различных электронных носителях (винчестерах, картах систем мобильной идентификации – sim-картах), пластиковых банковских картах, флеш-картах и др.

Способ совершения преступления представляет собой обусловленный (детерминированный) целым рядом субъективных и объективных факторов комплекс действий субъекта (субъектов) по подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния.

К основным способам совершения киберпреступлений можно отнести следующие:

- несанкционированный (незаконный) доступ и копирование компьютерной информации;
- незаконный перехват информации;
- воздействие на компьютерные данные, в том числе с помощью программ-вирусов (противоправное преднамеренное повреждение, удаление, ухудшение качества, изменение или блокирование компьютерных данных);
- противоправное использование специальных компьютерных программ, разработанных или адаптированных для совершения преступлений, в частности для получения паролей, кодов доступа к компьютерной системе и др.

Среди широкого спектра различного рода «компьютерных» преступников можно выделить следующие наиболее встречаемые типы:

- «хакер» - «компьютерный взломщик», программист, намеренно обходящий системы компьютерной безопасности. Основной мотивацией этого типа правонарушителей являются: исследовательский интерес, любопытство, стремление доказать свои возможности, честолюбие. Средства защиты компьютерной информации, ее недоступность они воспринимают как вызов своим способностям;
- «инсайдер» («внутренний взломщик») – злоумышленник, не слишком хорошо владеющий знаниями в области информационных технологий, но владеющий доступом в какую-либо информационную систему в силу служебного положения. Основной своей задачей он считает нанесение материальных убытков собственной компании, иногда даже во вред себе.
- «белый воротничок» - по сути тот же инсайдер, но имеющий более чистоплюбные планы и обремененный только чувством собственной наживы.

Что касается следовой картины киберпреступлений, то она представляет собой своеобразное сочетание так называемых традиционных (материальных) и виртуальных следов, которые остаются в основном в памяти компьютера. Виртуальные следы обычно состоят из большого количества отдельных информационных элементов, которые могут быть записаны как на одном, так и на нескольких физических носителях цифровой информации, подключенных как к одному, так и нескольким компьютерам, объединенным в вычислительную сеть. Примером таких следов могут служить записи об установке, удалении и изменении различных программ в реестре компьютера, отдельных операциях, связанных с работой компьютера, в журналах администрирования, безопасности, сведения из log-файлов о работе в сети Интернет, локальных сетях и др. Виртуальные следы могут послужить доказательствами незаконного проникновения в память компьютера или другого электронного устройства, а также создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, совершения или подготовки к совершению преступления отдельным лицом или группой лиц.

Одним из важнейших вопросов, связанных с изучением криминалистической характеристики киберпреступлений, является определение понятия места происшествия, при совершении такого рода правонарушений.

Обычно под местом совершения киберпреступления понимают место физического нахождения злоумышленника в момент совершения им преступных действий, а также место расположения аппаратных и программных средств, используемых им. В тоже время местом происшествия можно также считать персональный компьютер (рабочую станцию) или сервер, являющиеся местом хранения и обработки информации и ставшие предметом преступного посягательства.

Необходимо отметить, что в отличие от таких «классических» видов преступлений, как убийство, изнасилование, грабеж, где преступник и жертва находятся в непосредственной близости и контакте между собой, при совершении киберпреступления они могут находиться на любом расстоянии друг от друга, а во многих случаях в разных странах и на разных концах земного шара.

В заключении хотелось бы сделать вывод о том, что рассмотренные выше элементы криминалистической характеристики киберпреступлений требуют тщательного и комплексного рассмотрения и изучения, как в теоретическом, так в практическом аспектах, что позволит поднять на более высокий уровень качество расследования и раскрытия рассмотренных в данной статье правонарушений.

1. Васильев, А.А. Электронные носители данных как источники получения криминалистически значимой информации: учебное пособие / А. А. Васи-льев, К. Е. Демин. – М.: МГОУ, 2009. – 200 с.
2. Зверьянская Л.П. Современные проблемы исследования криминалистиче-ских особенностей киберпреступлений [электронный ресурс] / Зверьянская Л.П. // Приоритетные научные направления: от теории к практике. - 2015. - Выпуск № 15. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-issledovaniya-kriminalisticheskikh-osobennostey-kiberprestupleniy>.
3. Криминалистика XXI-века. Стратегия и тактика / Отв. ред. Е.П. Ищенко. - М.: Проспект, 2016. – 269 с.
4. Мещеряков В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий / В.А. Мещеряков // Библиотека криминалиста: научный журнал. – 2013. - № 5 (10). – С. 265 - 269.
5. Федотов Н.Н. Форензика - компьютерная криминалистика [электронный ресурс] / Н.Н. Федотов. – Режим доступа: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=998&lvl=01.02.01>.
6. Шевченко Е.С. Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений: дис. ... канд. юрид. наук / Е.С. Шевченко. – М., 2016. – 249 с.

Симонян Р.З.**Права и обязанности медицинских работников и пациентов в сфере здравоохранения РФ***ФГБОУ ВО Курский государственный медицинский университет
(Россия, Курск)**doi: 10.18411/lj-11-2020-242**ids: lj-11-2020-242***Аннотация**

Современная правовая система, берущая вектор развития гуманистических идей, определяет любого человека, являющегося частью общества и субъектом общественных взаимоотношений, как независимую самостоятельную личность. В современных реалиях наиболее острой и проблематичной областью общественных взаимоотношений является именно сфера охраны жизни и здоровья человека, основными субъектами которых являются работники медицинских организаций (врачи-специалисты, средний медперсонал и т.д.) и пациенты. Правоотношениям, возникшим в процессе оказания специализированной медицинской помощи, свойственны многогранность, высокий показатель вариабельности, связанный, как с самой уникальной личностью пациента, так и со спецификой осуществления различного уровня сложности медицинских вмешательств со стороны медицинского работника.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинские работники, охрана здоровья, права и обязанности пациентов

Abstract

The modern legal system, which takes the vector of development of humanistic ideas, defines any person who is a part of society and a subject of social relations as an independent individual. In modern realities, the most acute and problematic area of public relations is the sphere of human life and health protection, the main subjects of which are employees of medical organizations (specialist doctors, secondary medical staff, etc.) and patients. Legal relations that have arisen in the process of providing specialized medical care are characterized by versatility, a high rate of variability associated with both the most unique personality of the patient and the specifics of the implementation of various levels of complexity of medical interventions by a medical professional.

Keywords: medical care, medical workers, health protection, rights and obligations of patients

Медицинская деятельность напрямую связана с двумя наивысшими ценностями общества и государства - жизнью и здоровьем человека. Несмотря на всеобщий прогресс медицины, на данный момент следует констатировать значительное ухудшение показателя здоровья населения страны; рост заболеваемости социально значимыми болезнями (ВИЧ, СПИД, туберкулез и др.), падение демографического уровня. Данные факты обусловлены прежде всего падением качества жизни, обостренной экологической обстановкой, стрессовыми факторами. Отсюда следует обязательность оказания специализированной медицинской помощи на высоком уровне. Поэтому вопросы гражданских и правовых аспектов пациента и медицинских работников в системе современного медицинского права, а также ответственность в сфере здравоохранения привлекает все большее внимание общественности. В последнее время заметно увеличивается число обращений пациентов в правозащитные организации, судебные органы, связанных с ненадлежащим качеством оказания медицинской помощи. Поэтому указанная тема является актуальной не только в теории, но и на практике [1].

Цель исследования заключается в рассмотрении аспектов современного российского законодательства, характеризующего основные субъекты взаимоотношений в сфере здравоохранения и регулирующие их. Основными материалами и методами, используемыми в изучении, являются анализ и синтез гражданско-правовой базы, позволяющей в целом оценить картину действия законодательства в сфере охраны здоровья в России и выявить имеющиеся недочеты.

Право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь является общепризнанной нормой международного законодательства. Данное положение закреплено во Всеобщей декларации прав человека (ст. 25), а также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 12) [2,3].

Принципы и порядок осуществления охраны здоровья и медицинской помощи регламентируется Основным Законом страны - Конституцией РФ (ст. 41), Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее – ФЗ №323-ФЗ) [4,5].

Безусловно, главной целью функционирования любого медицинского учреждения является предоставление качественной высококвалифицированной медпомощи, а также обеспечение охраны жизни и здоровья граждан. Согласно ст. 4 ФЗ №323-ФЗ, данное обстоятельство заключается в таких принципах, как: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья и другие. [7].

Вышеперечисленные аспекты свидетельствуют об огромной доле ответственности медицинских учреждений и их работников перед пациентами.

Следует сказать, что взаимодействие работника медицинского учреждения и пациента порождает наличие прав и обязанностей с обеих сторон. Так, в ст. 72 ФЗ № 323-ФЗ освещены основные права работников медицинских организаций. В частности, профессиональную переподготовку за счет средств работодателя; страхование риска своей профессиональной ответственности; создание руководителем медицинской организации соответствующих условий для выполнения работником своих трудовых обязанностей. Рассмотренные права регламентируются согласно Трудовому кодексу РФ [5].

Обязанности работников медицинских организаций оглашены в ст. 73 ФЗ № 323-ФЗ, где в ч.1 предусматривается осуществление деятельности согласно принципам медицинской этики и деонтологии. Следует отметить также, что в перечень обязанностей входит: оказание медицинской помощи в соответствии с квалификацией, должностными инструкциями и служебными обязанностями; соблюдение врачебной тайны и некоторые другие [5].

Проанализировав в данном случае правовой статус медицинского работника, следует вывод о неполноценности законодательной базы в регулировании данного аспекта. Одним из ключевых моментов является то, что права медицинских работников, закрепленные в ст. 72 ФЗ № 323-ФЗ, не содержат самого главного - право на юридическую защиту своей профессиональной деятельности. В ст. 79 того же закона прописано лишь одностороннее право граждан на осуществление общественного контроля в виде самостоятельной оценки качества оказанных услуг медицинскими работниками и организациями, что напрямую исключает возможность защиты медицинских работников [5].

Пациент, как субъект правовых отношений, обладает определенными правами и обязанностями. Данному аспекту посвящена 4 глава ФЗ № 323-ФЗ. Следует сказать, что именно правам пациента отведена значительная роль, так как они подкреплены в главном законе страны – Конституции, обладающей высшей юридической силой [7].

Ст. 19 ФЗ № 323-ФЗ указывает на то, что у каждого есть право на оказание бесплатной медицинской помощи в полном объеме, а также на получение платных

медицинских услуг, согласно договору добровольного медицинского страхования. Помимо этого, пациент имеет право на выбор врача-специалиста и медицинского учреждения; получение информации о состоянии своего здоровья; защиту сведений, характеризующие врачебную тайну и другие [5].

Обязанности пациента изложены в ст. 27 вышеупомянутого закона. Детально изучив и проанализировав её содержимое, можно сказать о скудности обязанностей пациентов, в сравнении с медицинскими работниками. Так, к основным из них относятся: забота о сохранении своего здоровья; прохождение медицинских осмотров и обследований; профилактика опасных для окружающих людей заболеваний.

Отсюда напрашивается срочная доработка и уточнение данных обстоятельств. В частности, введение в обязанности пациента оглашение достоверных и точных сведений о своем самочувствии, заболевании, ранее перенесенных патологиях; предоставление информации, касающейся его личности; соблюдение уважительного отношения к медицинскому работнику [9].

Как показывает практика исполнение прав и соблюдение своих обязанностей медицинскими работниками и пациентами не соответствует тому, что закреплено законодательно. За отклонение от исполнения обязанностей следует наказание в виде административной, дисциплинарной, гражданско-правовой или уголовной ответственности [7].

Причинение вреда (материального или морального) пациенту вследствие действия или бездействия медицинского работника (организации) являются основаниями для гражданско-правовой ответственности. Защита прав медицинских работников обусловлена гражданским судопроизводством и компенсацией морального вреда. Согласно ст. 152 ГК РФ медицинский работник имеет право на защиту чести, достоинства и деловой репутации. В современных реалиях часты случаи «врачебной ошибки». Но, к сожалению, на сегодняшний день так и не освещена юридически данная ситуация ни в УК РФ, ни в ФЗ № 323-ФЗ; нет единого обоснования врачебной ошибки с точки зрения закона. В ходе судебных разбирательств отмечается отсутствие объективных судебных медэкспертиз [7,8].

Одной из дополнительной возможности осуществления защиты деятельности медработников следует возложить на профессиональные медицинские ассоциации международного, государственного и иного межведомственного уровня, в компетенции которых входит защита прав медработников.

Не менее остро обстоит дело с гражданско-правовым статусом пациента. Наиболее очевидными проблемами являются: отсутствие как таковой формулировки в законодательстве «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» базисного права пациента на охрану и защиту достоинства его личности; недостаточность осуществления права на медицинское консультирование (в частности консультации врачей-специалистов); отсутствие права пациента на защиту от психологического давления и других форм психологического воздействия.

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что на данный момент положения основ законодательства РФ в сфере здравоохранения концептуально и юридически недостаточны для реализации регулирования субъектов сферы охраны жизни и здоровья граждан. Из этого следует обязательность пересмотра и внесения изменений в ФЗ № 323-ФЗ; пересмотр данного обстоятельства в УК РФ; принятие закона о профессиональном страховании медицинской деятельности; дополнение некоторых обязанностей пациентов. Следует уточнить, что данный процесс будет эффективен только в случае высокой ответственности должностных лиц государственного аппарата на всех уровнях (федеральном, региональном, местном) за возможное нарушение прав и свобод граждан.

На наш взгляд, идеи новых законопроектов и уточнений действующих нормативно-правовых актов в сфере здравоохранения должны первоначально

выражаться и предлагаться с точки зрения профессионального практического взгляда, а именно со стороны медицинских работников различного уровня и квалификации.

Особое значение следует принять роли СМИ в освещении данной проблемы в обществе, позволившая заинтересовать бы большое количество людей, которых, бесспорно, волнует вопрос о качестве оказываемой медицинской помощи. Не мало важное значение имеет и решение данной проблемы с точки зрения образовательного процесса. Эффективными мерами могли бы быть правовое воспитание детей школьного возраста и вовлечение их в основные гражданско-правовые аспекты взаимоотношений «врач-пациент», а также обязательное преподавание дисциплины «медицинское право» в учреждениях среднего профессионального и высшего образования медицинской направленности.

Резюмируя вышесказанное, должный уровень правовой культуры в сфере здравоохранения среди государственных должностных лиц, медицинских организаций, медработников, пациентов, а также самих граждан России сможет существенно повлиять на разрешение сложившейся ситуации. Ведь чем он выше, тем грамотнее осуществляется реализация основных прав и обязанностей субъектов, а также наиболее эффективнее и качественнее осуществляется квалифицированная медицинская помощь, что существенно предопределяет дальнейшее состояние и общее здоровье пациентов.

1. Пашина И.В., Симонян Р.З. Право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь // Современные проблемы науки и образования. 2015. №4. С. 414.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на 3 сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217А (III) от 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/10135532/53925f69af584b25346d0c0b3ee74ea1/> (дата обращения 29.09.2020).
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью – Йорк, 19 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/2540291/b6e02e45ca70d110df0019b9fe339c70/> (дата обращения: 29.09.2020).
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] <http://base.garant.ru/10103000/2/#41> (дата обращения: 29.09.2020).
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2014. – 74 с.
6. Гражданский кодекс РФ. Ч.1 [Электронный ресурс]: федер.закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ <https://base.garant.ru/10164072/63f1429d78ff04df7c3513d140a5b10a/> (дата обращения 29.09.2020).
7. Пищита А.Н. Правовое регулирование медицинской деятельности в современной России: теоретико-правовые аспекты. М.: ЦКБ РАН, 2008. 196 с.
8. Гражданские и правовые аспекты защиты деятельности медицинских работников и пациентов в России / М.Н. Кудыкин, М.Н. Фомичев, Р.А. Дерябин, Г.Е. Шейко // Медицинское право. 2017. № 5. с.10-14.
9. Степанова А.В., Симонян Р.З. Этика и право во взаимоотношениях врача и пациента // В сборнике: Международный молодежный форум Неделя науки – 2019. 2019. С. 321 – 323.

Смирнова А.В.

Экспертная профилактика в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-243

idsp: ljjournal-11-2020-243

*Научный руководитель
Хаснутдинов Р.Р.*

Аннотация

В статье рассматриваются основы зарождения и развития института экспертной профилактики. Выделены аспекты, обуславливающие видоизменения мероприятий

экспертной профилактики с учетом глобального перехода к информационным технологиям. Раскрыты направления и особенности реализации судебно-экспертной профилактики в условиях цифровизации. Приведены виды программ, используемых для совершения преступлений в IT-сфере.

Ключевые слова: информационные технологии, программное обеспечение, экспертная профилактика, компьютерные преступления

Abstract

The article discusses the basics of the origin and development of the Institute of expert prevention. The aspects that cause changes in expert prevention measures in view of the global transition to information technologies are highlighted. The directions and features of the implementation of forensic prevention in the conditions of digitalization are revealed. The types of programs used for committing crimes in the IT sphere are given.

Keywords: information technologies, software, expert prevention, computer crimes

Изначально вопрос об экспертной профилактике рассматривался в контексте частной теории криминалистической профилактики. Так, в 1961 г. Колмаков В.П. предложил рассматривать в границах криминалистической науки методики, правила и инструменты, свойственные в тот период времени науке криминалистике и обуславливающие, тем самым, институт профилактики преступлений [5, с. 213]. Дискуссии на этот счет спровоцировали исследования Фридмана И.Я., который указывал на искусственность выделения профилактики в обособленный институт, поскольку, с его точки зрения, одни и те же инструменты и приемы могут способствовать как расследованию преступлений, так и их предупреждению [1, с. 609]. Однако вместе с тем автор признает, что наука криминалистика не будет выглядеть полной и интегрированной без включения в нее теоретико-методологических основ криминалистической профилактики, что спровоцировало его в дальнейшем изучать уже экспертную профилактику.

В целом можно отметить, что указанные ученые были не единственными, кто обращался к рассмотрению профилактики преступлений и роли криминалистических экспертных учреждений в ней. Алиев И.А. в своих трудах рассмотрел цель, предмет, объект и содержание теории судебно-экспертной профилактики, Белкин Р.С. – закономерности и структуры, свойственные данной науке [7, с. 106]. В совокупности данные исследования в числе прочих способствовали зарождению и развитию института экспертной профилактики.

Глобальный и достаточно стремительный переход к информационным технологиям, используемых в различных сферах социально-экономической, политической, правовой среды в том числе повлиял на криминогенную ситуацию, что выразилось в том, что все большее число преступлений совершается с использованием цифровых средств. В данном случае компьютерные технологии используются преступниками при совершении так называемых традиционных видов преступлений: кража, мошенничество, преступления против личности и общественной безопасности и т.д., так и совершенно новых, базирующихся на возможностях, предоставляемых цифровизацией глобального пространства. Мобильные устройства и технические гаджеты, используемые всеми членами общества в повседневности, используются в криминальном мире для обеспечения несанкционированного доступа к информации, совершения мошеннических обманов и вымогательств, террористических актов и поджогов и диктуют, тем самым, необходимость изучения особенностей их применения с тем, чтобы своевременно предупредить совершение такого рода преступлений. Как доказывает Е.Ф. Россинская в своих трудах, преступления, реализуемые посредством технических средств, являются полноструктурными, что

выражается в том, что они содержат как стадии приготовления, так и сокрытия [3, с. 210].

Судебно-экспертная профилактика в условиях цифровизации включает в себя ряд основополагающих моментов, таких как применение специальных знаний в процессе производства следственных действий и при производстве судебной экспертизы; выявление, оценку и систематизацию способов совершения преступлений с использованием информационных технологий; изучение динамики изменения способов совершения преступлений данного вида. Так, в условиях распространения преступлений, совершаемых с использованием цифровых средств, основным способом сокрытия такого вида преступлений становится сокрытие своего IP-адреса. Делается это с помощью следующих сервисов:

1. создание анонимных компьютерных сетей, к примеру, VPN-сервисов, обеспечивающих шифрование сетевого трафика;
2. аренда на другой территории мирового пространства вычислительных мощностей с настройкой виртуальной машины и чужеродных VPN-сервисов;
3. применение троянских программ, заражающих программное обеспечение и, тем самым, способствующих сокрытию IP-адреса преступника;
4. использование SIM-карт, оформляемых на подставных лиц, или подключение к сторонним Wi-Fi для реализации преступных замыслов [2, с. 163].

В таком случае экспертная профилактика будет успешна тогда, когда учитываются возможности сетевых протоколов обмена сообщениями (например, XMPP-протоколы) в разрезе выявления планов преступников, их взаимодействия посредством обмена сообщениями и согласования противоправных деяний в структуре реализуемой криминальной или полукриминальной схемы [5, с. 216]. Деятельность экспертов при осуществлении профилактических мер по предупреждению преступлений в сфере IT-технологий заключается в том, чтобы оперативно выявить и устранить доступ преступников к значимой для них информации посредством специальных программ и своевременного уничтожения информационных данных.

Также целесообразным с точки зрения профилактических мер является выявление программ, целевым назначением которых является сокрытие их вредоносной активности в разрезе используемого программного обеспечения: технологии Rootkit, Bootkit, технологии обфускации, криптования и т.п. [1, с. 610]. Ряд программ (TeamViewer, LiteManage), являясь по своему содержанию легальными для использования частными пользователями, могут быть модифицированы во вредоносные в случае удаленного противоправного их использования со стороны злоумышленников. В таком случае задача эксперта в сфере профилактики видится в оперативном обнаружении и обезвреживании такого рода программ с дальнейшим предупреждением распространения вредоносного влияния. Такие программы, используемые преступниками в целях реализации противоправных деяний, условно классифицируются на следующие подвиды:

- 1) программы-шпионы, перехватывающие и сканирующие изображения с компьютера при активной его эксплуатации пользователем;
- 2) программы-банкеры для доступа к счетам пользователя, на которых аккумулированы денежные средства;
- 3) программы-шифровальщики, направленные на получение материальной выгоды преступником за восстановление заблокированных данных, подлежащих восстановлению;

- 4) программы-загрузчики, функционал которых сводится к удалённой загрузке на компьютер пользователя вредоносных программ и их последующего обновления [6, с. 231].

Помимо прочего эксперт в сфере судебной профилактики обладает компетентностью в применении непроцессуальных инструментов осуществления профилактических мер, связанных с установлением на основе специальных знаний точек физического доступа к компьютерной сети для дальнейшего предупреждения вовлечения иных членов общества в криминогенную схему совершения преступления. Дополнительно имеется возможность в выявлении компьютерных устройств, нелегально подключенных к клавиатуре с целью сканирования комбинаций клавиш, совершаемых конкретным представителем организации, в отношении которой, к примеру, есть намерение совершить преступление.

Таким образом, институту экспертной профилактики в современных условиях, характеризующихся постоянным видоизменением преступлений, совершаемых с использованием технических устройств, отводится приоритетная роль. Действия, совершаемые экспертами в рамках профилактических мер, могут как предупреждать и снижать число преступлений в IT-секторе, так и выявлять новые обстоятельства, причины и способы реализации противоправных деяний данного вида. С этой точки зрения принципиально важна подготовленность эксперта, осуществляющего профилактику, поскольку идентификация и интерпретация преступлений, совершаемых в условиях цифровизации, требует соответствующего подготовки в сфере информационно-компьютерных технологий. Можно сказать, что подготовка специалистов с необходимым набором компетенций, сводящихся к владению инструментами работы с цифровыми следами, эксплуатацией программного обеспечения и т.д., должна быть взведена в ранг государственно приоритетных мероприятий в сфере обеспечения правозащиты и охраны общества.

1. Богатырев К.М., Локтева А.С. Экспертная профилактика в уголовном процессе: проблемы и перспективы // Традиции и новации в системе современного российского права. Сборник тезисов XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. - 2019. - С. 609-610.
2. Киселевич И.В. Экспертно-профилактическая деятельность на современном этапе // Вестник экономической безопасности. - 2020. - №2. - С. 161-164.
3. Россинская Е.Ф. Экспертная профилактика в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. - 2020. - №2. - С. 208-212.
4. Соколова О.А. Некоторые проблемы профилактики в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. - 2020. - №2. - С. 213-217.
5. Харламова О.А. Решение ситуационных задач при производстве судебных экспертиз как один из методов экспертной профилактики // Вестник экономической безопасности. - 2020. - № 2. - С. 229-232.
6. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 1. - С. 105-108.

Стрыгина С.В.

**Правовое регулирование решения проблем предотвращения загрязнения
Мирового океана**

*ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им.
Н.Г.Чернышевского
(Россия, Саратов)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-244

idsp: ljjournal-11-2020-244

Аннотация

В статье анализируются правовые основы деятельности по очищению Мирового океана. Подчеркивается, что они носят комплексный характер. Выделяется роль ООН в решении проблем экологии. Говорится о необходимости международного

сотрудничества в охране морской среды. Ставится проблема совершенствования как международного, так и национального законодательства, устранения пробелов в праве. Подчеркивается значение социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: Мировой океан, Конвенция ООН, загрязнение, международное право, морская экосистема, пробелы в праве, национальное законодательство, бизнес, социальная ответственность.

Abstract

The article analyses the legal basis of activities of cleaning up the world oceans. It is emphasized that they are complex. The role of the UN in solving environmental problems is also highlighted. The need for international cooperation in the protection of the marine environment is mentioned. The article raises the problem of improving both international and national legislation and eliminating gaps in the law. The importance of social responsibility of business is emphasized.

Keywords: World Ocean, UN Convention, sustainable development, pollution, incentives, international law, national legislation, business, social responsibility.

Сохранение чистоты Мирового океана является одной из глобальных проблем современности, поскольку от него зависит безопасное существование человечества. Водная оболочка земли нуждается в кардинальных мерах по охране и защите в связи с губительными результатами жизнедеятельности людей. Отрицательным следствием достижения современной цивилизации явилось загрязнение Мирового океана, что ставит под угрозу наличие источника чистой воды, массовой гибели в нем всего живого. Особое значение выработки мер по его защите придает Организации Объединенных Наций, поэтому на Саммите по устойчивому развитию была включена 14 цель, посвящённая сохранению и рациональному использованию морских экосистем [1]. При этом ООН считает необходимым создание глобальной эффективной нормативно-правовой базы по охране океана.

Международная продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций выделяет семь причин, согласно которым нужно принимать безотлагательные меры по спасению Океана. В них речь идет не только о том, что океаны являются регулятором климата на всей земле, оздоравливают планету, являются источником продовольствия и средой обитания для разнообразных форм жизни. Но и том, что океан дает работу, поскольку в морских промыслах занято много людей.

Нужно отметить, что решение проблем загрязнения Мирового океана носит комплексный характер. Они требуют широкого междисциплинарного подхода, которые связаны (как и все проблемы экологии) с возникающими задачами материального, правового и нравственного характера.

На наш взгляд здесь можно выделить несколько направлений:

1. Совершенствование международного права;
2. Преодоление пробелов в национальном законодательстве;
3. Международное сотрудничество всех стран;
4. Внедрение инновационных технологий;
5. Социальная ответственность бизнеса.

Существующие пробелы в международном праве по общеприменимым нормам в области экологии не позволяют в полной мере иметь нормативную базу, обеспечивающую сохранение чистоты водного пространства. До сих пор на международном уровне отсутствует согласованность в нормативно-правовых базах стран и нужный уровень эффективного взаимодействия. Об этом говорилось в докладе Генерального секретаря ООН в ноябре 2018 года. В нем было отмечено: «Договоры по региональным морям характеризуются нормативными пробелами в вопросах контроля загрязнения, вызываемого деятельностью на морском дне, подпадающей под национальную юрисдикцию» [2].

Подтверждением этого высказывания следует отметить, например, что в международном праве не определено понятие «Морское трансграничное месторождение», отсутствие которого лишает возможности определить международно-правовую компетенцию государства, которое на шельфе применяет плавучие средства.

Согласно ст. 56 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. прибрежное государство в исключительной экономической зоне обладает юрисдикцией в области защиты и сохранения морской среды. В этой связи оно вправе принимать законы и правила по недопущению ее загрязнения [3]. Вместе с тем, не все страны подписали эту Конвенцию ООН, что лишает правового обеспечения гарантий защиты морской среды и ее биоразнообразия. Кроме того, отказ подписать этот документ крупнейшей военно-морской державой, каковой являются США, нарушает часто права других стран, приводит к постоянным правовым спорам, и ставит по отношению к США, Россию и другие страны-участницы Конвенции в неравные условия.

Конвенции ООН по морскому праву представляет один из комплексных инструментов международного права, поскольку устанавливает правовой режим наиболее важных направлений деятельности в океанах и использование их ресурсов. Она регулирует, в частности, правовой режим морского дна (где находятся глубоководные залежи минералов), эксплуатацию его ресурсов, что является актуальным в настоящее время с развитием новых технологий, и связано с обеспечением экологической безопасности человечества. Этот документ содержит также причины деградации морской среды и способы ее недопущения и другое [3].

С появлением инноваций все большее значение играет нормативное регулирование проектов освоения шельфового пространства. Внедрение принципиально новых научно-технических разработок позволяет эксплуатировать как ресурсы континентального шельфа, так и глубоководные залежи минералов на морском дне.

Освоение шельфа особенно актуально для Арктики, где существует опасность антропогенного характера, связанная с захоронением радиоактивных отходов. В этом вопросе жизненно необходимым представляется выработка комплексной правовой программы освоения шельфа, что до сих пор отсутствует.

При помощи современных технологий в освоении Мирового океана все больше внедряют новые методы, ученые считают необходимым в нем создание управляемых природотехнических систем. И следует понять, что техногенный процесс не остановить, он будет развиваться, но, чтобы избежать губительного результата, должна быть создана правовая база, где на основе разработанных правовых категорий будут определены рамки вмешательства в природную среду.

Так, существуют разные точки зрения специалистов по возведению искусственных островов в Мировом океане, где выдвигаются различные аргументы как за их образование, так и против этого. Вместе с тем, до сих пор просто отсутствует в законодательстве РФ само понятие искусственный остров. Ст.3 ФЗ №246-ФЗ закрепляет понятие искусственного земельного участка, созданного на водном объекте, но в данной статье происходит смешение понятий гидротехнического сооружения как объекта капитального строительства и земельного участка как индивидуально определенного вещи. Вместе с тем, «искусственный остров» как правовая категория отсутствует.

Россия традиционно относится к числу ведущих морских держав, играющих активную роль в изучении, освоении и эксплуатации Мирового океана. В РФ разработана Концепция федеральной целевой программы «Мировой океан» на 2016-2031 годы. В соответствии с Федеральным законом «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» N 191-ФЗ от 17 декабря 1998 г. Россия осуществляет суверенные права в рамках установленных границ, по защите и сохранению морской среды от загрязнения из всех источников [4]. Кроме того, ФЗ «О

внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» от 31 июля 1998 г. также регулирует эти вопросы по отношению к внутренним водам [5].

Претворить в жизнь 17 Цель Устойчивого развития достаточно сложно в силу того, что на национальном уровне в разных странах соответствующие законодательные акты имеют существенное отличие. Это относится, например, к проблеме пластикового мусора. Некоторые европейские страны (а также Австралия) приняли решение сократить уровень пластмассового мусора для защиты экосистемы океана. Но не во всех странах существуют правовые нормы, запрещающие пластиковое загрязнение (такие нормы отсутствуют в законодательстве России на федеральном уровне). И если Евросоюз с 2021 года запрещает использование ватных палочек, ложек, вилок, стаканчиков, тарелок и трубочек из пластика, то Минприроды РФ только готовится отнести пластиковые отходы к категории «опасных».

Пример Китайской Народной Республики свидетельствует также, что не во всех странах существует четкий правовой механизм охраны природных ресурсов. В нормативных актах КНР не закреплено понятие «загрязнение окружающей среды», а в законе этой страны «Об охране окружающей среды» отсутствуют экологические нормативы, порядок их разработки и утверждения [6]. Специалисты – экологи считают, что: «Политика сохранения окружающей среды в Китае пока ориентирована лишь на решение отдельных задач» [7].

Мировой океан затрагивает жизнь населения всех стран, поэтому решать его проблемы можно только при объединении совместных усилий. Это исключительно принципиально в современных условиях пандемии, когда экономический кризис может заставить отказаться от прежних планов по сохранению окружающей среды, что уже стало наблюдаться в некоторых странах.

В такой ситуации актуально решать проблему чистой воды Мирового океана при условии формирования социальной ответственности бизнеса во всем мире. Поднимая эту проблему, Е.Д.Копытова пишет, что «...социальная ответственность способствует экономически, социально и экологически устойчивому развитию через увеличение положительного влияния хозяйствующего субъекта на гражданское общество и снижение негативного воздействия на окружающую среду» [8].

Следует заметить, что корпоративная философия социальной ответственности родилась на основе идей одного из специалистов концерна GRUNDFOS, где был создан уникальный проект Water2Life. Она означает, что сотрудники компании несут ответственность за происходящее в окружающем их мире и могут положительно влиять на него [9]. Эта идея содержится в новом манифесте для бизнеса, обновленном в 2020 году на Всемирном экономическом Форуме, где говорится, что результаты компании измеряются не только доходом акционеров, но и тем «как она достигает целей в области защиты окружающей среды, социальной ответственности и корпоративного управления» [10].

Мировой океан по праву можно назвать главным компонентом земной экосистемы, значение которого для всего живого, в том числе и для человека невозможно переоценить. Поэтому необходимо более четкое правовое регулирование деятельности в области его охраны и защиты, устранение существующих пробелов в законодательстве, осознание мировым сообществом необходимости совместных решений проблем в экологической сфере.

1. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения: 03.10.2020)
2. Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах: к заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды. Доклад Генерального секретаря. URL:

- https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27070/SGGaps_RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения 22.10.2020).
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 03.10.2020)
 4. Об исключительной экономической зоне Российской Федерации. Федеральный закон N 191-ФЗ от 17.12.1998 (последняя редакция) ст.1 / URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21357/ (дата обращения: 05.10.2020)
 5. О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации: Федеральный закон N 155-ФЗ от 31.07.1998 (последняя редакция), ст. 32.1/ URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19643/ (дата обращения: 03.10.2020)
 6. Закон КНР «Об охране окружающей среды». Дата принятия 26 декабря 1989 года. URL: <https://asia-business.ru/law/law2/resources/environment/#3> (дата обращения 22.10.2020).
 7. Аналитическая записка. «Эколого-экономическое регулирование в странах «Группы двадцати»: причины и подходы к его организации». 2018. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/06/main/2018_regulation.pdf (дата обращения 23.10.2020).
 8. Е.Д.Копытова К вопросу о социально-экологической ответственности бизнеса URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekologicheskoy-otvetstvennosti-biznesa> (дата обращения 22.10.2020).
 9. Программы корпоративной социальной ответственности. URL: <https://helion-ltd.ru/programmy-korporativnoy-socialnoy-otvetstvennosti/> (дата обращения 23.10.2020).
 10. Даосский форум опубликовал манифест для бизнеса URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/14/820569-davosskii-forum-manifest-biznesa> (дата обращения 24.10.2020).

Филиппева Е.В.

Компьютерная информация в уголовно праве

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, Абакан)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-245

idsp: ljjournal-11-2020-245

Аннотация

В статье рассматриваются понятия «информации» в науке и «компьютерной информации» с уголовно-правовой стороны. Проблема применения понятия «информации» в правовой действительности, а именно в уголовном праве.

Ключевые слова: информация, компьютерная информация, компьютерно-электронные средства, электронный документ

Abstract

The article deals with the concepts of "information" in science and "computer information" from the criminal-legal side. The problem of applying the concept of "information" in legal reality, namely in criminal law.

Keywords: information, computer information, computer-electronic means, electronic document

В связи со становлением информационного общества у многих ученых проявляется повышенный интерес к информационным отношениям. В результате чего, повышается роль и значение информации в праве.

В Большой Советской Энциклопедии под информацией (от лат. informatio - ознакомление, разъяснение) понимаются «сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи» [1]. В толковом словаре С.И. Ожегова термины «информация» и «сведения» аутентичны, и информация толкуется как «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством» [2].

В науке существуют две основные теории информации, созданные американскими учеными К. Шенноном и Н. Винером.

Предметом теории информации К. Шеннона являются сообщения, которые уменьшают неопределенность у получателя этого сообщения. По мнению К. Шеннона, неопределенность существует тогда, когда происходит выбор одной из нескольких возможностей [3].

Вторая теория информации разработана Н. Винером. Он под информацией понимает «обозначение содержания сообщения, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [4].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что вышеизложенные определения информации не могут быть применены к правовой действительности в силу их научной направленности и всеобщности. В связи с этим существует необходимость в формулировании понятия информация, которое может быть применено в уголовном праве. Л.А. Букалерева утверждает: «проблемой является тот факт, что на сегодняшний день нет легального определения термина “информация” для целей уголовного права, хотя уголовный закон им оперирует» [5].

С уголовно-правовой стороны информация выступает как признак составов преступлений и поэтому для целей уголовного права необходимо остановиться на понятии, роли и значении информации в системе признаков составов преступлений.

Федеральный закон от 07.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 2 определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [6]. Это понятие является общим и не может быть положено в основу уголовно-правового регулирования.

По нашему мнению, наиболее точным является определение, указанное в Модельном законе «Об информатизации, информации и защите информации», принятом на 26 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, где в ст.2 говорится, что информация – сведения или данные, порядок использования которых, независимо от способа их представления, хранения или организации, подлежит правовому регулированию в соответствии с настоящим Законом и иными национальными законами. Из чего следует, что информация – это не только сведения и сообщения, а еще и данные, оборот которых подлежит правовому регулированию. Для целей уголовного права основным признаком информации выступает ее правовое значение и нахождение в правовом поле.

Одним из наиболее востребованных на сегодняшний день видов информации является компьютерная информация. Понятие «компьютерной информации» в российском законодательстве появилось в середине 90-х годов XX века, но легальное толкование понятие долгое время отсутствовало. Только в 2011 году Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. №420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» к статье 272 УК РФ было дополнено примечание, в котором «под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения и данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Данная формулировка является неточной, так как посредством электрическим сигналов возможна передача не только компьютерной информации, но и, например радиосвязь. Так же компьютерная информация может представляться не только в форме электрических сигналов, а например, носители компьютерной информации могут быть и лазерные оптические диски.

Исходя из этого, многие ученые осознают неполноту легального определения компьютерной информации и предлагают свои толкования этого понятия. Но они все

равно не разграничивают компьютерную информацию от всех других форм представления.

Для того чтобы это сделать нужно обратиться к такому понятию как компьютер. В. А. Мещеряков и О. Я. Баев предлагают такое определение компьютера: «Под ЭВМ (компьютером) понимается комплекс технических средств, включающий: 1) процессор (или другое электронное устройство), выполняющий функции преобразования информации, представленной в машинном виде, и реализующий одно или несколько действий (программу) по обработке информации; 2) устройство хранения управляющих программ и (или) данных, необходимых для реализации процессоров его целевых функций; 3) оборудование (приспособление), позволяющее каким-либо образом изменять или перезаписывать управляющие программы и (или) данные, необходимые для реализации процессоров его целевых функций» [7].

Некоторые используют понятие «электронный документ как синоним к «компьютерной информации». В п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 07.07.2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указано, что «электронный документ - это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Рассмотрев это понятие, мы видим главный признак компьютерной информации – это представление информации в форме, пригодной для обработки с помощью электронных вычислительных машин.

Таким образом, под компьютерной информацией мы понимаем зафиксированные на материальном носителе сведения (сообщения, данные), представленные в форме, пригодной для обработки с помощью электронных вычислительных машин, и предназначенные для использования в ЭВМ.

1. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] // GUFO ME [Сайт]. (Дата добавления – 2019). – URL: <https://gufo.me/dict/bse>. (дата обращения: 29.09.2020).
2. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова [Сайт]. (Дата добавления – 2008-2017). – URL: <https://slovarozhegova.ru>. (дата обращения: 29.09.2020).
3. Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике. М, 1963. С. 470.
4. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 200.
5. Букалорова Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. М., 2006. С. 250.
6. Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 года № 149-ФЗ // Российская газета. № 165. 29.07.2006.
7. Баев О. Я. Проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Конфидент. 1998. № 7. С. 8-9.

**Цельникер Г.Ф., Фитюнина Н.А, Звягинцева С.А.
К вопросу о современной системе налогового права**

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-246

ids: lj-11-2020-246

Аннотация

В статье раскрываются особенности системы налогового права, рассматриваемого, с одной стороны, как автономная, обособленная отрасль права в системе отраслей права РФ, а с другой, как производная категория из норм, детерминирующих финансовое право и, тем самым, являющихся по своему функциональному назначению подотраслью. Выделены критерии, на основании

которых видится целесообразным выделение институтов в системе налогового права. Приведены характеристика Общей и Особенной частей налогового права через призму обуславливаемых их норм.

Ключевые слова: налоговое право, институты и нормы права, Общая и Особенная часть, Налоговый кодекс РФ, бюджетно-налоговые отношения, налоговые правоотношения

Abstract

The article reveals the features of the tax law system, which is considered, on the one hand, as an Autonomous, separate branch of law in the system of branches of law of the Russian Federation, and on the other, as a derived category from the norms that determine financial law and, thus, are a sub-branch by their functional purpose. The criteria on the basis of which it seems appropriate to allocate institutions in the tax law system are highlighted. The General and special parts of tax law are characterized through the prism of their Conditioned norms.

Keywords: tax law, institutions and norms of law, General and Special part, tax code of the Russian Federation, budget and tax relations, tax legal relations

В структуре налогового права прослеживается тенденция систематизации норм, регламентирующих налоговые правоотношения, которая выражается в том, что правовые положения, отражающие сущность налогообложения в целом, аккумулированы в Общей части Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), а положения, детерминирующие специфику уплаты конкретных видов налоговой и сборов, установленных законодательством РФ – в Особенной части НК РФ.

Безусловно, конъюнктура общественных отношений, происходящих в структуре современной жизнедеятельности, накладывает свой отпечаток на строение и особенности функционирования системы налогового права. В данном смысле можно отметить, что налоговое право обуславливается, с одной стороны, структурой российского законодательства, регламентирующего специфику реализации налоговых правоотношений, а с другой, запросами правоприменительной практики [6, с. 768]. Во всех случаях, рассматривая вопрос о месте налогового права в системе отраслей права РФ, стоит обратить внимание на дискуссии, существующие в отношении автономности налогового права и его взаимосвязи с иными отраслями права.

К примеру, ряд научных деятелей рассматривают налоговое право как институт финансового права в то время, как иные ученые полагают, что налоговое право стоит интерпретировать строго как подотрасль финансового права или как самостоятельную отрасль, имеющую свой предмет регламентируемых правоотношений [1, с. 169]. Встречаются мнения о том, что налоговое право выступает результатом симбиоза норм различных отраслей права, обуславливаемых в конечном итоге нормами финансового права или, с другой стороны, налоговое право есть подотрасль финансового права, обладающая отраслевыми признаками, что определяет интегральный характер ее построения [3, с. 13]. Во всем смысловом содержании отмеченных дискуссий стоит выделить точку зрения Химчевой Н.И., рассматривающей налоговое право в соотношении с финансовым правом и полагающей, что финансовое право стоит анализировать через призму подотраслей: бюджетной и налоговой, входящих в его структуру [5, с. 90].

Стоит согласиться с мнением о том, что не является целесообразным рассмотрение налогового права как самостоятельной отрасли, поскольку, с одной сторон, налоговые правоотношения детерминируются инструментами финансово-правового регулирования, а с другой, наличие автономного нормативно – правового акта в виде НК РФ имманентно не означает возможность формирования самостоятельной отрасли права. В данном случае можно привести точку зрения

Кучерявенко Н.П., который аргументирует, что разрастание массива законов и подзаконных актов не означает процесс развития и интеграции автономной отрасли налогового права в систему имеющихся отраслей права. Скорее, «количественное» расширение в симбиозе с качественной модификацией норм права может привести к формированию подотрасли налогового права, но не непосредственно отрасли [2, с. 103].

В целом трансформация налогового права из института финансового права в подотрасль связана с изменением самой роли налогов и сборов и их места в системе бюджетно-налоговых отношений, влияющих на особенности государственного регулирования экономики и объема поступающих в бюджет налоговых доходов.

Исследуя специфику системы налогового права, стоит вспомнить о закономерностях построения любой системы права в зависимости от специализации правовых норм, систематизируемых на институты, подотрасли и отрасли. В таком случае система налогового права представлена Общей и Особенной частями, содержащими соответствующие институты, разделенные по предметно-функциональному назначению.

Так, нормы, определяющие институты Общей части, распространяют свое действие на всю специфику реализуемых налоговых правоотношений. Правовые нормы Общей части отражают систему налоговых сборов в РФ, инструменты их регулирования, группы налогоплательщиков, в обязанность которых вменяется уплата законно установленных налогов и сборов, основные принципы налогообложения и т.д.

В свою очередь положения Общей части конкретизируются и уточняются в структуре институтов Особенной части, нормы которой предметно отражают специфику уплаты федеральных, региональных и местных налогов, предполагаемых содержанием налогового законодательства, а также существующие специальные налоговые режимы.

На данном этапе развития науки и практики существуют споры, ведущиеся в отношении критериев, на основании которых выделение конкретных налогово-правовых институтов будет разумным и целесообразным. К примеру, Винницкий Д.В. предлагает ряд нижеследующих критериев, на основании которых возможно выделение элементов системы налогового права:

1. методы и формы воздействия на регулируемые правоотношения;
2. функциональное содержание совокупности норм в разрезе рассматриваемой системы налогового права;
3. система принципов, категорий, функций, составляющих общность идейного содержания;
4. предметная специализация и субъектно-объектная сторона налоговых правоотношений;
5. особенности взаимодействия с другими элементами как системы налогового права, так и иных отраслей права [4, с. 182].

В целом сам Винницкий Д.В., говоря о месте налогового права в системе отраслей права РФ, полагает, что оно выступает нерасторжимым, юридически целостным образованием с высоким уровнем организации и системой детерминирующих его элементов, а именно институтов и их институциональных объединений [4, с. 183].

Таким образом, как можно отметить, не существует едино принятого критерия, на основании которого нормы права, определяющие отрасль налогового права, будут систематизированы в институты, детерминируя, тем самым, положения Общей и Особенной частей.

В итоге, подводя итогу вышесказанному, стоит отметить, что переход к конкурентной экономике и бурное развитие рыночных форм хозяйствования, установление на уровне законодательства РФ многообразия форм собственности и

необходимость сочетания частных и публичных интересов в вопросе легитимности установления и взимания налогов и сборов обусловили актуальность изучения места системы налогового права в структуре российской системы права. Среди представителей научной общественности существуют различные точки зрения на предмет автономности налогового права как отрасли или его прикладного характера к финансовому праву как подотрасли. Однако во всех случаях, вне зависимости от существующих позиций, стоит признать, что налоговое право, обуславливаемое предметом и инструментами регулируемых правоотношений, является важнейшей категорией законодательства РФ, влияющей на специфику реализуемых бюджетно-налоговых правоотношений и особенности государственного регулирования экономики через призму методов фискальной политики.

1. Алексеенко В.А. Место налогового права в системе российского права // Актуальные вопросы современных научных исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. под общей редакцией А.И. Вострецова. - 2019. - С. 168-171.
2. Ахметов А.В. Понятие "налоговая система" в российском праве // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. - 2020. - № 1 (41). - С. 102-105.
3. Бафанов С.С. Налоговое право в системе современного права России // взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 12-14.
4. Веденеев А. А. К вопросу о современной системе налогового права // Молодой ученый. - 2019. - № 24 (262). - С. 181-183.
5. Древаль Л.Н. К вопросу о самостоятельности налогового права // Вестник экономической безопасности. - 2019. - №2. – С. 86-91.
6. Коршунова А.Ю., Калашникова Ю.С. Система принципов в налоговом праве // Аллея науки. - 2019. - Т. 3. - № 5 (32). - С. 767-770.

Фролов А.А.

Право на жилище в практике решений конституционного суда РФ

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Юридический колледж

(Россия, Саратов)

doi: 10.18411/lj-11-2020-247

idsp: ljjournal-11-2020-247

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопроса о роли и месте решений Конституционного Суда Российской Федерации в области защиты права человека на жилище, акцентируется внимание на правовых позициях Конституционного Суда РФ по этому вопросу.

Анализируя судебные решения Конституционного Суда РФ, автор анализирует тем самым конституционное судопроизводство, касающееся защиты конституционного права человека на жилище.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, право на жилище, судебные решения, жилищная политика, судебная защита.

Abstract

The article is devoted to the study of the issue of the role and place of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of protection of the human right to housing, attention is focused on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue.

Analyzing the judicial decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author analyzes thereby the constitutional proceedings concerning the protection of the constitutional human right to housing.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the right to housing, court decisions, housing policy, judicial protection.

Конституция Российской Федерации, провозглашая Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и возлагая на нее обязанность гарантии социальной защиты, закрепляет право каждого на жилище и обязывает органы государственной власти создавать условия для осуществления данного права, одновременно указывая, что малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в настоящее время является одной из самых дискутируемых в специальной литературе теоретической проблемой, имеющей важнейшее практическое значение. В статье 73 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» указано: «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации можно рассматривать как содержащиеся в его актах определенные выводы по той или иной спорной правовой ситуации, разрешающие конкретную правовую спорную ситуацию и являющиеся обязательными как для самого Суда, так и для всех иных субъектов права».

Однако, нами не преследуется цель анализа юридической природы такого явления как правовые позиции единственного судебного органа конституционного контроля, а лишь делается попытка освещения такого немаловажного правового аспекта как влияние правовых позиций КС РФ на конституционное право на жилище.

Важнейшим элементом системы конституционно защищаемых прав и свобод человека и гражданина являются личные права и свободы. Отдельная группа решений, вынесенных Конституционным Судом, была посвящена обеспечению реализации конституционного права на жилище.

Конституция РФ закрепила конституционные основы права каждого иметь жилище, возможность быть обеспеченным жилищем, стабильно пользоваться уже имеющимся жилищем, не опасаться произвольного лишения жилища или что кто-то проникнет в жилище вопреки воле проживающих в нем лиц.

В своем Постановлении от 25 апреля 1995 г. N 3-П КС РФ подтвердил смысл статьи 40 Конституции РФ права на жилище каждого человека. КС РФ отметил, что «регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации права на жилище».

Также, Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности ч. 1 и п. 8 ч. 2 статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглобина, А.Н. Ващука" разъяснил: «Временное непроживание лица в жилом помещении, в том числе в связи с осуждением его к лишению свободы, само по себе не может свидетельствовать о ненадлежащем осуществлении нанимателем своих жилищных прав и обязанностей и служить самостоятельным основанием для лишения права пользования жилым помещением».

Одним из актуальных вопросов на сегодняшний день является вопрос о прекращении приватизации на жилые помещения. В своем Постановлении КС РФ посчитал неконституционным данное решение. Запрет на бесплатную приватизацию противоречит части 2 статьи 19 Конституции РФ.

Также нельзя не обратить внимания на резонансную тему, связанную с взносами на капитальный ремонт. И хотя данная проблема не связана напрямую с реализацией социальных прав граждан, может показаться, что установление такой обязанности для собственников жилья производит впечатление некоего «обременения» их права на жилище. На этот счет КС РФ, отвечая на запрос двух групп депутатов Государственной Думы, высказался однозначно: «Признать положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, закрепляющее общую обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в этих домах (за исключением установленных законом случаев), не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений в многоквартирных домах — независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности — в формировании фондов капитального ремонта общего имущества в таких домах...».

Конституционный Суд рассмотрел ряд дел касающихся предоставления жилища семьям, имеющим ребенка - инвалида. При рассмотрении данных дел Конституционный Суд РФ разъяснил право на получение жилого помещения семьям, имеющим ребенка-инвалида. В своем Постановлении № 4-П от 22 января 2018 г. «по делу о проверке конституционности положений Жилищного кодекса РФ», Конституционный Суд РФ отметил, что жилье предоставляется именно ребенку, но для проживания в нем с членом семьей.

Рассмотрев жалобу, Суд указал, что согласно п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ жилое помещение по договору социального найма предоставляется во внеочередном порядке именно гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, но не его семье. Однако это не может расцениваться как нарушающее конституционное право на жилище гражданина, получающего жилое помещение вне очереди, и членов его семьи, которые не лишаются возможности быть принятыми на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, на общих основаниях. Также он отметил, что подобные гарантии должны быть реальными, то есть выполнимыми с точки зрения достигнутого уровня социально-экономического развития общества.

В то же время Конституционный Суд пояснил, что предоставление жилого помещения в расчете лишь на самого несовершеннолетнего, страдающего тяжелой формой хронического заболевания из числа указанных в Перечне, фактически приводило бы либо к отказу от использования данной льготы, либо – при ее использовании – к существенным затруднениям в реализации родителями прав и обязанностей, возлагаемых на них Конституцией и законом, и тем самым поощряло бы нарушение прав как самих несовершеннолетних, так и их родителей. Следовательно, это лишало бы смысла закрепление в жилищном законодательстве права на получение вне очереди жилого помещения по договору социального найма применительно к несовершеннолетним, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний.

Это означает, по мнению Суда, что п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ не предполагает вынесения решения о предоставлении несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, жилого помещения без учета того, что

он не может быть лишен возможности получать должные уход и воспитание, то есть без учета необходимости постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, а следовательно, проживания в предоставляемом ему жилом помещении по крайней мере еще одного взрослого члена семьи.

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // СЗ РФ. 1995 N 18. Ст. 1708.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 и п. 8 ч. 2 статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглобина, А.Н. Ващука» // СЗ РФ. 1995. N 27. Ст. 262.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона» О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш.Орлова, Х.Ф.Орлова и З.Х.Орловой: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П // Российская газета. 2006. № 131.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2016 г. № 10-П город Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2016. № 6958 (90).
5. Несмеянова С.Э. Конституционный судебный процесс в России: учеб. пособие / С. Э. Несмеянова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. 203 с. http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/books/print_books/
6. Мазуров А.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / А. В. Мазуров – М.: Частное право, 2006. 390 с. http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/books/print_books/
7. Нарутто С. В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания/ С.В. Нарутто// Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11 // СПС «Консультант-Плюс». Доступ по ссылке: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=102630&dst=4294967295>

Цельникер Г.Ф., Ефимова Е.В., Жукова А.В.
К вопросу о презумпции добросовестности налогоплательщика

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-248

idsp: ljjournal-11-2020-248

Аннотация

В статье раскрыта сущность понятия «презумпция добросовестности налогоплательщика» и история появления данного термина в структуре законодательства РФ. Систематизированы нормативно – правовые акты, уточняющие природу содержания анализируемого института. Рассмотрена позиция судов и налоговых органов в части презумпции добросовестности налогоплательщика. Обоснована важность осмотрительности и осторожности действий налогоплательщика при выполнении им конституционной обязанности по своевременной уплате законно установленных налогов и сборов.

Ключевые слова: конституционная обязанность, налогоплательщик, налоги и сборы, налоговый инспектор, рассмотрение дела в суде, презумпция добросовестности

Abstract

The article reveals the essence of the concept of "presumption of good faith of the taxpayer" and the history of the appearance of this term in the structure of the legislation of

the Russian Federation. The normative legal acts specifying the nature of the content of the analyzed Institute are systematized. The article considers the position of courts and tax authorities regarding the presumption of good faith of the taxpayer. The importance of prudence and caution in the taxpayer's actions when fulfilling the constitutional obligation to pay legally established taxes and fees on time is justified.

Keywords: constitutional duty, taxpayer, taxes and fees, tax inspector, judicial review, presumption of good faith

Возникновение доктрины презумпции добросовестности налогоплательщика связывают с позицией Конституционного Суда РФ в отношении п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ, прозвучавшей в Определении от 25 июля 2001 года № 138-О. По ходатайству Министерства РФ по налогам и сборам Конституционный Суд РФ был уполномочен дать разъяснения в части дефиниции «уплата налога» и времени, с которого налог считается уплаченным. В итоге в мотивировочной части судебного решения было упомянуто, что повторное внимание с добросовестного налогоплательщика законно установленных налогов и сборов считается нарушением его конституционных прав и свобод с точки зрения гарантии частной собственности [6]. Обязанность по уплате налогов считается выполненной в том случае, если изъятие части имущества добросовестного налогоплательщика произошло своевременно.

В настоящее время презумпция добросовестности налогоплательщика как одного из методов регулирования налоговых правоотношений между частными и публичными субъектами права приобретает особое значение в связи с распространением норм права данной отрасли, обуславливающей специфику реализации конституционной обязанности по уплате налогов и сборов, установленной в ст. 57 Конституции РФ [3]. Вместе с тем в законодательстве РФ не предусмотрено единого и всеми признанного термина «презумпция добросовестности налогоплательщика» [8, с. 95]. В общем смысле интерпретация указанного понятия следует из п. 7 ст. 3 НК РФ, декларирующей, что все неустранимые сомнения в разрезе налогового законодательства толкуются в пользу налогоплательщика, и п. 6 ст. 108 НК РФ, устанавливающей, что неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к юридической ответственности за нарушение норм налогового права, толкуются в пользу этого лица [4].

В итоге презумпция добросовестности налогоплательщика является составной частью более общего института презумпции добропорядочности и означает подразумеваемый факт соблюдения налогоплательщиком законодательства РФ в части уплаты налогов и сборов. Объективный характер презумпция добросовестности приобретает в процессе конкретного рассмотрения налогового правонарушения, в частности, от предмета разрешаемого спора [1, с. 10].

Вместе с тем в правоприменительной практике нередко возникают случаи, когда действия сотрудников налоговых инспекций противоречат природе презумпции добросовестности налогоплательщика. Это связано с тем, что имманентно подразумевается факт сбора обвинительных доказательств в преднамеренном совершении налогового правонарушения при проведении налоговых проверок сотрудниками ФНС. Невозможно одновременно выступать и защитником, и обвинителем в разрезе выявления и предупреждения правонарушений в части налогового законодательства, в связи с чем взаимоотношения инспекторов ФНС и налогоплательщиков строятся вразрез смыслу анализируемого принципа добросовестности.

Анализ дел, рассматриваемых в ходе судопроизводств, свидетельствует, что на 70% практика по недобросовестности складывается из разрешения споров по НДС и

налогу на прибыль [7, с. 81]. Так, к примеру, у представителей научной общественности нередко возникает вопрос в части понятий «уплаты налога» и «зачисление налога», поскольку статьей 57 Конституции РФ устанавливается публично-правовая обязанность налогоплательщика, в частности, юридического лица по отчислению налога, в связи с чем кредитная организация обязана своевременно обеспечить перечисление соответствующих платежей в конкретный бюджет бюджетной системы РФ. В таком случае возникает вопрос, несет ли налогоплательщик ответственность за действия кредитной организации, которая в силу различных субъективных и объективных факторов может перечислить налог в бюджет с определенным временным лагом [2, с. 53].

В таком случае, отвечая на этот вопрос, суды нередко ссылаются на позицию Конституционного Суда РФ в Определении от 16 октября 2003 г. № 329-О, которая сводится к тому, что налогоплательщик не несет юридической ответственности за действия организаций, задействованных в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджеты бюджетной системы РФ [5]. Таким образом, нормы налогового законодательства считаются исполненными тогда, когда юридическое лицо предъявило в банк платежное поручение о необходимости списания денежных средств с расчетного счета в качестве уплаты налога.

Вышесказанное означает, что категория добросовестности налогоплательщика должна подразумевать отсутствие вины в совершении налогового правонарушения и в этом смысле должна идентифицироваться в качестве дополнительной, незыблемой гарантии прав налогоплательщика.

К примеру, если налогоплательщик доказывает реальность осуществленным им хозяйственных операций, то налоговые органы при расчете налога на прибыль не вправе полностью исключать понесенные им расходы в процессе производственной деятельности даже в том случае, если при выборе контрагентов налогоплательщик проявил неосторожность. К слову, вопрос о корреляции осмотрительности налогоплательщика при выборе, к примеру, банка и его добросовестности встает при рассмотрении правовых ситуаций, при которых налогоплательщик, обладая знаниями на предмет ненадежности банка, через который происходит перечисление средств в счет уплаты налогов, тем не менее, производит расчет через указанную кредитную организацию. Такое действие может быть квалифицировано как недобросовестность налогоплательщика, в связи с чем в целях предупреждения спора с ФНС имеет смысл принятие мер со стороны налогоплательщика по надлежащему исполнению конституционной обязанности по уплате налогов и сборов.

Наконец, стоит также отметить дискуссионный вопрос в отношении субъекта, в компетенцию которого входит право опровержения презумпции добросовестности. Так, ряд ученых полагают, что презумпция добросовестности может быть опровергнута только судом в то время, как другие авторы полагают, что таким правом также располагают налоговые органы.

Вместе с тем, несмотря на различного рода споры, возникающие в рамках обсуждения вопроса о содержании и особенностях реализации института презумпции добросовестности налогоплательщика, однозначным является то, что суд, рассматривая дело, должен исходить из принципа добросовестности налогоплательщика, подразумевающего оправданность действий налогоплательщика по получению налоговой выгоды. Является важным уточнение и закрепление в налоговом законодательстве понятия «добросовестность налогоплательщика» и тех критериев, на основании которых она будет идентифицироваться с тем, чтобы вопрос о презумпции

добросовестности налогоплательщика приобрел более конкретный и легитимный смысл в судебной практике РФ.

1. Александрова Д.М., Елизова В.Д. Презумпция добросовестности налогоплательщика // Государство и право. Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции. - Новосибирск, 2020. - С. 9-10.
2. Гюльбасаров Э.А. Практические аспекты применения презумпции добросовестности налогоплательщика // Публичное право в международном и национальном пространстве. Материалы I Всероссийской конференции магистрантов. - 2018. - С. 52-56.
3. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 22.10.2020)
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 20.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 22.10.2020)
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Экспорт-Сервис" на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 N 329-О // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45176/ (дата обращения 22.10.2020)
6. По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 N 138-О // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32675/ (дата обращения 22.10.2020)
7. Попов Д.В., Орлов А.А. Проблемы презумпции добросовестности налогоплательщика // Законность и правопорядок в современном обществе. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 80-84.

Чимаров С.Ю., Бялт В.С.

Порядок применения мер поощрения, наложения дисциплинарных взысканий и их учета в органах внутренних дел Российской Федерации

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-249

idsp: ljjournal-11-2020-249

Аннотация

В статье представлен алгоритм правового воздействия на личность сотрудника органов внутренних дел посредством применения к нему стимулирующих способов за добросовестное исполнение долга службы и необходимых мер дисциплинарного взыскания за упущения по службе. Акцентируя внимания на важности соблюдения гармонии и обоснованности принятия мер дисциплинарного влияния в отношении поведения сотрудников, авторы акцентируют внимание на необходимости строго учета динамичных показателей существующей дисциплинарной практики.

Ключевые слова: полиция, служебная дисциплина, дисциплинарная практика, меры поощрения, дисциплинарные взыскания.

Abstract

The article presents an algorithm of legal influence on the personality of an employee of the internal Affairs bodies by applying incentive methods to him for conscientious performance of duty and necessary disciplinary measures for omissions in the service.

Focusing on the importance of maintaining harmony and the validity of taking measures of disciplinary influence on the behavior of employees, the authors emphasize the need to strictly take into account the dynamic indicators of existing disciplinary practice.

Keywords: police, service discipline, disciplinary practices, incentives, disciplinary penalties.

Проблема применения мер поощрения, наложения дисциплинарных взысканий и их учета в соответствующих институтах системы МВД России, несмотря на свою очевидность, характеризуется недостаточным ее освещением в специальной научной литературе и, в силу означенного, требует своего наиболее обстоятельного рассмотрения. Более того, разработанные ранее различного рода методические рекомендации по вопросам ведения дисциплинарной практики, сохранив свое теоретическое значение, именно с практической точки зрения утратили свое прикладное значение [2]. Данные обстоятельства предопределяют актуальность апеллирования к теме настоящей работы. Востребованность научного осмысления парадигмы гармоничного задействия таких компонентов дисциплинарной практики как поощрение и взыскание подтверждается некоторыми выводами социологических исследований. К примеру, по данным М.В. Ратникова, дисциплинарный аспект воспитания сотрудников органов внутренних дел имеет очевидный перекося в сторону увлеченности ряда руководителей применением мер наказания. Вместе с тем, поощрительные меры порой выполняют скромную роль факультативного воздействия на поведение личного состава. Так, по оценке указанного автора, более 80% респондентов из числа действующих сотрудников отметили увлеченность начальствующих лиц в применении карательного воздействия. При этом менее 7% опрошенных признали факт первенствующей роли в дисциплинарной практике именно мер поощрения, а 11,4% – согласились с равномерностью сочетания на практике мер поощрения и наказания [6, с. 362]. В сводке современных исследований на заявленную нами тему несомненного внимания заслуживает работа Л.Х. Давлетшиной, в которой представлен обстоятельный анализ целесообразности примата заслуженных мер поощрения над обоснованным задействованием мер принуждения суть дисциплинарного взыскания [3].

Общий порядок применения мер поощрения, наложения дисциплинарных взысканий и их учета в органах внутренних дел закреплен в ст. 51, 51.1 и 51.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [1], главах 5-7 «Дисциплинарного устава в органах внутренних дел Российской Федерации» от 14 октября 2012 г. и разделе XI «Применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий» «Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации», утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 [5].

Применяемые к сотруднику меры поощрения объявляются приказами руководителей (начальников) в соответствии с полномочиями, указанными в «Перечне руководителей (начальников) системы МВД России и соответствующих им прав по применению мер поощрения и наложению дисциплинарных взысканий в отношении подчиненных сотрудников». Указанный перечень закреплен в приложении № 43 к «Порядку организации прохождения службы» [5].

Меры поощрения доводятся до сотрудников лично, перед строем или на совещании (собрании). В случае объявления сотруднику меры поощрения лично содержание соответствующего приказа доводится до всего личного состава.

В случаях, когда, по мнению руководителя (начальника), на сотрудника необходимо применить меры поощрения или наложить дисциплинарное взыскание, применение которых выходит за пределы его дисциплинарных прав, он ходатайствует об этом перед вышестоящим руководителем (начальником).

К сотруднику, имеющему дисциплинарное взыскание, наложенное на него в письменной форме приказом Министра МВД России или соответствующего руководителя (начальника), может быть применена мера поощрения только в виде досрочного снятия ранее наложенного в письменной форме дисциплинарного взыскания.

Досрочное снятие ранее наложенного на сотрудника дисциплинарного взыскания производится руководителем (начальником), которым дисциплинарное взыскание было наложено, либо вышестоящим руководителем (начальником).

При переводе сотрудника на иную должность дисциплинарное взыскание (за исключением наложенного Министром МВД России или его заместителем) может быть снято руководителем (начальником), имеющим право назначения сотрудника на должность, либо вышестоящим руководителем (начальником). Меры поощрения и дисциплинарные взыскания, за исключением объявленных устно, подлежат учету, сведения о них заносятся в материалы личного дела сотрудника. Наградные листы с отметками о вручении сотруднику государственных или ведомственных наград приобщаются к материалам его личного дела.

В соответствии с ч. 7 ст. 39 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ Приказом МВД России от 28 апреля 2014 № 381 утверждено «Положение о централизованном учете персональных данных сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации и ведении его личного дела» [4].

Согласно данному положению, централизованный учет персональных данных сотрудников органов внутренних дел осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, законодательными и иными нормативно - правовыми актами Российской Федерации и МВД России. Ведение указанного учета возложено на кадровые подразделения органов внутренних дел, а его порядок в части применения дисциплинарной практики изложен в приложениях к отмеченному «Положению о централизованном учете». При этом, к документам учета дисциплинарной практики относятся:

а) «Служебная карточка» (разделы «Государственные и ведомственные награды» и «Взыскания») - приложение № 2;

б) «Штатно - должностная книга органа внутренних дел» (колонка 11 «Меры поощрения» и колонка 12 «Неснятые дисциплинарные взыскания (дата и номер приказа)» - приложение № 3);

в) «Карточка сотрудника, награжденного государственными наградами Российской Федерации» - приложение № 6;

г) «Послужной список» - приложение № 10, в который производится запись о наградах и иных поощрениях, а также о дисциплинарных взысканиях. Согласно п. 14 «Награды и иные поощрения» (с указанием сведений о государственных и ведомственных наградах, в том числе о присвоении почетных званий, иных поощрений) «Послужного списка», в его соответствующей строке № 14 производится запись «чем награжден (поощрен) и за что» и основание для данной записи (наименование документа, кем издан, дата и номер).

Согласно п. 15 «Дисциплинарные взыскания» «Послужного списка», в его соответствующей строке № 15 производится запись: «какое наложено взыскание и за что», основание для данной записи (наименование документа, кем издан, дата и номер) и запись «Взыскание снято» (наименование документа, кем издан, дата и номер);

д) «Справка - объективка» - приложение 11, в разделе 14 которой производится запись о государственных и ведомственных наградах сотрудника и в разделе 15 - о наличии дисциплинарных взысканий.

Резюмируя изложенное, следует заметить, что постоянное ведение централизованного учета персональных данных по каждому сотруднику, в том числе

по вопросу применения к нему дисциплинарной практики, позволяет: во - первых, проводить подробный анализ качественных показателей в отношении личного состава, проходящего службу в органах внутренних дел Российской Федерации; во - вторых, более эффективно планировать содержание воспитательной работы с личным составом; в-третьих, грамотный учет обоснованно применяемых в отношении каждого сотрудника мер дисциплинарного воздействия в виде мер поощрения и дисциплинарного взыскания способствует более эффективной организации подведения итогов служебной дисциплины и, как следствие, сплочению служебных коллективов, объединенных не только фактом принадлежности личного состава к системе МВД России, но осознанием коллективной ответственности каждого за достижение общего успеха на ниве решения правоохранительных задач.

1. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» // РГ. – № 275. – 7 декабря 2011 г.
2. Ванюшин Я.Л., Пронина М.М. Дисциплинарная ответственность в органах внутренних дел: некоторые вопросы теории и практики: методические рекомендации. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России. – 2010. – 125 с.
3. Давлетшина Л.Х. Поощрение в системе правового регулирования службы в органах внутренних дел в России // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2019. – № 5. – С. 21-26. DOI: 10.7256/2306-9945.2019.5.30828
4. Приказ МВД России от 28 апреля 2014 № 381 «О некоторых вопросах централизованного учета персональных данных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» // РГ. – № 175. – 6 августа 2014.
5. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // РГ. – 2018. – № 63. – 27 марта 2018.
6. Ратников М.В. Стимулирование сотрудников органов внутренних дел и его влияние на имидж полиции // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 2. – С. 361-365.

РАЗДЕЛ XXXI. СОЦИОЛОГИЯ

Ахмерова Л.В.

Идеология и ее роль в стратегии современного гуманитарного образования

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
(Россия, Санкт-Петербург)

doi: 10.18411/lj-11-2020-250

idsp: ljjournal-11-2020-250

Аннотация

В данной статье автором делается попытка рассмотреть роль идеологии как основного ориентира совершенствования качества высшего образования. По мнению автора, идеология представляет собой единство двух способов видения мира: абстрактно-логический и ценностно-нормативный. В первом случае акцент делается на объективную субстанциональную основу мира; во втором - на субъективное отношение к нему с позиции тех или иных смыслов, ценностей, культуры. Ни один социальный институт, особенно, институт образования, не обходится без идеализаций и идей. Примером тому может быть национальная идея, как выражение самой специфики культуры. Она опирается на смыслы, определяемые традициями, обычаями, ценностями и нормами и выступает основой конструирования социального бытия. В этом автором статьи усматривается основное назначение идеологии как социокультурной основы стратегии развития российского образования.

Ключевые слова: идеология, высшее образование, ценности, ценностно-нормативное взаимодействие, символический интеракционизм, теория обмена, этнометодология.

Abstract

In this article, the author attempts to consider the role of ideology as the main guide to improving the quality of higher education. According to the author, ideology represents the unity of two ways of seeing the world: abstract-logical and value-regulatory. In the first case, the emphasis is on the objective substance of the world; secondly, on the subjective attitude to it from the point of view of certain meanings, values, culture. No social institution, especially the Institute of Education, is complete without idealizations and ideas. An example of this is the national idea, as an expression of the very specifics of culture. It is based on meanings defined by traditions, customs, values and norms and is the basis for the construction of social existence. This article sees the main purpose of ideology as a sociocultural basis for the strategy of russian education development.

Keywords: ideology, higher education, values, value-and-normative interaction, symbolic interactionism, theory of exchange, ethnomethodology.

Качество образования является, прежде всего, ценностно-нормативной его характеристикой. Основным критерием его определения всегда выступала и выступает та или иная государственная идеология образования. Пока данная идеология не определена всякие споры на эту тему носят, в известной мере, схоластический характер. Особенно актуальна государственная идеология для разработки стратегии современного российского образования.

Какие бы ценности не выражала идеология образования, она не является самоцелью. Основное ее назначение обеспечить образцы такого общения, которые называют интеракцией или ценностно-нормативным взаимодействием. В каждой

стране, в которой существует самобытная культура, неизбежно существует своя особая форма социокультурного взаимодействия. В этом плане жизнедеятельность в США существенно отличается от жизнедеятельности в Великобритании или Франции. И образцы этой жизнедеятельности невозможно просто позаимствовать. Не получится, ибо внедрять их мы будем с позиции совершенно иной идеологии, определяющей и совершенно иную форму ценностно-нормативного взаимодействия. Специфика этого взаимодействия будет проявляться как на микроуровне или на уровне межличностного взаимодействия, так и на макроуровне или на уровне крупных общественных систем. Люди чувствуют себя свободно и понимают друг друга лишь в рамках определенной культуры. При взаимодействии с представителями других культур уже приходится прилагать усилия, чтобы создать хотя бы какую-то его устойчивость.

Этот феномен вполне доступен теоретическому осмыслению. На сегодняшний день в качестве основных теорий межличностного взаимодействия выделяются: теория обмена Джорджа Хоманса; символический интеракционизм Джорджа Герберта Мида и Герберта Блумера; этнометодология Гарольда Гарфинкеля, управление впечатлениями Эрвина Гофмана, психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда и другие теории.

Основная идея *теории обмена* сводится к тому, что люди взаимодействуют друг с другом на основе своего опыта, взвешивая возможные вознаграждения и затраты. Теория обмена проливает некоторый свет на то, почему люди ведут себя с другими, так или иначе. В свете данной теории основная проблема качества образования сводится к простому информационному обмену между преподавателем и студентом. Основным же условием обеспечения качества образования выступает здесь совершенствование системы стимулирования результативности учебно-воспитательного процесса.

Согласно *теории символического интеракционализма*, поведение людей по отношению друг к другу и предметам окружающего мира определяется тем значением, которое они им придают. Представители каждой культуры всегда используют ту или иную систему значимых жестов. В этом случае люди не реагируют автоматически на воздействие извне. Они разгадывают значение поступка, прежде, чем ответить на него. И поскольку одно и то же действие или жест может иметь различное значение, понять представителя иной культуры не так-то и просто. И, наоборот, наше сходное понимание символов облегчает общение, обычно мы понимаем значение чужих поступков, определяем, что подразумевает другой человек. Активность других оказывает позитивное воздействие на наше собственное поведение. Сторонники символического интеракционизма считают, что наше осознание себя как личности формируется на основе социального взаимодействия. Предметы становятся значимыми для нас только тогда, когда мы придаем им значение. Это значение не является сугубо личным. Оно выражает идеологию той или иной культуры. Поэтому, чтобы достичь повышение качества современного высшего образования, с данной точки зрения, необходимо ориентироваться прежде всего на смысловую составляющую учебно-воспитательного процесса, наполнение его различными символическими формами и личностно-ориентированные педагогические технологии.

К символическому интеракционализму примыкает *этнометодология* - образ мышления, основоположником которого стал Герольд Гарфинкель. Предметом изучения в этнометодологии является принятие на веру правила, регулирующего взаимодействие между людьми. Эти правила определяют, когда уместно что-то сказать или промолчать, прошутить или уклониться от насмешки, деликатно прекратить разговор и т.д. Идеология этнокультуры превращается здесь в определенную систему социокультурного ценностно-нормативного взаимодействия. Но если эту идеологию человек чаще всего проявляет неосознанно как своеобразный архетип коллективного бессознательного, то в большинстве других случаев человек вполне осознанно руководствуется определенными идеологическими установками, дабы создать впечатление борца за идею или своеобразного "страдальца" от действующего

политического режима. Это особенно характерно для идеологии оппозиционных партий и их лидеров. Раскрытие идеологических позиций различных национальных государств, этносов, народов, политических партий в цикле гуманитарного образования является, на наш взгляд, важнейшим условием повышения качества современного высшего образования.

Совершая то или иное действие, мы чаще всего неосознанно создаем определенное впечатление о себе у других людей. Эрвин Гофман отводит важную роль такому виду *управления впечатлениями* в социальном взаимодействии. Он считает, что люди сами создают ситуации, чтобы выразить символические значения, с помощью которых они производят хорошее впечатление на других. Люди, по его мнению, действуют подобно актерам на сцене, используя "декорации" и "окружающую" обстановку для создания определенных впечатлений. Например, важные персоны, опаздывают на общественные мероприятия оттого, что помимо всего прочего, стремятся создать впечатление своей значимости, внушить всем, что без них никакое мероприятие не состоится. Устраивая своеобразные спектакли и манифестации, оппозиция стремится произвести у мирового сообщества впечатление выразителя национальных интересов и основной силы справедливого переустройства общества. Актерское и ораторское мастерство педагога, его умение управлять настроением аудитории и заинтересовать ее на усвоение того или иного учебного материала и овладение им – это далеко не последний фактор в повышении качества современного высшего образования.

Теория межличностного общения Зигмунда Фрейда основана на убеждении, что в процессе взаимодействия людей воспроизводится их детский опыт. Согласно Фрейду, в различных жизненных ситуациях мы применяем понятия, усвоенные в раннем детстве. Мы склонны с уважением относиться к человеку, облеченному властью, например, начальнику - нам он напоминает кого-то из родителей. Фрейд считал, что люди образуют социальные группы и остаются в них отчасти потому, что испытывают чувство преданности и покорности лидерам групп. По мнению Фрейда, это объясняется не каким-то особым качеством лидеров, а скорее тем, что мы отождествляем их с могущественными, богоподобными личностями, которых в детстве олицетворяли наши отцы. Идеология государства в программных речах его лидера нередко воспринимается как что-то ниспосланное нам свыше, как абсолютная истина. Достаточно высока эффективность идеологического воздействия на молодежную аудиторию и преподавателя вуза, его собственная идейная убежденность.

Однако для того, чтобы идеология образования приобрела форму ценностно-нормативного взаимодействия в учебно-воспитательном процессе необходимо, чтобы она так или иначе соотносилась с той национальной культурой и различными ее субкультурными проявлениями, в которые включен индивид. Иными словами, эффективность идеологии в учебно-воспитательном процессе и повышении качества современного высшего образования тем выше, чем в большей мере она обретает качество культурного феномена. Культурный же феномен всегда проявляется в ценностно-нормативных компонентах. По существу, культурная норма является сущностной характеристикой любого образования и большинство проблем качества современного высшего образования как раз и возникает в связи с тем, что личность студента рассматривается как отдельным педагогом, так и учебным заведением в целом лишь как простой объект целенаправленного воздействия на него извне, особо не претендуя на духовные преобразования изнутри. Изменить же существующее положение дел возможно лишь обратившись к идеологии образования как важнейшему условия повышения его качества.

1. Ахмерова Л.В. Социология духовной жизни. Учебное пособие. СПб:СПбГИЭУ, 2012. -112 с
2. Левко А.И., Ахмерова Л.В. Проблема ценности в системе образования. Мн.: НИО, 2000. – 311с.
3. Франкл С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. – 510с.

Бояринова И.В.**Эйджистские стереотипы и их влияние на самоограничительные установки и практики граждан старшего поколения***Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)**doi: 10.18411/lj-11-2020-251**idsp: ljjournal-11-2020-251***Аннотация**

В статье поднимается проблема негативного влияния эйджистских стереотипов на установки и практики граждан старшего поколения относительно образа жизни. В основе анализа лежат результаты социологического исследования, проведенного в Белгородской и Воронежской области. Исследование показало, что подавляющее большинство лиц старшего поколения ведет образ жизни, субъективно соответствующий некой "возрастной" норме.

Ключевые слова: эйджизм, стереотипы, граждане старшего поколения, самоограничительные установки, практики

Abstract

The article raises the problem of the negative impact of ageist stereotypes on the attitudes and practices of older citizens regarding their lifestyle. The analysis is based on the results of a sociological study conducted in the Belgorod and Voronezh regions. The study showed that the vast majority of older people lead a lifestyle that subjectively corresponds to a certain "age" norm.

Keywords: ageism, stereotypes, older citizens, self-limiting attitudes, practices

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00661 «Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных установок и практик граждан старшего поколения».

В последнее время проблемы геронтологического эйджизма все чаще находят свое отражение в научном дискурсе отечественных и зарубежных исследованиях социологов. Эксперты отмечают, что в последнее время растет негативное отношение к пожилым людям. Это является широко распространённым явлением как в России, так и в зарубежных странах. В России пожилой возраст рассматривается чаще всего как «возраст дожития», а пожилые люди – как финансовая обуза[1]. Американский социолог, директор национального института старения США Р.Н. Батлер в 1969 году ввел в научный обиход понятие «эйджизм», что, по его мнению, обозначало возрастную дискриминацию человека на основании его возраста[2].

Обобщая различные подходы к трактовке данного понятия, эйджизм мы рассматриваем как комплекс дискриминационных практик и установок в отношении граждан старших возрастов, связанных со стереотипизированными представлениями о дисфункциональной роли старости. Это обуславливает как барьерный характер для лиц старшего поколения, так и самоограничительные установки и практики самих представителей этих возрастов [3].

Стереотипы относительно старости и пожилых людей имеют как положительный, так и отрицательный характер, однако, именно последние и преобладают в общественном сознании. Влияние негативных геронтостереотипов, существующих в массовом сознании, на самоограничительные установки и практики граждан старшего поколения происходит посредством интериоризации[4].

Целью данной статьи является анализ влияния эйджистских стереотипов на ограничительные установки и практики граждан старшего поколения посредством механизма интериоризации. Эмпирической базой данного исследования послужили результаты массового анкетного опроса граждан старше 60 лет Белгородской и

Воронежской областей на основе квотной выборке, репрезентативной по полу, возрасту и месту жительства.

Наше исследование показало, что подавляющее большинство (80,8%) лиц старшего поколения ведет образ жизни, субъективно соответствующий некой "возрастной" норме. Но пятая часть (19,3%) респондентов подчеркнуло наличие у них занятий, не принятых среди большинства лиц их возраста (таблица 1).

Таблица № 1.

По вашему мнению, Ваш образ жизни соответствует образу жизни большинства людей вашей возрастной группы?

Валидные	Значения	Частота	%от ответивших
1	Такой же, как и у большинства людей этого возраста	646	80,8
2	У меня есть занятия, которые среди большинства людей моего возраста не приняты	154	19,3
	Итого ответивших:	800	100,0

Значительно большая доля лиц старшего поколения (74,3%) хотя бы эпизодически совершает действия, выходящие за пределы "возрастной" нормы. Доля последовательных "нонконформистов" невелика - всего 5,3% опрошенных постоянно нарушают сложившиеся в обществе стереотипы в отношении пожилых людей. Но еще 34,6% приходится действовать вопреки социальным стереотипам периодически, и 34,5% - редко (таблица 2).

Таблица № 2.

Случалось ли Вам действовать вопреки мнению окружающих о том, что в Вашем возрасте это делать не следует?

Валидные	Значения	Частота	%от ответивших
1	Да, постоянно	42	5,3
2	Периодически	277	34,6
3	Редко	276	34,5
4	Никогда не случалось	127	15,9
5	Затрудняюсь ответить	78	9,8
	Итого ответивших:	800	100,0

В наибольшей мере давление интериоризированных стереотипов в отношении своего возраста, как показали результаты опроса, проявляется в гедонистической и потребительской сферах. Так, 51,4% опрошенных сказали, что им приходилось отказываться от каких-то удовольствий, радостей, желаемых вещей в пользу более молодых людей, потому что подумали: «Я свое уже пожил, получил». Не приходилось это делать 36,5% опрошенных (таблица 3).

Таблица № 3

Случалось ли Вам отказываться от каких-то удовольствий, радостей, желаемых вещей в пользу более молодых людей, потому что подумали: «Я свое уже пожил, получил» или считали, что Вы их не заслуживаете?

Валидные	Значения	Частота	%от ответивших
1	Да	411	51,4
2	Нет	292	36,5
3	Затрудняюсь ответить	97	12,1
	Итого ответивших:	800	100,0

На вопрос «Случалось ли Вам отказываться от какой-либо одежды, обуви, прически, каких-то предметов внешнего вида (очки, украшения, сумка) из-за того, что

они Вам уже не по возрасту, в Вашем возрасте такое уже не носят?» 42,4% опрошенных случалось отказываться от покупки модной одежды или аксессуаров, от модной прически и пр. из-за субъективного представления об их ненормативности применительно к возрасту. Не приходилось этого делать 46,6% опрошенных. Однако не следует интерпретировать это так, что эти люди позволяли себе вышеозначенные покупки или услуги. Скорее всего, у большей части из них не возникало даже подобного желания из-за укорененности соответствующих стереотипов.

При ответе на вопрос «Случалось ли Вам отказываться от своей мечты (путешествия, приобретение каких-то новых знаний, умений, знакомства, совершение каких-то нестандартных поступков), желаемого образа жизни, потому что подумали, что Вы уже не в том возрасте, чтобы это оказалось возможным?» 39,0% участников опроса приходилось отказываться от своей мечты (путешествия, приобретение каких-то новых знаний, умений, знакомства, совершение каких-то нестандартных поступков), желаемого образа жизни, потому что они думали, что уже не в том возрасте, чтобы это оказалось возможным. Не приходилось отказываться от этого 43,9% опрошенных. Но и в данном случае нужно признать, что из этой доли респондентов, скорее всего, большая часть и не позволяла себе такой мечты.

Далее, нашим респондентам был предложен вопрос «Приходилось Вам отказываться от участия в каких-то мероприятиях, конкурсах, соревнованиях, образовательных и др. программах, в работе секций, клубов по интересам, объединений, потому что стеснялись своего возраста и ограничений (особенностей), которые есть у людей этого возраста?». Выяснилось, что 38,3% респондентов в силу возрастных самоограничений приходилось отказываться от участия в каких-то мероприятиях, конкурсах, соревнованиях, образовательных и др. программах, в работе секций, клубов по интересам, объединений, и 46,0% - не приходилось. И здесь также нужно иметь в виду, что реальная доля отказов или, точнее, изначального неприятия участия в подобных практиках - намного выше.

27,3% опрошенных удерживали себя от высказывания своего мнения, отстаивания своей позиции, решения, потому что думали, что к словам и решениям пожилых людей окружающие относятся скептически, не принимают в расчет или что в их возрасте уже нельзя быть уверенным в правильности своих решений. Не приходилось этого делать 61,4% респондентов (таблица 4).

Таблица № 4

Случалось ли так, что Вы стеснялись высказывать свое мнение, отстаивать позицию, свое решение, потому что подумали, что к словам и решениям пожилых людей окружающие относятся скептически, не принимают в расчет или что в Вашем возрасте уже нельзя быть уверенным в правильности своих решений?

Валидные	Значения	Частота	%от ответивших
1	Да	218	27,3
2	Нет	491	61,4
3	Затрудняюсь ответить	91	11,4
	Итого ответивших:	800	100,0

Наше исследование показало, что утрату субъектности остро ощущают 16,4% опрошенных. Из них 3,3% признались в том, что за них постоянно принимает решения кто-то другой, ссылаясь на их возраст, и еще 13,1% - что это происходит часто. Не исключено, что в действительности соответствующая доля респондентов больше - просто не всем приятно призываться в том, что кто-то вместо них принимает важные для них решения. Иногда сталкиваются с такой ситуацией 31,4% опрошенных и редко - 20,8%. Никогда не делегировали свои решения другим 24,5% респондентов

Отношение близкого окружения к планам пожилых людей и действиям, направленным на их реализацию, по оценке самих людей старшего поколения, можно охарактеризовать как позитивно-сдержанное: у 32,3% опрошенных их близкие в

основном поддерживают и помогают в реализации жизненных планов, у 23,1% - иногда поддерживают, иногда высказывают скептическое отношение, у 12,8% - относятся к ним нейтрально или равнодушно, и у 1,5% жизненные планы встречают негативное отношение. Нужно также иметь в виду, что у пятой части респондентов (19,8%) вообще нет таких планов, и еще 10,6% затруднились с ответом (таблица 5).

Таблица № 5

Как относятся окружающие Вас люди к Вашим планам и действиям, направленным на самореализацию, развитие?

Валидные	Значения	Частота	%от ответивши х
1	В основном поддерживают и если надо – помогают	258	32,3
2	Иногда поддерживают, помогают, а иногда наоборот – подтрунивают, относятся скептически, отрицательно	185	23,1
3	Спокойно, равнодушно и даже безразлично	102	12,8
4	В основном скептически, с насмешкой или резко негативно	12	1,5
5	У меня нет таких планов и дел	158	19,8
6	Затрудняюсь ответить	85	10,6
	Итого ответивших:	800	100,0

Большинство опрошенных пожилых людей в той или иной мере уверены в собственной возможности влиять на личную жизненную ситуацию - начиная от собственного самочувствия и заканчивая обстановкой в доме и во дворе. Так, 50,1% опрошенных убеждены, что от них самих в полной мере зависят их круг общения и отношения в нем, еще 40,5% - что, скорее, зависят, и 9,4% - скорее, не зависят. На ситуацию в подъезде, доме, дворе в полной мере могут влиять 27,8% опрошенных, скорее, могут, 42,4%, скорее, не могут 29,9%. Думают, что в полной мере от них самих зависят организация быта и решение их повседневных проблем и вопросов, 48,3% респондентов, скорее, зависят - 43,1%, не зависят - 8,6%. В полной мере зависят от них самих образ жизни, события и изменения в жизни с точки зрения 48,9% опрошенных, скорее, зависят - 41,3%, скорее, не зависят - 9,9%. Круг интересов и их реализация, занятия, возможности обучения и развития в полной мере от них самих зависят с точки зрения 46,8% опрошенных, скорее, зависят - 40,9%, скорее, не зависят - 12,4%. Самочувствие, процессы выздоровления и состояние здоровья в полной мере от них самих зависят с точки зрения 42,5% опрошенных, скорее, зависят - 42,3%, скорее, не зависят - 15,3%.

Таким образом, люди старшего поколения ощущают достаточно сильную уверенность в возможности своего влияния и контроля жизненной ситуации, особенно проявляющуюся в повседневной коммуникации, организации быта и решении повседневных проблем. В наименьшей степени прослеживается возможность влияния в пределах локального соседского сообщества - но это закономерно и для остальных возрастных групп.

1. Балабанова К.А. Эйджизм как отражение отношения к пожилым людям в современном обществе: постановка проблемы / К.А. Балабанова, Г.А. Ковалева // Череповецкие научные чтения – 2016. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 11-13.
2. Butler R.N. Age-ism: Another form of bigotry // The Gerontologist. –1969. – Vol. 9. – P. 243-246
3. Колпина Л.В. Влияние эйджиских стереотипов на формирование самоограничительных практик граждан старшего поколения / Л.В. Колпина, Е.В. Реутов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 32-45.
4. Колпина Л.В., Реутова М.Н. Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп / Л.В. Колпина, М.Н. Реутова // Социальная компетентность. – 2019. – Т. 4. – № 2. – С. 153-161.

Коваленко А.И., Шаршова О.А.**Аборты: за и против***ФГБОУ ВО Амурская государственная медицинская академия
(Россия, Благовещенск)**doi: 10.18411/lj-11-2020-252**idsp: ljournal-11-2020-252***Аннотация**

В статье рассматриваются социально-экономические, медицинские, моральные и правовые факторы прерывания беременности женщин в России. Авторы считают, что в стране одно из самых либеральных законодательств по отношению к абортam и анализируют здравоохранительную практику по отношению к репродуктивному здоровью женщины со стороны государства, семьи, медицины, церкви, общественности.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье женщины, аборт, медицина, мораль, законы.

Abstract

The article examines the socio-economic, medical, moral and legal factors of abortion of women in Russia. The authors believe that the country has one of the most liberal legislation in relation to abortion and analyze health care practices in relation to the reproductive health of women from the state, family, medicine, church, and the public.

Key words: woman's reproductive health, abortion, medicine, morality, laws.

В современном мире в основе дискуссий по отношению к аборту лежат две ценностные установки. Противники абортов исходят из того, что аборт есть убийство зародившейся жизни. Их оппоненты считают, что плод не автономен и, поэтому принять решение о сохранении или прерывании беременности - это право женщины.

Обсуждение проблемы абортов проходит в междисциплинарном ракурсе: медицины, социологии, этики, теологии, права. Но никто не сомневается, что это важнейшая социальная проблема. Многие ученые рассматривают ее как часть демографической политики. Для России с ее необъятной территорией экономический прогресс возможен только с увеличением трудоспособного населения. Поэтому в одном из посланий Президента РФ отмечалось, что преодолеть демографический кризис путем естественного прироста населения можно только при радикальном увеличении количества семей с тремя и более детей. Однако каждая семья планирует свою численность с учетом экономических возможностей для ее достойного содержания, воспитания и образования детей, обеспечения здорового образа жизни. К сожалению, по данным Института социологии РАН в 2015 г. 22, 9 млн российских граждан (15,9 %) имели доход ниже прожиточного минимума, 63,4 млн (44 %) считались малоимущими. [6] Поэтому экономический фактор являлся определяющим при принятии решения о рождении детей. Одним из главных средств регулирования рождаемости и планирования семьи продолжает оставаться аборт. При этом в структуре абортов 98 % приходится на женщин от 18 до 44 лет.

Государство принимает меры по повышению рождаемости. В частности, введен материнский капитал на первого и второго ребенка, осуществляются ежемесячные выплаты на первых двух детей до трехлетнего возраста, предоставляются налоговые льготы для многодетных семей, оформляется льготная ипотека для приобретения жилья. В малонаселенных районах Дальнего Востока она составляет 2 %. Сегодня осуществляется поддержка семей в условиях угрозы коронавируса. Но все это радикально не меняет отношение семей к аборту.

Представители либерального направления считают, что аборт не является решающим фактором в демографической ситуации. Гораздо больший урон народонаселению репродуктивного возраста наносят такие явления как суициды, гибель людей в дорожно-транспортных происшествиях, наркомания и алкоголизм, онкологические и сердечно-сосудистые заболевания.

Представители консервативного крыла, прежде всего церковь, категорически выступает за запрещение абортов. В 2015 -2016 гг. по инициативе Святейшего патриарха Кирилла при поддержке Верховного муфтия России Талгата Таджуддина, некоторых представителей власти и общественности развернулась дискуссия о прекращении финансирования абортов по просьбе женщины из фонда обязательного медицинского страхования. Однако это предложение не получило поддержки у населения в силу нарушения прав женщин и из боязни загнать аборт в тень, чем увеличить количество криминальных абортов.

Не оспаривая значимости экономического фактора в репродуктивном поведении семей, думается, что за последний век нашей истории произошли деформации в духовной культуре общества. Утрачена религиозность, когда искусственное прерывание беременности считалось великим грехом. Это было заложено в глубинном сознании людей. Беднейшие крестьянские и рабочие семьи были многодетными. Сегодня социологи, в частности А.А. Попов, предлагает ввести в оборот такие термины как «абортный менталитет», «абортная культура», вкладывая в это понятие «приспособление и привыкание общества к широкому производству абортов как к основному или даже единственному способу регулирования числа детей в семье». И этому трудно возразить. [7]

В правовом государстве регулирование «абортной практики» осуществляется с помощью закона. Нужно отметить, что 45 % государств выработали запретительную позицию по отношению к аборту, в то время как в современной России законодательно закреплён либеральный подход к аборту. В ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» зафиксировано, что каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Прерывание беременности до 12 недель происходит на основе добровольного информированного согласия. По социальным показаниям, к которым относится изнасилование женщины, прерывание беременности может произойти в срок до 22 недель. По медицинским показаниям при возникновении угрозы жизни матери или серьёзной патологии плода прерывать беременность можно на любом сроке. Последующая нормативная практика была направлена на формирование охранительной функции по отношению к репродуктивному здоровью женщины. Создаются центры медико-социальной поддержки беременных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В случае их отсутствия беременные направляются в кабинеты медико-социальной помощи женских консультаций. В стране проводится системная работа по профилактике и снижению абортов. Установлен «час тишины», т. е. дается время на обдумывание возможности отказаться от прерывания беременности после обращения и беседы с врачом. С беременной женщиной общаются психологи. Проводится УЗИ малого таза, чтобы показать женщине зарождающуюся в ней жизнь. И затем несостоявшаяся мать подписывает информированное согласие, в котором указывает, что после всего она принимает решение об аборте. Практика показывает, что такое взаимодействие чаще всего эффективно для колеблющихся женщин.

Главной задачей охраны репродуктивного здоровья женщин является снижение числа случаев материнской заболеваемости и смертности.

Одной из основных причин материнской смертности являются небезопасные аборты. От них ежегодно происходит от 4,7% до 13,2% случаев материнской смерти в мире. В РФ в структуре причин материнской смертности в 2018 году аборты составили 10,6% (17 случаев). Из них 2 летальных исхода произошли после прерывания

беременности до 12 недель, а 15 - после прерывания беременности в сроки 12-21 неделя. Больше всего женщины погибают от неуточненных и криминальных аборт, а также от прерываний беременности по медицинским показаниям на поздних сроках беременности. [3]

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) более 30 лет назад признала аборт серьезной проблемой охраны репродуктивного здоровья женщин во многих странах. И по критериям ВОЗ были выделены две категории аборт: безопасные и небезопасные. В 2003 году ВОЗ опубликовало руководство по безопасному аборту, а в 2012 году обновила его. [1]

Аборт безопасен, если он проводится квалифицированным персоналом, используя рекомендованные ВОЗ методы, соответствующие сроку беременности (медикаментозное прерывание беременности и вакуум аспирация). [1]

В период с 2015 по 2019 г. во всем мире проводилось в среднем 73,3 миллиона искусственных аборт в год. На каждую тысячу женщин в возрасте 15-44 лет приходилось 39 искусственных аборт. [9]

По данным Минздрава России общее число аборт в Российской Федерации снизилось с 627127 в 2017 году до 567183 в 2018 году (на 9,6%), уже на протяжении ряда лет сохраняется положительная динамика. [3] Криминальные аборт в 2018г составили 0,05% от общего числа прерываний беременности. [5] К ним прибегают женщины, с незапланированной беременностью в случае недоступности легального, безопасного аборта.

Хирургический аборт является причиной гинекологической заболеваемости, с ним связывают риск возникновения ранних осложнений и отдаленного влияния на репродуктивное здоровье. К первой группе относятся кровотечения, острые воспалительные заболевания женских половых органов, перфорация матки и ранение органов брюшной полости. Во вторую группу включены хронические воспалительные заболевания органов малого таза, бесплодие, а также осложнения последующей беременности.

В России для большинства врачей критерием безопасности является количество осложнений, отягощающих прерывание беременности. Статистика осложнений, вред здоровью, зачастую преувеличены, основываются на исследованиях с низкой доказательной базой, где анализировались старые, не безопасные методы прерывания. Это культивируется в СМИ и активно поддерживается сторонниками движения Prolife («За жизнь» - общественное движение, выступающее за запрет аборт). [4]

Для медикаментозного аборта ранних сроков частота осложнений в среднем составляет 5%, а положительный эффект достигается в 95-98% случаев. Неполный аборт, прогрессирующая беременность – наиболее частые осложнения медикаментозного аборта. [2, 10, 11] Преимущества медикаментозной технологии в том, что нет внутриматочного вмешательства. Это препятствует механической травме, даже на уровне эндометрия, распространению опасных инфекций, таких как ВИЧ, гепатиты и др. Воспалительные осложнения после медикаментозного аборта возникают в 10 раз реже, чем после дилатации шейки матки и кюретажа. [4]

Исследования показывают, что самостоятельный медикаментозный аборт с использованием онлайн-телемедицины может быть высокоэффективным, в целом 94,7% женщин сообщили об успешном прерывании беременности без хирургического вмешательства. Результаты имеют важное значение для женщин во всем мире, живущих в районах, где доступ к аборту ограничен. [8]

Таким образом, доступность для женщин медицинских знаний о безопасном аборте, реальная поддержка семей, особенно оказавшихся в трудной жизненной ситуации, со стороны государства и общественности, разъяснительно-профилактическая работа среди молодежи по поводу полового воспитания

способствует сокращению количества прерываний беременности, сохранению населения и его репродуктивного здоровья.

1. Безопасный аборт: рекомендации для систем здравоохранения по вопросам политики и практики / ВОЗ. - Второе издание, 2012. – 132с.
2. Клинические рекомендации (протокол лечения) «Медикаментозное прерывание беременности в I триместре» МЗ РФ. – Москва, 2015.
3. Материнская смертность в Российской Федерации в 2018 году (методическое письмо министерства здравоохранения РФ, департамент медицинской помощи детям и службы родовспоможения). Москва, 2019.
4. Медикаментозный аборт в амбулаторной практике / Г. Б. Дикке. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. - 384 с.
5. Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации. ФГБУ "ЦНИИОИЗ" Минздрава Российской Федерации. - М., 2019. - 169 с.
6. Попов А.А. / Цит. о Медикаментозный аборт в амбулаторной практике / Г. Б. Дикке. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. - С. 54
7. Российская газета от 25.10.2015. № 6109 (133)
8. Aiken RA, Digol I, Trussell J, et. al. Self-reported outcomes and adverse events after medical abortion through online telemedicine: population based study in the Republic of Ireland and Northern Ireland. BMJ. 2017 May 16;357: j2011.
9. Bearak J, Popinchalk A, Ganatra B, Moller A-B, Tunçalp Ö, Beavin C, Kwok L, Alkema L. Unintended pregnancy and abortion by income, region, and the legal status of abortion: estimates from a comprehensive model for 1990–2019. Lancet Glob Health. 2020 Sep; 8(9): e1152-e1161.
10. Goldstone P., Walker C., Hawtin K. Efficacy and safety of mifepristone-buccal misoprostol for early medical abortion in an Australian clinical setting. Obstet Gynaecol. 2017 Jun;57(3):366-371.
11. Upadhyay U., Johns N., Combellick S., et. al. Comparison of Outcomes before and after Ohio's Law Mandating Use of the FDA-Approved Protocol for Medication Abortion: A Retrospective Cohort Study. PLoS Med. 2016 Aug 30;13(8): e1002110.

Осколков А.В.

Специфика становления социальной системы в Российской Федерации

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, Абакан)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-253

idsp: lj-11-2020-253

Аннотация

После распада СССР и образование совершенно нового государства прошло около 30 лет. Наша страна перешла от социалистической планово-централизованной системы управления к государственно-рыночной системе. Произошел период трансформационного кризиса, восстановительного социально-экономического подъема, а так же очевидные периоды кризисов и стагнаций в социальной сфере. На сегодняшний момент существует запрос общества на более справедливую социальную политику, на более качественное и эффективное управление в данной сфере. Для удовлетворения этих запросов, необходимо проанализировать становление социальной системы, социальной структуры, социальной политики, а так же выявить определенные закономерности, по которым работает сегодняшняя социальная система Российской Федерации

Ключевые слова: социальная система, социальная политика, экономическая модель, трансформация

Abstract

After the collapse of the USSR and the formation of a completely new state, about 30 years passed. Our country has moved from a socialist planned and centralized system of

government to a state-market system. There was a period of transformational crisis, recovery of socio-economic recovery, as well as obvious periods of crises and stagnation in the social sphere. At the moment, there is a public demand for a fairer social policy, for better and more effective management in this area. To meet these requests, it is necessary to analyze the formation of the social system, social structure, and social policy, as well as to identify certain patterns that the current social system of the Russian Federation operates according to

Keywords: social system, social policy, economic model, transformation

Формирование социальной системы Российской Федерации происходило очень противоречивым путем преобразования одной автономной системы в другую. Происходил качественный «синтез» социальной системы РСФСР, которая входила в социальную систему СССР. Поэтому, в нашем теоретическом исследовании, мы начнем анализ и изложение с этой исходной фундаментальной базы.

В нашем исследовании мы основываемся на том, что социальная система в СССР стала исходной базой для новой российской государственности. Основой любого государства является экономика, которая определяет государственную социальную политику. В свою очередь экономика РСФСР, как и всего Советского Союза, базировалась на общенародной собственности, которая принадлежала государству. Основой управления были так называемые пятилетние и годовые государственные планы, которые в основе содержали бюрократические показатели и требование. И производство предметов потребления и других благ для населения, производилось именно в соответствии с этими планами. Поэтому происходило отсутствие прямой связи между потребителем и производителем, что закономерно вызывало острый дефицит отдельных видов товаров и услуг, в совокупности это провоцировало социальное напряжение в обществе, а в некоторых случаях и острые социальные конфликты. Таким образом, можно предположить, что именно от экономической модели зависит состояние и отношения в социальной сфере общества.

По мнению академика Аганбегян А.Г. «такое огосударствление социальной сферы, естественно, порождает иждивенчество. Почти по любому социальному вопросу люди обращаются к государству со всевозможными требованиями: маленькая пенсия, высокая оплата коммунальных услуг, дефицит бесплатного лекарства, неквалифицированная работа коммунальных служб. И таких проблем в обществе достаточно много. Одним словом, во всем виновато государство, поскольку оно взвалило на себя подавляющее большинство расходов на социальную сферу»[1].

С 1990 года возникает финансовый и социально-экономический кризис в системе еще действующего социалистического строя, который резко усугубился при распаде СССР и плавно перешел в тот период, когда начались реформы перехода страны к «рынку». Изначально кризис очень существенно ухудшил социальное положение населения и привел к падению всего производства в целом. Что вызвало беспрецедентный социальный кризис в новейшей истории нашего государства. В конце концов, происходит развал государства, РСФСР стала самостоятельным государством, во главе с президентом, который в конце 1991 года сформировал совершенно новое правительство. С этого момента начинается новая социально-экономическая история России.

Первым делом, новое правительство предприняло усилия по запуску новых рыночных реформ. Было предложено провести либерализацию цен в конце 1991 г. Но так как многие отрасли были монополизированы, либерализация цен не смогла дать такой социально-экономический эффект, который ожидали получить.

Либерализация началась при острейшем дефиците товаров, что привело к росту цен, дефициту товаров первой необходимости, по всей стране начались социальные конфликты и в целом произошел социальный коллапс. Народное перешло к тотальной стадии деградации. К тому же такое повышение цен фактически обнулило все

сбережения граждан нашей страны. Экономические реформы стали буксовать, росло социальное напряжение в обществе, массовое сокращение и банкротство огромных предприятий, которые держали на плаву многие социальные группы. Все эти факторы привели к затяжному социально-экономическому кризису в период становления Российской Федерации.

Если мы обратимся к опыту других стран по трансформации социально-экономических систем, то подъем их экономики обычно наблюдается на третий год после начала реформ. Первый год характеризуется как глубоко-кризисный, с резким падением всех показателей благосостояния населения. Второй год – это время стагнации, когда необходимо поддерживать курс национальной валюты. И с третьего года начиналось улучшение. Такой опыт был произведен в Польше, Венгрии, Чехословакии, и в других странах. Академик Аганбегян считает, что Россия уже тогда могла покончить с затяжным кризисом, но вмешалась политика. «Россия тоже могла покончить с кризисом к 1995 г, но, увы, этого не произошло. Этот год не стал годом подъема по политическим причинам» [2].

Таким образом, уже можно сделать определённые выводы о том, что государственное управление было разрушено, социальные институты сдавали сбой, социальная система, не успев сформироваться, после крушения СССР уже подверглась жестокому испытанию нашей истории.

Так же нельзя не учесть тот не маловажный факт, что именно в эти не простые года социально-экономического кризиса, когда финансирование всех областей социальной сферы было не то что минимальным, а катастрофически мизерным, формируется законодательная база социальной системы Российской Федерации. В 1992 г появилась «Программа углубления экономических реформ», где главной целью социальной политики объявлялось повышение уровня и качества жизни граждан России. 22 июля 1993 г. были опубликованы «Основные положения законодательства РФ об охране здоровья граждан».

Наиболее часто подвергали изменению в это время пенсионное законодательство. В 1990 г. принимают Закон «О государственных пенсиях в РФ». Итогом его реализации в условиях российских рыночных реформ и экономического кризиса начала 90-х гг. стали низкий размер пенсий, слабая зависимость размера пенсии от прежних заработков, невозможность заранее рассчитать будущую пенсию. В мае 1995 г. выходят федеральные законы «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», а в ноябре – «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации». Они стали основой законодательной базы в сфере социальной защиты населения.

Таким образом, в ходе теоретического анализа в нашем исследовании можно сделать несколько выводов, становление социальной системы проходило в условиях социально-экономического, финансового и политического кризиса, который имели перманентный характер, определивший некий современный каркас социальной системы Российской Федерации. В этот период был основан законодательный фундамент социальной системы, который с изменениями перешел плавно в современную законодательную базу социальной сферы. Именно тогда был сформирован костяк социальной системы новой России, которая к концу этого сложного и противоречивого периода от социалистической административно-плановой системы управления и организации страны перешла к рыночной на базе массовой приватизации предприятий и экономическо-хозяйственных структур.

1. О модернизации социальной системы России / А. Аганбегян // Экономическая политика. – 2010. – N.2. – С. 10.
2. Аганбегян, А.Г. О приоритетах социальной политики / А.Г. Аганбегян. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 69с.

Тарасова М.В.**Прогностика риск-факторов устойчивого регионального развития в России (на примере Ростовской области)***Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-254

idsp: ljjournal-11-2020-254

Аннотация

В статье исследуются ряд факторов, определяющих устойчивость социально-экономического развития российских регионов. На примере одного из субъектов Российской Федерации, входящих в состав Южного федерального округа, - Ростовской области установлены риск-факторы, влияющие на политические и социальные процессы в регионах в условиях технической рецессии, санкционных и пандемических ограничений. Сделан вывод о том, что в текущих условиях функционирования региональных социально-экономических систем целесообразно проведение экономических реформ, обеспечивающих корректировку социально-экономических результатов развития, полученных в постсоциалистический период.

Ключевые слова: регион, прогноз, риск-факторы, социально-экономические результаты, региональное развитие, Ростовская область.

Abstract

The article investigates a number of factors that determine the sustainability of socio-economic development of Russian regions. On the example of one of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Southern Federal District - the Rostov region, risk factors that affect political and social processes in the regions in the conditions of technical recession, sanctions and pandemic restrictions have been established. It is concluded that in the current conditions of functioning of regional socio-economic systems, it is advisable to carry out economic reforms that ensure the adjustment of socio-economic development results obtained in the post-socialist period.

Keywords: region, prognosis, risk factors, socio-economic results, regional development, Rostov region.

После 2014 года социально-экономическое развитие России, функционирование ее общественных институтов протекает в условиях долговременной технической экономической рецессии, санкционного давления. С весны 2020 года пандемия COVID-19 стала еще одним фактором, существенно повлиявший на экономическую активность в стране и усилившим нагрузку на ее социальные институты.

Результаты нашего анализа динамики социально-экономического развития свидетельствуют о том, что значения большого круга социально-экономических показателей [1] свидетельствуют о том, что современный этап развития страны приобретает признаки середины 1990-х годов. Наиболее ярко об этом свидетельствует динамика занятости, преступности и протестной активности населения.

Состояние рынка труда определяется не только уровнем регистрируемой безработицы, но и динамикой занятости в экономике. Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что в Ростовской области за январь – сентябрь 2019 года среднесписочная численность занятых работников в отраслях экономики сократилась на 1,5%. Как свидетельствуют результаты нашего прогноза, эта тенденция сохранится до конца 2019 года и с большей долей вероятности может продолжиться в 2020 году. По результатам наших прогнозных расчетов, представленных в таблице 1, с высокой долей вероятности сокращения среднесписочной численности занятых работников по

итогам 2019 года может составить 2,6%, а в 2020 году – 2,1 %. Результаты анализа динамики занятости в Ростовской области за январь-сентябрь 2020 года свидетельствуют, что среднесписочная численность работников сократилась на 2,9% и составила в августе 1029184 чел. (прогноз – 1011636; точность прогноза – 85%).

Таблица 1.

Прогноз среднесписочной численности работников, в Ростовской области, чел.

Мес./Годы	Факт	Линейная	Логарифм	Экспонента	Степенная
Январь 2019г.	1063783.0	1066375	1069385	1065962.	1069439
Февраль 2019г.	1064633.0	1063638	1062583	1062769.	1062052
Март 2019г.	1066447.0	1060901	1058605	1059585.	1057754
Апрель 2019г.	1059785.0	1058164	1055782	1056411.	1054716
Май 2019г.	1053282.0	1055427	1053592	1053247.	1052365
Июнь 2019г.	1048235.0	1052690	1051803	1050092.	1050448
Июль 2019г.	1046884.0	1049953	1050291	1046946.	1048830
Август 2019г.	1047698.0	1047217	1048980	1043810.	1047430
Сентябрь 2019г.	1048099.0	1044480	1047825	1040684.	1046197
Октябрь 2019г.	0.0	1041743	1046791	1037566.	1045096
Ноябрь 2019г.	0.0	1039006	1045856	1034458.	1044100
Декабрь 2019г.	0.0	1036269	1045002	1031359.	1043192
Январь 2020г.	0.0	1033532	1044216	1028270.	1042357
Февраль 2020г.	0.0	1030795	1043489	1025190.	1041585
Март 2020г.	0.0	1028058	1042812	1022119.	1040867
Апрель 2020г.	0.0	1025321	1042179	1019057.	1040195
Май 2020г.	0.0	1022584	1041584	1016004.	1039565
Июнь 2020г.	0.0	1019847	1041023	1012961.	1038971
Июль 2020г.	0.0	1017110	1040493	1009927.	1038409
Август 2020г.	0.0	1014373	1039989	1006901.	1037877
Сентябрь 2020г.	0.0	1011636	1039511	1003885.	1037370
Дисперсия		3132.230	3933.638	3947.485	4124.827

Степень деструктивного влияния на региональные процессы такого фактора, как рост преступности сложно переоценить, в связи с этим проведем его анализ с целью уточнения иерархии рисков и угроз. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2019 году среди регионов, где зафиксирован рост преступности, преимущественно оказались субъекты, входящие в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Ростовская область заняла второе место по росту преступности в России, третье место у Краснодарского края. Данная динамика в области наблюдается на фоне активной работы по борьбе с преступлениями и действенных мер по оздоровлению оперативной обстановки в регионе со стороны УФСБ России по Ростовской области, но тем не менее ситуация остается довольно сложной. По данным органов прокуратуры, в Ростовской области за 10 месяцев 2019 года было зафиксировано 51,6 тыс. преступлений, что на 10,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года (46,8 тыс. преступлений). Указанный рост преступности нельзя отнести к статистической погрешности. Более того, как отметил Руководитель Прокуратуры Ростовской области на очередном заседании Законодательного собрания Ростовской области, «процент раскрываемости преступлений не изменился - остался на уровне 54,7%» [2].

Результаты нашего анализа свидетельствуют, что ежемесячный средний рост преступлений в Ростовской области за январь-октябрь 2019 года составил 3,2%. В январе 2019 года число зарегистрированных преступлений составило 4542, тогда как в октябре – 5995. Всплеск роста преступности за анализируемый период произошел в августе 2019 года, было зарегистрировано 6563 преступления, что на 32,6% больше уровня июля 2019 года. Результаты нашего прогноза свидетельствуют о том, что в ноябре – декабре 2019 года тенденция роста преступности сохранится. Рост преступлений за эти два месяца 2019 года по сравнению с уровнем преступности в

октябре 2019 года может составить 2,5%, а в целом по итогам 2019 года рост преступности в Ростовской области прогнозируется на 35,3%.

Прогнозные результаты наших расчетов, представленные в таблице 2, свидетельствуют о высокой вероятности сохранения тенденции роста преступности и в 2020 году. За январь – сентябрь 2020 года преступность в Ростовской области может вырасти на 17,4 %, а по сравнению с аналогичным периодом 2019 года на 19,1% и в лучшем случае сохранится тенденция 2019 года.

Таблица 2.

Прогноз количества преступлений в Ростовской области, ед.

Мес./Годы	Факт	Линейная	Логарифм	Экспонента	Степенная
Январь 2019г.	4542.0	4644.7	4425.7	4661.5	4467.1
Февраль 2019г.	4707.0	4781.1	4808.0	4779.5	4801.0
Март 2019г.	5259.0	4917.6	5031.6	4900.5	5007.8
Апрель 2019г.	4936.0	5054.0	5190.2	5024.5	5159.9
Май 2019г.	5269.0	5190.5	5313.3	5151.7	5281.0
Июнь 2019г.	5245.0	5326.9	5413.8	5282.1	5382.1
Июль 2019г.	4950.0	5463.4	5498.9	5415.8	5469.1
Август 2019г.	6563.0	5599.8	5572.5	5552.9	5545.6
Сентябрь 2019г.	5121.0	5736.2	5637.5	5693.5	5613.9
Октябрь 2019г.	5995.0	5872.7	5695.6	5837.6	5675.8
Ноябрь 2019г.	0.0	6009.1	5748.1	5985.4	5732.3
Декабрь 2019г.	0.0	6145.6	5796.1	6136.9	5784.4
Январь 2020г.	0.0	6282.0	5840.2	6292.3	5832.8
Февраль 2020г.	0.0	6418.5	5881.1	6451.6	5877.9
Март 2020г.	0.0	6554.9	5919.2	6614.9	5920.3
Апрель 2020г.	0.0	6691.3	5954.8	6782.4	5960.1
Май 2020г.	0.0	6827.8	5988.2	6954.1	5997.8
Июнь 2020г.	0.0	6964.2	6019.7	7130.1	6033.6
Июль 2020г.	0.0	7100.7	6049.5	7310.6	6067.6
Август 2020г.	0.0	7237.1	6077.8	7495.7	6100.1
Сентябрь 2020г.	0.0	7373.5	6104.7	7685.4	6131.1
Дисперсия		417.635	425.355	419.619	423.805

Статистика преступности в Ростовской области свидетельствует о том, что прогнозная тенденция нашла свое подтверждение. Преступность в Ростовской области не сократилась и за январь-август 2020 года (44333 преступления) осталась на уровне этого же периода 2019 года (41471 преступление). Среднемесячный рост преступности в январе-августе 2020 года составил 2,8% (прогноз – 2,4%).

Анализ статистических данных показывает резкий рост числа тяжких и особо тяжких преступлений - более чем на 19,5%. Данный показатель изменился в результате увеличения числа краж (на 11%) и мошенничества (67%). Вместе с тем, отмечается отрицательная динамика числа убийств (-2,7%), грабежей (-9,8%).

Наметилась опасная тенденция, связанная с ростом числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, прежде всего, - это кражи и разбойные нападения. В СИЗО содержалось 38 подростков за 10 месяцев 2019 года, а в 2018 году 32 человека. Данная цифра сама по себе не является каким-то небывалым ростом, но заслуживает внимание, как элемент роста преступности на территории региона. В молодежной среде сейчас модна криминальная культура АУЕ («арестантский уклад един»). Широкое распространение данной молодежной субкультуры стало возможным из-за отсутствия у части молодежи правильных жизненных ориентиров. Например, они не имеют иной возможности выбиться из бедности, «серости» окружающей обстановки и др. Стоит отметить, что данное движение довольно молодое, существует не более 5 лет, но имеет уже некоторую силу. В этой связи государству необходимо активнее внедрять действенные новые «социальные лифты», восстанавливать систему

рекрутирования талантливой молодежи, особенно на периферии. Чтобы все это в конечном итоге не стало питательной средой для криминальных кругов, что и обеспечивает рост числа преступлений, как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе.

Следующим по степени влияния на региональные процессы дестабилизирующим фактором является повышение уровня социальных протестов, этот рискогенный фактор имеет общероссийский генезис. В последние несколько лет важнейшим стресс-фактором, влияющим на социально-экономическое развитие и политические процессы на региональном и муниципальном уровне, стали различного рода протестные выступления, в том числе и напрямую относящиеся проблеме устойчивого развития регионов. Рост протестной активности и протестного потенциала свидетельствует о недоверии властям всех уровней, может способствовать социальной апатии и правовому нигилизму, усилению иммиграционных настроений, оттоку высококвалифицированных рабочих, специалистов и ученых за рубеж.

В Южном федеральном округе в 2018 году состоялось 842 протестные акции, согласованные с органами государственной власти, в которых приняло участие 40 тысяч человек. По сравнению с 2017 годом количество публичных протестных акций (митингов, пикетов, маршей и т.п.) увеличилось в 2018 году на 11,2%, а число их участников - на 29% [3].

В основном акции протеста в 2018 году были направлены на привлечение внимания властей к неоднозначной ситуации правового разрешения проблем обманутых участников долевого строительства. Из общего числа согласованных и проведенных протестов в 2018 году на долю акций, обусловленных нарушением норм законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов, пришлось 66,4%. При этом 96,8% от всех протестных акций «дольщиков» в 2018 г. прошло в Краснодарском крае, 1,6% - в Ростовской области, 1,6% - в Волгоградской области.

В 7,3% случаев протестные акции были связаны с экологическими проблемами, при этом 3,5% протестов были вызваны планами размещения мусорных полигонов и мусоросжигающих заводов в сельской местности. В Кагальницком и Мясниковском районах Ростовской области в феврале-марте 2019 года прошли митинги против строительства мусороперерабатывающих заводов. В одном из митингов против «мусорной реформы» приняли участие около двухсот человек, или 0,04% от общей численности населения Мясниковского района. В станице Кировской Кагальницкого района Ростовской области 30 апреля 2019 года состоялся пикет численностью 50 человек против строительства мусороперерабатывающего завода. В протесте приняли участие 0,6% от общего числа жителей станицы.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что в Ростовской области за 2019 год проведены 174 протестных акций. За ноябрь – декабрь результаты наших прогнозов свидетельствовали о вероятности проведения еще 55-56 протестных акций. Мониторинг открытых источников информации показал, что в Ростовской области в ноябре 2019 года уже произошли 20 протестных акций (прогноз 27) с общей численностью участников 2545 – 2600 человек, а по состоянию на 12 декабря 2019 года еще 18 акций (прогноз – 29) с общим числом участников 250 - 300 человек. Результаты проведенных нами прогнозных расчетов, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что и в 2020 году не следует ожидать снижения протестной активности. За январь – сентябрь 2020 года возможно проведение 135 – 377 протестных акций в различных их формах (митинги, пикеты, петиции и т.п.). То есть уровень протестной активности останется либо на уровне 2019 года, либо может его превысить как минимум на 5,5%.

Таблица 3.

Прогноз протестов в Ростовской области, ед.

Мес./Годы	Факт	Линейная	Логарифм	Экспонента	Степенная
Январь 2019г.	4.0	0.9	0.0	4.8	4.2
Февраль 2019г.	5.0	3.4	5.7	5.4	5.7
Март 2019г.	19.0	6.0	9.0	6.1	6.8
Апрель 2019г.	7.0	8.6	11.4	6.9	7.8
Май 2019г.	5.0	11.1	13.2	7.7	8.6
Июнь 2019г.	6.0	13.7	14.7	8.7	9.3
Июль 2019г.	7.0	16.2	16.0	9.8	10.0
Август 2019г.	11.0	18.8	17.1	11.0	10.6
Сентябрь 2019г.	4.0	21.3	18.0	12.4	11.1
Октябрь 2019г.	56.0	23.9	18.9	14.0	11.7
Ноябрь 2019г.	0.0	26.5	19.7	15.8	12.2
Декабрь 2019г.	0.0	29.0	20.4	17.8	12.7
Январь 2020г.	0.0	31.6	21.1	20.0	13.1
Февраль 2020г.	0.0	34.1	21.7	22.5	13.5
Март 2020г.	0.0	36.7	22.2	25.4	14.0
Апрель 2020г.	0.0	39.2	22.8	28.6	14.4
Май 2020г.	0.0	41.8	23.3	32.2	14.8
Июнь 2020г.	0.0	44.4	23.7	36.3	15.2
Июль 2020г.	0.0	46.9	24.2	40.9	15.5
Август 2020г.	0.0	49.5	24.6	46.0	15.9
Сентябрь 2020г.	0.0	52.0	25.0	51.9	16.2
Дисперсия		13.254	14.033	14.229	14.826

Определенное число специалистов считают малочисленность протестных акций свидетельством низкого уровня конфликтного потенциала, ограниченностью перспектив протестной активности населения и масштаба их распространения. Результаты нашего анализа свидетельствуют, что, например, в Ростовской области, из общего числа сельских районов 32,6% имеют максимальный уровень социальной напряженности, при этом 28,6% от их общей численности имеют государственную границу с Украиной, что создает угрозу региональной и геополитической стабильности. По данным Центра «Центрум», 45% населения Ростовской области считают возможным проведение массовых акций протеста, а 39% - готовы принять в них личное участие [4]. Таким образом, если учитывать намерения людей поддерживать протест, то потенциал конфликтности значительно возрастает. В связи с чем повышение уровня социальных протестов – это один из тех риск-факторов [5], воздействие которых способно оказать дестабилизацию региональных процессов, учитывая сложность современной ситуации.

Эмпирические и прогнозные данные, полученные в ходе нашего исследования, дают основание говорить о целесообразности реформ, направленных на запуск антикризисных преобразований в экономике и обществе.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2020г. (№ гр. Проекта АААА-А19-119011190170-5).

1. Малюга А.Л., Тарасов С.А., Тарасова М.В. Современные тенденции социально-экономического развития южно-российский регионов. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Мини-Тайп». – 2018. - 54 с.
2. Количество преступлений в Ростовской области выросло на 10% в 2019 году [электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/12/12/2019/5df222769a79474be462c13e> (дата обращения 15.12.2019)

3. Рост протестной активности в России результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг. [электронный ресурс]. – 2018. – URL: <http://ctpr.su/wpcontent/uploads/2018/11/> (дата обращения 11.12.2019)
 4. Хотят, но не участвуют: рассказываем об отношении дончан к протестным акциям [электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://news.rambler.ru/sociology/41830566-hotyat-no-ne-uchastvuyut-rasskazyvaem-ob-otnoshenii-donchan-k-protestnym-aktsiyam/> (дата обращения 15.03.2020)
 5. Антонова Н.И., Малюга А.Л., Тарасова М.В. и др. Пространственное развитие регионов России тенденции и модели: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «Мини-Тайп». – 2019. – 80 с.
-

РАЗДЕЛ XXXII. ФИЛОСОФИЯ

Гумен К.Ф.

Социальная система в контексте медийной типизации информации

Государственный университет «Дубна»
(Россия, Дубна)

doi: 10.18411/lj-11-2020-255

idsp: lj-11-2020-255

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизмов трансформации современного общества в условиях медийного доминирования и воспроизводства хронологически обусловленных мифологий. Рассмотрены основные актуальные подходы к анализу мифологий. Раскрывается значение хронологической организации социального мифа в социальной дифференциации и динамике.

Ключевые слова: информация, миф, время, типизация, дифференциация.

Abstract

The article is devoted to the study of the mechanisms of transformation of modern society in the context of media domination and the reproduction of chronologically determined mythologies. The main current approaches to the analysis of mythologies are considered. The significance of the temporal organization of a social myth in social differentiation and dynamics is revealed.

Key words: information, myth, time, typification, differentiation.

Предполагая структурообразующее значение социальной мифологии для социальной динамики и опираясь на основные теоретические положения зарубежных и отечественных исследователей, таких как: Р. Барт, К. Леви-Строс, Е. М. Мелетинский, Б. Малиновский, М. Элиаде, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, отметим роль мифологических структур в организации социума и его дифференциации [2; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 15; 16].

В исследованиях сущности социального мифа отмечается постоянство основных сюжетов и логики их воплощения в социальных практиках [2; 3; 12; 13; 14]. Отмечается знаково-символический характер мифологий, их реальность для участников социального процесса, целостность и системные возможности, создающие для социальных групп и общностей комфортные механизмы социального включения.

Подобная и своеобразная упорядоченность и осмысленность мифоорганизации социальной жизни раскрывает социальным акторам доступ к идеологической холистичности, а системам и институтам управления к обеспечению социального контроля. Как отмечает Дейк, социальные установки и ценности должны и могут приниматься управляемой подсистемой в качестве естественного порядка вещей, общеприемлемой и изначально установленной парадигмы существования [4].

Мифологии, воспроизводящиеся в общественном сознании, воплощаются таким образом и в социальных практиках. Характерная черта мышления, воплощаемая в идеологии и социальных мифах – самоактуализация и устойчивая воспроизводимость [5-7]. Таким образом в социальную систему задается цель и основная интенция социальных взаимодействий, легитимирующая комфортную для пользователя меди и непротиворечивую картину действительности.

Групповая социальная память, включенная в базисный набор мифосюжетов обеспечивает включенность индивида в систему общественных отношений, а институты предстают перед ним в качестве неоспоримых и необходимых фактов. В

таким случае комфортно может актуализироваться прошлое состояние, оно также может воплощаться в предполагаемых будущих состояниях и условиях.

В целом, практически любая совокупность процессов и фактов действительности может быть транслирована, перенесена во времени и доступна для интерпретаций со стороны управляющей подсистемы. Социальные мифы, фиксируемые и применяемые в медийных практиках выполняют важнейшую роль структурообразования и позиционируемые во времени-длительности предопределяют содержание общественных процессов, коллективную и групповую идентичность акторов, позволяют воспроизводить и поддерживать социальную иерархию.

В то же время участники социального взаимодействия так или иначе воспроизводят социальную включенность, в достижении которой в связи с временным фактором социальной идеологии и мифологии возникают затруднения. Отметим изменения, связанные с переходом к от традиционного к информационному обществу. Система неравенства перетерпела изменения и в значительной мере стала определяться фактором включенности в медийную интерперетацию времени мифосюжета. Прежде социально депривированные элементы составляли большую часть обществ и все-таки не исключались из отношений [1]. Медийная, мифологически оформленная типизация информирования обеспечивает возможности манипулирования идентичностями и социальной включенностью индивидов и групп.

Кроме того, важен и фактор информационной избыточности, разрушающий социальную субъектность и не позволяющий социальным акторам комфортно участвовать в практиках так или иначе связанных с историческими, научными, массовыми или эстетическими установками. Можно предположить связь проявления массовой динамики со случаями неадекватного выстраивания типизаций в медийной политике и, как следствие, нарушения социальной устойчивости.

Отметим и то обстоятельство, что управление общественными процессами посредством медийной переработки мифосюжетов и связанных с ними идеологий стало рациональным феноменом с помощью которого поддерживается внутренне противоречивая система господства и неравенства.

Кроме того, воплощаемая в социально значимой мифологии реальность общественной жизни обладает историчность т.е. опирается на опыт и механизмы межпоколенной легитимации. Без типизации объектов мифомышления происходит рассогласование социального участия, где каждое поколение вынуждено формировать собственное время, создавать собственную реальность с иными мифосюжетами, ибо «всякая структура требует различности и объединенности различного» [7].

Таким образом мы делаем следующие выводы.

Во-первых, мифосюжет остается востребованным, значимым структурообразующим и высоко организованным элементом общественной жизни.

Во-вторых, эволюция современного нам миф в медийной обработке направлена на «сжатие» времени развертывания мифосюжета, формирование локальных значений при общем приросте объемов информации, в которой преобладает количественный фактор, а факторы связанности и качества времени для поколений и социальных групп исчезают.

В-третьих, управление общественным сознанием посредством локализации мифологии объективно приводит к дифференциации социальной межпоколенной памяти, разделению групп, общностей и индивидов по признаку отношения к феномену времени, когда маркером институциональной или групповой включенности становится следование своему виду мифологии или фрагменту мифосюжета.

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1989. 616 с.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во Сабашниковых, 2000. 320 с.

4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
5. Леви-Строс К. Мифологии. Сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006. 399 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
10. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
11. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература РАН, 2004. 462 с.
12. Рябцев С. В. Место и роль мифологии в социально-политической жизни России XX столетия (социально-философский анализ): дис. канд. филос. наук. М., 2004. 177 с.
13. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Мифологическое время и пространство как факторы институционального формообразования и воспроизводства // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 189-193.
14. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Темпоральная организация социального мифа // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 8. С. 113-117.
15. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 240 с.
16. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

Свириденко А.А.

Онтологические аспекты образовательного пространства

*Филиал ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет»
(Россия, Кумертау)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-256

idsp: ljjournal-11-2020-256

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы современного российского образования. Автор вскрывает и анализирует взаимосвязи, проявляющиеся в образовательном пространстве. В работе дается оценочная характеристика образовательного пространства и его составляющих. В работе уделено внимание вопросу совершенствования оплаты труда профессорско-преподавательского состава. Автором предпринята попытка выявить социальную значимость профессиональной ориентации. Критическому анализу подвергается компетентностная модель образования. Автор в негативном ключе анализирует порочную практику нескончаемых проверок, отчетов, мониторингов и т. п., которые лишь отвлекают ВУЗ от осуществления своего бытия в образовательном процессе. В статье показана роль гуманитарной составляющей образовательного пространства в техническом ВУЗе.

Ключевые слова: педагогика, образование, ЕГЭ, профориентация, оплата.

Abstract

The article deals with the problem questions of modern Russian formation. The author opens and analyzes the interrelations which are available in educational space. The estimated characteristic of educational space and its components are given in the research. The author considers questions of perfection of an educational system and a payment of the faculty. The revealing of the importance of vocational counselling finds the place in the article. To the critical analysis is exposed componential model of education. The author in the negative plan gives an estimation of constant checks, accreditations, etc. The role of a humanitarian component in a technical university is shown.

Keywords: pedagogics, education, training, Unified State Exam, vocational guidance, payment.

При анализе образовательного процесса, как пространственно-временной категории возникает ряд весьма противоречивых моментов, не подлежащих однозначной трактовке. В этом проявляется специфика такого социального явления как образование. Философское осмысление образования предполагает осмысление бытия субъектов образовательного процесса, протекающего во времени и пространстве. На протяжении всей истории своего бытия образование постоянно трансформировалось в соответствии с требованиями определенных форм социального бытия. Процесс этот имеет место и сегодня. Автор делает попытку анализа современных форм российского образования, его позитивных и негативных сторон. Вопросы развития, совершенствования и реформирования отечественного образования постоянно находятся в поле зрения и осмысления как педагогов, так и социологов, политиков, философов, юристов и специалистов ряда других профилей. Исходя из анализа реформ в отечественном образовании за последние десять лет, начинаешь осознавать, что за чередой этих преобразований, зачастую, не видно истинного лица нашего образования. Как говорят: «за деревьями не видно леса». Динамичную дискуссию вызывает вопрос о целях современного образования. В философском аспекте образование можно представить как социальное пространство, которое имеет следующую структуру: реальное, виртуальное и духовное пространство. В этих пространствах осуществляют свое бытие субъекты образовательного процесса. Современные формы общественного устройства существенно влияют на конструирование приоритетных направлений науки и образования. В этом заключается квинтэссенция образовательного пространства. Доминирующими усилиями, в этом плане, следует считать: формирование креативной личности, квалифицированного специалиста и гражданина [3,321-323]. Для достижения вышеперечисленных целей необходимо использовать положительный опыт как дореволюционной России, так и советской системы образования. Естественно, что использовать результаты этого социального опыта следует не один к одному, а с учетом тех исторических изменений, которые произошли в обществе.

Одним из ключевых моментов исследуемой проблематики является ЕГЭ. Вот уже на протяжении ряда лет по этому вопросу продолжается дискуссия. Есть сторонники, есть противники. Практикующие педагоги в большинстве своем высказывают негативные характеристики. Чиновники от образования двумя руками поддерживают данную форму проверки знаний. В современном фольклоре бытует частушка:

«Как гвоздь, застрявший в сапоге,
Набил оскомину ЕГЭ ».

Вот уж поистине: «Глас народа — глас Божий». Народ дал образное и весьма емкое, меткое определение. Конечно, как любое социальное явление, ЕГЭ имеет свои положительные и отрицающие составляющие. Перечислять их здесь нецелесообразно. Они, по большому счету, всем известны. Вопрос заключается в том, что эту систему проверки знаний следует постоянно, поэтапно совершенствовать. На наш взгляд наиболее оптимальным вариантом решения этого вопроса является предоставление экзаменуемым альтернативы: ЕГЭ или экзамен в классической форме. Автором проводились опросы среди выпускников школ. Результаты позволили сделать вывод: выпускники, у которых преобладает естественный и технический, логический тип мышления, предпочитают форму ЕГЭ. Выпускники с ассоциативным типом мышления, склонные больше к гуманитарным наукам, высказались за классическую форму экзамена. Соотношение опрошенных в количестве 1000 человек сложилось следующим образом:

- «за ЕГЭ»: 45%;
- «за классический экзамен»: 37%;
- «мне все равно»: 11%;
- «затрудняюсь ответить»: 7%.

Это позволит изжить порочную практику «натаскивания» учащихся на ЕГЭ и использовать классическую систему подготовки к экзаменам. Вопрос использования блочно-модульной модели образования, навязанной нам Западом и горе-реформаторами не вписывается в нашу ментальность. Более того, такая практика приводит к негативной деформации мышления [127-130]. По мнению большинства педагогов-практиков и ученых процесс обучения сегодня трансформировался в процесс считывания информации. Контингент обучающихся занят не изучением темы, а считыванием информации с компьютерного дисплея, которую забудут через час-полтора [2,35-38]. Весьма интересный эксперимент был проведен в Санкт-Петербургском политехническом университете. Было сформировано две группы студентов, которым была поставлена задача изучить определенную проблематику. Одна группа действовала по классическому образцу: лекции, учебники, библиотека, периодика. Другая черпала информацию из Интернет-ресурсов. При подведении итогов выяснилось, что студенты, использующие Интернет, показали более обширные знания. А студенты, использующие классическую форму подготовки, показали более глубокие знания. Еще Конфуций высказал мысль о том, важна глубина знаний, а не их количество. Поверхностные, пусть даже обширные знания, не способствуют формированию квалифицированного специалиста. Автор являлся участником данного эксперимента, будучи делегатом научно-практической всероссийской конференции с международным участием.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что серьезной ошибкой при реформировании российского образования был отказ от фундаментальной системы образования, сложившейся еще в дореволюционной России. Переход к блочно-модульной системе подорвал основы нашего отечественного образования. Суть вопроса проявляется при сравнении двух систем. Фундаментальное образование своим базисом имеет изучение взаимосвязей, выявление причин и анализ результата, как следствия. А при блочно-модульной системе основной упор делается на заучивание матрицы (блока), без выявления сути, вызвавшей ее появление. Весьма показателен исторический анализ военного конфликта между Англией и Аргентиной по поводу Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 году. Начнем с того, что, к счастью, в наших военно-учебных заведениях сохраняется, в основном, фундаментальная система передачи знаний. Так, например, при изучении теории ракетно-артиллерийской стрельбы рассматривается весь процесс формирования залпа, ведения огня и анализируются его составляющие. За рубежом рассматривается шаблон, матрица этого процесса. Обучающийся должен быстро найти нужный материал на компьютере. А если бортовой компьютер выйдет из строя? Что, собственно, и происходило во время вышеупомянутого военного конфликта между Англией и Аргентиной. При выходе из строя бортового компьютера корабль становился мишенью для вражеской авиации и не мог произвести торпедную атаку или артиллерийский залп [1, 307-309]. Российский же офицер и без компьютера рассчитает артиллерийский залп или торпедную атаку, поскольку обучен этому в военном училище. Комментарий, как говорится, излишен.

К сожалению, сегодня в большинстве случаев, осуществление бытия в учебном пространстве сводится к «натаскиванию», зазубриванию матриц с целью успешной сдачи ЕГЭ. По сути своей, обучающийся просто считывает информацию уже готовую, не вникая в суть явления или процесса. Следствием такого, с позволения сказать, обучения является снижение творческой активности будущих специалистов. Практика показывает, что студенты практически разучились пользоваться книгой. Получив задание, студент ищет решение вопроса не в своей памяти, а на экране сотового телефона или компьютера. Даже в случае спешного ответа на практических занятиях. Через некоторое время студент не может воспроизвести в памяти пройденный материал. И винить за это студента нельзя. Это болезнь века. Вина лежит на реформаторах образовательной системы. Отсюда вытекает, что характер бытия в

образовательном пространстве от его активной формы трансформировался в пассивную. В конечном итоге снижается профессиональная квалификация и компетентность [5,201-203].

С сожалением приходится констатировать, что процесс передачи знаний из духовного производства сегодня пытаются преобразовать в форму образовательных услуг. Вот уж поистине, доигрались. Это подмена понятий. Услуги имеют совершенно другой социально-правовой статус. Услуги оказывают в парикмахерской, в ателье мод, в сапожной мастерской и, уж простите, в доме терпимости. А в образовательных учреждениях следует давать образование, а не услуги оказывать. Сведение процесса духовного производства к оказанию услуг ведет к гибели системы образования как таковой. Коммерциализация системы образования - это умышленное ее уничтожение. Тем более, что подобного рода нововведения проходят у нас в уродливой форме. Нынче стало модным обязывать ВУЗы заключать хозяйственные договоры. Абсурд. Еще можно понять, если речь идет о цикле инженерно-технических дисциплин. И то с большой натяжкой. Но когда хоздоговорные работы требуют от кафедры философии или истории, простите, возникает вопрос, а эти реформаторы адекватны как личности? Задача ВУЗа обеспечить образовательный процесс, а не прибыль получать. И государство должно, просто обязано, если хочет иметь достойную науку, армию, флот и авторитет на международной арене, инвестировать систему образования. Так называемые хоздоговорные работы могут выполнять научно-исследовательские институты, но не учебные заведения. Об этом намекнул в одной из новостных передач Первого канала спикер Государственной Думы. Смотрят ли наши чиновники от образования подобного рода передачи, читают ли газеты и журналы? Или только подсчитывают барыши? Сегодня система отечественного образования находится в плачевном состоянии. Она буквально потонула в трясине отчетов, мониторингов, аккредитаций и прочей бюрократической шелухи. Причем на каждый документ требуется его электронная копия и наоборот. После проверки большая часть бумаг оседает неизвестно где на просторах Министерства образования. И в следующий раз все начинается сначала. Абсурд, господа! Причем половина собираемых данных, по сути своей, никому не нужна. А ведь коллектив отвлекается от своей основной задачи - образовательного процесса, все сочиняют бумаги от рабочих программ до сведений о полезных площадях. Процесс обучения замирает. В народе уже давно говорят: «Медикам и педагогам некогда ни лечить, ни учить». И повседневная жизнь этих учреждений наглядно доказывает справедливость этой народной мудрости. Если исходить из постулата соотношения сознания и бытия, ситуация складывается парадоксальная. Причем интересно, что автор «не открывает Америку». Об этом говорят по телевидению, пишут в газетах и журналах. «Однако, воз и ныне там». У автора имеется несколько подобных публикаций. в том числе и в журналах перечня ВАК. Но, не читают чиновники научную литературу. Некогда им, надо придумывать новые формы, бланки, анкеты и отчеты. А то, не дай Бог, в ВУЗах начнут студентов учить. А господа чиновники страсть как кушать хотят.

Необходимо отметить, что сегодня явно прослеживается тенденция подмены понятий в отечественной педагогике. Весьма интересный вопрос соотношения терминов «образования» и «обучение». Идентичны ли эти понятия? Давайте порассуждаем. Такое явление как обучение свойственно не только человеку. Обучением занимаются и животные. Они обучают детенышей добывать растительную пищу, охотиться, маскироваться. Вот тут можно использовать такие понятия как «навык» и «умение». Другое дело образование. Это гораздо более высокий уровень передачи информации. Это духовное производство. Образование имеет в основе своей понятие «образ», следовательно, основной задачей образования следует считать приближение обучающегося к «образу Божьему»! Образовательный процесс как музыка, поэзия и живопись. Мы пишем и вяем креативную личность и

гражданина. И строить этот процесс следует по вдохновению, а не по плану. А если такового отсутствует, можно поставить вопрос о целесообразности использования бездуховной и невдохновленной личности в системе Высшей школы [8,315-321]. И проверять следует не планы и учебные программы, методику проведения занятий и духовное состояние коллектива педагогов и студентов [7,310-311]. Следовательно, обучение - это детсад, школа, колледж (техникум). А ВУЗ - это образование [5,33] и здесь как раз функционируют профориентационная, гуманитарная и патриотическая составляющие. Так, например, в филиале ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» в городе Кумертау имеется положительный опыт, наработанный кафедрами «Промышленная автоматика» и «Естественно-научные и общетехнические дисциплины». Здесь на базе межкафедральных и междисциплинарных связей проводятся совместные модульные занятия, недели кафедры и конференции. Занятия проводятся с элементами деловой игры, моделирующей определенный круг параметров производства [4,47]. Выпущенные по этой проблематике методическое пособие и монография, авторами которых являются доцент Л.Н. Грачева, к сожалению, ныне покойная, старший преподаватель Н.Г. Васильева и профессор А.А. Свириденко удостоены золотых медалей и вошли в каталог ВДНХ. Вышеназванным работам присвоен статус «Педагогическое открытие». Весьма эффективным моментом здесь является тот факт, что на такие мероприятия приглашаются представители производств и соответствующих профессий [3,33]. Что, по сути своей, является практическим выражением сентенции «Интеграция науки и производства».

В этой связи необходимо коснуться и такого вопроса как гуманитарная составляющая в техническом ВУЗе. Автор полагает, что объем гуманитарной составляющей необходимо увеличить. Автор делает такой вывод, исходя из собственной педагогической практики и научно-исследовательской работы по данной проблематике. Это реальная потребность сегодняшнего дня [6,180]. Выпускник университета, независимо от профиля учебного заведения, должен быть разносторонне развитым человеком. История подтверждает целесообразность такого подхода.

Вот лишь несколько примеров: Римский-Корсаков - морской офицер и композитор, Бородин - химик и музыкант, Блохвитинов - долгое время возглавлял журнал «Наука и жизнь», доктор технических наук и прекрасный поэт.

Что мы имеем сегодня? Риторика и стилистика наших технических, и не только, специалистов находится в плачевном состоянии. Выход здесь один - увеличить объем часов по русскому языку и культуре речи. В конечном итоге, гуманитарная составляющая формирует правильную гражданскую позицию и патриотизм. Под патриотическим воспитанием сегодня следует понимать не только конкурс «Рекрут», смотры строя и песни, что, конечно же, необходимо, но и привитие любви к родному языку и культуре. Гражданин страны должен знать историю своего Отечества, его литературу, обычаи и традиции. Значение гуманитарной составляющей трудно переоценить. Вспомним выступления поэтов-шестидесятников, собиравших огромные массы народа в политехнических университетах и институтах Москвы, Ленинграда и других городов.

Говоря о проблемах отечественного образования, нельзя оставить за пределами внимания вопрос системы оплаты труда профессорско-преподавательского состава. Ныне действующая система уходит своими корнями в сороковые-пятидесятые годы прошлого столетия. Она не соответствует требованиям времени и давно морально устарела. Сегодня оплата труда преподавателя вытекает из его педагогической нагрузки, что в основе своей не соответствует элементарной логике. В основе оплаты должна лежать квалификация педагога. Ведь профессор, доктор наук, доцент остаются таковыми независимо от того, сколько человек находится в аудитории, пять или сорок. Итак, квалификация - это база, фундамент. А вот количество студентов и часов должны

оплачиваться как надбавки за интенсивность труда. Следует пересмотреть количество студентов в академических группах [9,168]. Чтоб преподаватель мог дойти до каждого, количество студентов в группе должно быть минимальным. Автору настоящей статьи приходилось общаться с коллегами из Германии и Мексики. Так, например, в Мексике профессор работает с четырьмя студентами, не более. Конечно, при таком раскладе можно из каждого студента сделать высококлассного специалиста. Современное образовательное пространство можно представить как двухзвенную структуру, в пространственном поле которого осуществляют свое бытие две большие группы: педагоги, чиновники от образования и обслуживающий персонал. Во второй группе бытийствуют студенты (обучающиеся), их родители (опекуны и законные представители), а так же технический персонал. Рассматривая вопрос бытия преподавательского состава в образовательном пространстве, нельзя не остановиться на таком интересном нюансе, как индивидуальные планы. В этих планах кроме разделов учебной и методической работы имеются разделы организационной, научной и воспитательной работы. Все это расписано по часам, исходя из норм времени и педагогической нагрузки. Казалось бы, все хорошо, все предусмотрено. Что же показывает практика? Коль скоро эти виды деятельности педагога регламентированы нормами времени, они должны оплачиваться. Это вытекает из смысла трудового законодательства. На деле же получается весьма интересная ситуация. Возьмем ведомость на зарплату. Там на оплату подаются только часы лекционных и практических занятий. А организационно-методическая, консультационная, воспитательная работа остаются вне оплаты. Почему? В плане есть раздел научной работы по госбюджету. Его не берут во внимание. Почему преподаватели должны за свой счет публиковать учебники, статьи, монографии? Налицо нарушение принципов трудового законодательства, основным постулатом которого является правило: «Каждый труд должен быть оплачен». Это положение зафиксировано в Международной Конвенции труда, принятой ООН. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в систему оплаты труда ППС и систему отчетности. Еще раз подчеркнем, что в основе оплаты труда ППС должна лежать квалификация педагога, а не количество часов и студентов. Необходимо установить базовые оклады для разных категорий ППС. Количество студентов в группе должно быть не более пятнадцати человек. Если преподаватель работает с большим количеством студентов, ему должны выплачиваться надбавки за интенсивность труда. Автор неоднократно будировал эти вопросы в своих публикациях и выступлениях [9,169].

Что касается отчетности, она конечно, нужна. Вопрос заключается в том, как часто отчитываться и какие параметры своей деятельности включать в эту отчетность. Проверять нужно степень оснащенности техническими средствами обучения, условия труда ППС, наличие медпункта, столовой (буфета), условия для лиц с ограниченными возможностями. Вполне допустимо проверить методику проведения занятий. В отчет следует включать сведения о научной деятельности ППС, о публикациях. При компановке УМК по предметам в его состав следует включить: базовый учебник, методическое пособие, программу, вопросы к зачету и экзамену. При этом учебная (рабочая) программа должна составляться не преподавателями, а методической службой ВУЗа (головного) и рассылаться по филиалам и представительствам. Необходимо прекратить порочную практику постоянного изменения образовательных стандартов. Достаточно это делать не реже одного раза в десять лет, программы обновлять один раз в пять лет. Особое внимание следует уделить совершенствованию духовной составляющей и воспитания студентов [9,169]. Таким образом, образовательное пространство включает в себя: обучение (получение знаний, навыков, умений) и образование (совершенствование личности, развитие ее духовных качеств и

воспитание). Причем, воспитание никак нельзя исключать из образовательного пространства. Представьте себе образованного, обученного человека, но бездуховного и не воспитанного. Вырисовывается образ эдакого Франкенштейна или среднестатистического фашиста. Конечно же, вся эта деятельность должна оплачиваться. Проанализировав все вышеизложенное, автор считает целесообразным рекомендовать произвести следующие изменения в структуру образовательного пространства:

- вернуться к фундаментальной системе образования;
- вернуть, с учетом требований времени, программы Советской высшей школы;
- в основе оплаты ППС должна лежать квалификация;
- количество студентов в группе не должно превышать пятнадцати человек. Все, что свыше должно обеспечиваться надбавками за интенсивность труда;
- сократить количество проверок, мониторингов, аккредитаций, дать возможность ВУзам спокойно заниматься своей деятельностью;
- отказаться от компетентностной модели образования;
- вернуться к специалитету;
- возродить систему распределения по окончании учебного заведения;
- предоставить возможность альтернативы: ЕГЭ или классический экзамен;
- все виды деятельности ППС, указанные в индивидуальном плане, подлежат оплате;
- необходимо финансировать научную деятельность, государство должно оплачивать авторские публикации, патенты, открытия.

1. С.М. Азиева, А.А. Магомедов «Реформы в области системы образования»: История и современность // Казанская наука N5, 2016 г., стр. 35-38.
2. В. Губайловский «Виртуальное пространство в учебном процессе»: Новый мир, N5, стр. 3-38.
3. К.С. Нурзалиев «Проблемы и перспективы создания гибкой учебно-образовательной системы» // Научное обозрение, М.: 2018 г., стр. 321-323.
4. А.А. Свириденко, Л.Н. Грачева, Н.Г. Васильева «Методические рекомендации по организации и проведению профессиональной направленности»: АТП-профессия, г. Казань, «Бук», 2016 г., стр. 47.
5. А.А. Свириденко «Креативный подход к профориентационной работе в техническом ВУЗе» // Казанская наука, N 11, 2017 г., стр. 201-203.
6. А.А. Свириденко «Русский язык как форма проявления национального бытия», Москва, РАЕ, 2014 г., стр. 180.
7. А.А. Свириденко «Онтологические аспекты современного образования»: //Достижения вузовской науки: от теории к практике. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Оренбург, 2018 г., стр. 310-311.
8. А.А. Свириденко «Гуманитарное образование в техническом ВУЗе». Материалы третьей международной научно-практической конференции «Формирование технического специалиста в XXI веке», г. Санкт-Петербург, 2005 г., стр. 22-23.
9. А.А. Свириденко, Л.Н. Грачева «Методические рекомендации по проведению модульных занятий с элементами деловой игры по теме: «Законы диалектики и их применение в физике, информатике и военном деле», г. Воронеж, ВГПУ, 2013 г., стр. 22-33.
10. А.А. Свириденко «Духовно-нравственное воспитание как атрибутивный элемент современной педагогики» // Образование и эпоха, Монография, Житомир-Москва-Воронеж, 2014 г, стр. 93-100.
11. А.А. Свириденко «Образование, воспитание, профориентационная работа как атрибуты современной педагогики» // Казанская наука, N11, 2016 г., стр.18.
12. А.А. Свириденко «Образование, воспитание, профориентационная работа как атрибуты современной педагогики» // Казанская наука, N11, 2016 г., стр.169.

**Хайбулаева З.Р.
Философия Дэвида Юма**

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса»
(Россия, Махачкала)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-257

idsp: ljjournal-11-2020-257

Аннотация

Статья посвящена крупнейшему шведскому философу Дэвиду Юму положившему начало новому типу философии. Его учения стали переломным моментом философии и занимают особое место новоевропейской философии.

Ключевые слова: познание, эмпиризм, скептицизм, сенсуализм.

Abstract

The article is devoted to the major Swedish philosopher David Hume who initiated a new type of philosophy. His teachings became a turning point in philosophy and occupy a special place in modern European philosophy.

Keywords: cognition, empiricism, skepticism, sensationalism.

Философы разных эпох и направлений по-разному и в различных аспектах формулировали проблему и цели самопознания, а также противоположно оценивали значимость самой постановки этого вопроса — от представления, что это единственный способ начать философствовать, до полного отрицания философской и практической значимости этой процедуры.

Дэвид Юм родился в Шотландии, отец был известным адвокатом, а мать была дочерью главы судейской коллегии. Дэвид Юм потерял своего отца в раннем возрасте, его мама ожидала, что он продолжит путь отца и станет адвокатом. Дэвид поступил в Эдинбургский университет для изучения юриспруденции. Однако ему это не понравилось, он отказался от учебы. Его интересовала история и философия.

В 1738 г. Дэвид начал свою философскую деятельность, опубликовав первые две части «Трактата о человеческой природе», где он рассматривает сенсуализм — это философское направление, согласно которому чувственный опыт и восприятие является единственным источником познания.

Он рассматривает «познание, основанное на восприятии». Восприятие — это осознание наших собственных ощущений, возникающих в результате пользования органов чувств, или же проявлением мыслей и рефлексий.

Восприятия делятся на 2 вида:

1. Впечатления — это «те восприятия, которые с наибольшей силой входят в сознание». То есть «образы внешних объектов, сообщаемые чувствами нашему уму».
2. Идеи — это более слабый вид восприятия, образуются из размышлений о каком-либо чувстве или объекте, которого нет в наличии.

Однако работа не принесла успеха, так как была очень объемной и не все понимали мысль философа.

В 1740 г. Дэвид Юм выпускает сокращенное изложение произведения «Трактата о человеческой природе», в котором пытался донести свою мысль, но и эта публикация не вызвала интереса публики.

В 1741 г. было опубликовано «Эссе о норме вкуса» где философ рассказывает об идеях новой эстетики, основанной на вкусах общества. Юм утверждал, что человеческая красота качество присущие природе, а общественная оценка суждений эстетики лишь признают существующие качества.

В 1748г. выходит третья часть трактата, которую он опубликовал в отдельной работе «Исследования о человеческом познании», содержала в себе упрощенное изложение теории познания Юма, пожалуй, наиболее популярное произведение.

Философ считал, что ассоциацию единственный способ мышления при помощи чувственных образов. Юм выделял три закона ассоциации идей:

- По сходству (по форме, по цвету, по функциям);
- По смежности (во времени или пространстве);
- Причинность;

Эти принципы не являются врожденными качествами ума, а зарождаются в процессе опыта. Согласно Юму человеческая душа представляет собой экран, на котором отражаются все идеи и впечатления человеческого существования.

Механизм работы идеи причинности формируется из повторяющегося опыта, впоследствии чего вырабатываются привычки, т.е. (два последовательно или параллельно появившихся объекта в сознании человека могут иметь связь). К примеру, мы неоднократно наблюдаем, что солнце восходит каждый день, отталкиваясь от своих воспоминаний, мы предсказываем восход солнца, хотя нет ничего, что могло бы дать объективную необходимость восходу солнца. Говоря другими словами только по той причине, по которой мы привыкли, что солнце восходит каждый день, мы уверены в том, что солнце взойдет завтра.

Причинность – только идея, которую мы добавляем к опыту, когда события оказываются, связанными в пространстве или же во времени и регулярно следуют друг за другом. Упомянутое «завтра наступит, потому, что взойдет солнце».

В 1751г. Дэвид Юм привлекает внимание еще одним произведением «Диалоги о естественной религии». Когда его спросили: верит ли он в потустороннюю жизнь, он ответил: это так же возможно, как и не сгоревший уголь, положенный в огонь.

Он считал, что религия не только бесполезна, но и вредна для людей. Следуя религии люди стали верить в чудеса, сверхъестественность, беспричинность, вместо веры в естественные причинные связи и явления. Следовательно, если люди освободятся от религии, то обеспечат благо для себя и своих потомков.

Немецкий философ Иммануил Кант писал о Дэвиде Юме следующее, Юм не был понят современниками эпохи Просвещения в результате чего его идеи не вызвали того уровня дискуссий и популярности среди читателей, которого он так жаждал добиться в период своей жизни. Зачастую он часто старался провоцировать эту дискуссию в своих произведениях.

Исходя из выше сказанного, в заключение мы можем сказать о том, что философия Дэвида Юма внесла огромное влияние на дальнейшее развитие новоевропейской философии. Дэвид предполагал, что большинство знаний приобретаются на основе опыта и привычек, без включения процессов мышления. Он считал реальность как поток идей, верил не в причины, а в привычки. Юм был первым философом-атеистом, который принял это обвинение, до него философы боялись обвинений в атеизме.

Несмотря на недопонимание современников, он никогда не сдавался. Философ принял решение донести свои идеи, используя другие средства в виде эссе, для достижения поставленной цели.

1. Батин В. Н. // Категория счастья в этике Дэвида Юма // XXV Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. / В. Н. Батин – М.: Л., 1972. – с. 169.
2. Виноградов Н.Д. // Философия Дэвида Юма/ Н. Д. Виноградов – М.: Мысль, 2011. – с. 264.
3. Васильев В.В. Философская психология эпохи Просвещения. 2010. – с. 520.
4. Васильев В. В. // Дэвид Юм и загадки его философии // Вопросы философии. /В. В. Васильев – М.: УРСС, 2020. – с.704.
5. Дэвид Юм. // Диалоги о естественной религии – М.: ЛКИ, 2008. – с. 200.
6. Дэвид Юм. // Трактат о человеческой природе – М.: Азбука СПб, 2017. – с.320.
7. Дэвид Юм.// Опыт о человеческом разуме – М.: Мысль, 2002. – с.188.
8. Касавин И.Т.// Вопросы философии/ И. Т. Касавин 2011. № 3. с. 157-171.
9. Порус В.Н. // Дэвид Юм философия культуры / В. Н. Порус – М.: Мысль, 2012. № 2. с. 92-103.
10. Смит А. // Автобиография Дэвид Юм. /Адам Смит – М.: ТомСувенир, 2006. – с. 191.
11. Церетели С. И, Швырев В. С. // Сочинения в двух томах Дэвид Юм. /С.И. Церетели, В. С. Швырев – М.: Мысль, 1996. – с.735/800.



Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№67, 11.2020

Ноябрь 2020 г.
Часть 6

Подписано в печать .30.11.2020 Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович